Н. П. Огановскій.

Откуда пошла крестьянская земельная нужда.

(Исторія земельнаго вопроса со второй половины 18-го вѣка).

Удостоена преміи по конкурсу, установленному Московскимъ Обществомъ Грамотности въ память 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ.

Изданіе 2-е.

Москва—1917.

ПРОВ.

45036.

Московская Синодальная Типографія.

ГЛАВА I

Надѣлы и повинности крестьянъ при крѣпостномъ правѣ.

Какъ помѣщики стали земельными собственниками.

Тысячу лѣтъ назадъ на Руси совсѣмъ еще не было частной земельной собственности; вся земля была вольной, ничьей, и каждый человѣкъ,—все равно, знатный боринъ, княжескій дружинникъ, или простой мужикъ, по тогдашнему, смердъ, могли пахать, косить, рубить лѣсъ, строить избы, гдѣ хотѣли, безъ запрета.

Народу тогда было еще мало, а земли—сколько угодно; звѣря въ лѣсахъ и рыбы въ водахъ водилось множество, и жители больше занимались охотой, рыболовствомъ, чѣмъ хлѣбопашествомъ. Понятно, что захватывать землю въ свою собственность, какъ говорится, «на вѣчно», никому не было смысла, потому что въ ту пору ее на всѣхъ хватало, и, кромѣ того, оставались никѣмъ не занятыя пустыя мѣста—огромные лѣса и степи. Это все равно, что теперь кто-нибудь вздумалъ бы объявить своей собственностью часть воздуха на землѣ, или воду въ морѣ—ихъ, вѣдь, всѣмъ довольно,—поэтому они и цѣны не имѣютъ.

Но вотъ увеличилось населеніе, стало жить потѣснѣе, поубавилось звѣря и птицы, и появилась первая земельная собственность. Бабка Владиміра Святого, княгиня Ольга, первая стала захватывать «ловища» и «перевѣсища»—мѣста, гдѣ больше водилось дичи; за ней потянулись слѣдомъ другіе князья, за князьями—ихъ дружинники и бояре, по-

томъ монастыри. Черезъ сто лѣтъ послѣ крещенія Руси, въ первомъ писаномъ сборникѣ законовъ—«Русской правдѣ»—уже появились законы о межахъ и границахъ владѣній, и за нарушеніе этихъ границъ полагалась строгая кара.

Когда кочевые народы, половцы и татары, оттѣснили русскихъ изъ плодородныхъ кіевскихъ степей на сѣверъ, въ дремучіе лѣса, на глинистую землю,—жить стало еще тѣснѣе—народъ перешелъ съ охоты на земледѣліе, и земля сдѣлалась цѣннѣе, нужнѣе трудовому люду. Тогда князья, а потомъ и московскіе цари объявили всю землю *государевой* собственностью и стали распоряжаться землей по своему усмотрѣнію. Дѣло въ томъ, что, при частыхъ войнахъ, царямъ нужно было большое войско, а денегъ тогда было еще мало, безъ денегъ же содержать войско нельзя. Вмѣсто денегъ князья раздавали своимъ воинамъ—дворянамъ и боярамъ—землю «для службы», только на то время, пока тѣ служили. Имѣнія, которыя раздавались дворянамъ, назывались *помѣстьями*: отсюда и пошло названіе помѣщиковъ. Были, впрочемъ, бояре, у которыхъ имѣнія передавались по наслѣдству изъ рода въ родъ; такія имѣнія назывались *вотчинами*, и владѣлецъ вотчины могъ ее продать, заложить, завѣщать по наслѣдству, т. е. былъ полнымъ земельнымъ собственникомъ. А помѣстьями дворяне владѣли временно, и когда кончали службу, то помѣстья у нихъ отбирались. При первыхъ московскихъ царяхъ вотчинниковъ было не много,—Иванъ Грозный отобралъ у нихъ большую часть вотчинъ и отдалъ своимъ опричникамъ въ помѣстья; но когда на престолъ вступили Романовы,—число вотчинниковъ стало увеличиваться.

При московскихъ царяхъ и при Петрѣ Великомъ всѣ дворяне обязаны были нести государеву службу. Раньше войско состояло только изъ дворянъ и ихъ холоповъ, а потомъ, когда завелась постоянная армія, дворяне стали служить офицерами, а въ гвардіи и солдатами. Служили они въ канцеляріяхъ, управляли, собирали подати, и Петръ

Великій зорко слѣдилъ, чтобы дворяне отъ службы не укрывались. Оттого въ деревенскихъ помѣстьяхъ, — какъ разсказываетъ тогдашній помѣщикъ Болотовъ,—«живали одни только престарѣлые старики, не могущіе больше нести службу, или за болѣзнію и дряхлостью отставленные, и всѣхъ такихъ было немного». Трудно было тогдашнимъ помѣщикамъ смотрѣть за хозяйствомъ, и запашекъ своихъ они почти не дѣлали, а большею частью сдавали землю крестьянамъ за оброкъ. Оброкъ крестьяне платили хлѣбомъ, овощами, мясомъ, птицей, холстами, посудой—словомъ, натуральными продуктами, а гдѣ деньги у нихъ водились, то и деньгами. Не было тогда и интереса помѣщикамъ заводить свое большое хозяйство: города были малолюдные, торговля слабая, хлѣбъ дешевый, дороги плохія шли по дремучимъ лѣсамъ, полнымъ лихого люда. Крестьяне питались своимъ хлѣбомъ, шили сами себѣ одежду изъ своихъ овчинъ и домотканнаго полотна, дѣлали посуду и мебель—словомъ, все, что нужно для домашняго обихода, работали сами, а чего не умѣли—дѣлали свои деревенскіе ремесленники. Помѣщики кормились тѣмъ, что имъ давали крестьяне, и, по жизни своей, только тѣмъ и отличались отъ мужиковъ, что больше ихъ ѣли и пили, да одѣвались потеплѣе и понарядпѣе, а все у нихъ тоже было домашнее, некупленное.

Но уже при первыхъ Романовыхъ, послѣ великой смуты, когда жить стало поспокойнѣе и населеніе возросло сильнѣе,—торговля увеличилась, и, напримѣръ, въ Москву ввозилось каждый день по 800 возовъ хлѣба. Еще больше возросла торговля и промышленность при Петрѣ Великомъ, который завелъ большое войско и флотъ, строилъ новые города, прорывалъ каналы для прохода судовъ и барокъ съ Волги на Балтійское море. Для своихъ солдатъ и кораблей ему понадобились сукно, пушки, ядра, полотно, канаты,—и онъ устроилъ, впервые на Руси, большіе фабрики и заводы. Помѣщики, имѣвшіе капиталы, землю и даровой крѣпостной трудъ, поняли, что теперь можно отъ хозяй-

ственныхъ предпріятій выручать большой доходъ: они тоже, вслѣдъ за казной, заводятъ фабрики въ тѣхъ областяхъ, гдѣ земледѣліе было невыгодно, а тамъ, гдѣ земля была урожайной, начинаютъ сажать мужиковъ на барщину. Стало прибыльнѣе для помѣщиковъ свое хозяйство,—начали они добиваться, чтобы имъ правительство дало волю отъ обязательной службы: добиться этой воли имъ было легко, потому что, послѣ смерти Петра, вся власть оказалась въ рукахъ дворянъ. На престолѣ тогда происходили частыя смѣны; гвардія, состоявшая сплошь изъ дворянъ, верховодила во всѣхъ дворцовыхъ переворотахъ; военныя и гражданскія власти, отъ верхнихъ до нижнихъ, были изъ дворянскаго сословія,—понятно, что всѣ законы и указы, изданные въ то время, шли на пользу дворянамъ. Первымъ долгомъ, дворяне стали полными земельными собственниками той земли, которую они получили «для службы». Уже при первыхъ Романовыхъ большая половина имѣній стала вотчинами, а при Петрѣ и Аннѣ—и всѣ остальныя помѣстья сдѣлались наслѣдственными родовыми владѣніями помѣщиковъ.

Земля, бывшая тысячу лѣтъ тому назадъ вольной, ничьей, потомъ государевой, казенной,—стала частной собственностью господъ. И въ то же самое время помѣщики избавились отъ обязательной службы, за которую они получили землю. Избавились не вдругъ, а все-таки въ очень короткое время. Въ 1736 году дворяне получили первую льготу: срокъ службы имъ убавили до 25-ти лѣтъ и позволили одного изъ двухъ сыновей оставлять дома для хозяйства; потомъ стали все чаще давать отпуски домой, и, наконецъ, 18-го февраля 1762 года—за 100 безъ году лѣтъ до освобожденія крестьянъ—былъ изданъ манифестъ о вольности дворянской: была дарована «въ потомственные роды благородному россійскому дворянству вольность и свобода». Дворяне стали вольными отъ царской службы, а крестьянъ въ то же время, закрѣпостили еще тверже.

Долго разсказывать о томъ, какъ крестьяне, сидѣвшіе на помѣщичьихъ земляхъ, попали въ петлю крѣпостного права. Кто желаетъ узнать объ этомъ подробнѣй,—пусть прочтетъ хорошую книжку Князькова: «Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право въ Россіи». Здѣсь же мы отмѣтимъ только, что, чѣмъ вольнѣе становилось помѣщику, тѣмъ сильнѣе закрѣпощался крестьянинъ, и, въ концѣ-концовъ, ко времени указа о вольности дворянской, крестьяне потеряли всѣ права и стали настоящими рабами, вещью, которой помѣщики могли распоряжаться, какъ хотѣли: могли продать, купить, вымѣнять на борзыхъ щенковъ, заставить работать какую угодно работу, забрать себѣ все имущество, отнять надѣлъ, снести на-сломъ избу, переселить за тридевять земель, взять къ себѣ въ услуженіе, отдать въ рекруты, сослать въ Сибирь.

Такимъ образомъ, за 100 лѣтъ до освобожденія, у помѣщиковъ въ рукахъ оказались три могучія силы: ***власть***,— они стали первенствующимъ сословіемъ въ государствѣ; ***земля***,—которая творитъ самое нужное человѣку—пищу, и ***даровой трудъ*** милліоновъ крѣпостныхъ, безъ котораго земля была бы безплодной.

Первую изъ этихъ силъ—силу власти—дворяне употребили не только на то, чтобы добиться вольности, но и чтобы пріумножить свое богатство, увеличить площадь своихъ земель и число рабовъ.

Составленная Петромъ Великимъ табель о рангахъ (законы о чинахъ), по которой каждый, получившій извѣстный чинъ за службу, становился дворяниномъ,—умножила число дворянъ. При Петрѣ всѣхъ дворянскихъ семействъ было около 100 тысячъ, а черезъ сто лѣтъ—ихъ стало 200 тысячъ. Но еще больше выросло число дворянъ—***землевладѣльцевъ***. При Петрѣ только 15 тысячъ—шестая часть всѣхъ дворянскихъ семействъ—владѣли землями и крѣпостными душами, а въ 1835 году 109 тысячъ—большая половина дворянъ обзавелась своими вотчинами.

Раздача земель, населенныхъ крестьянами, царскимъ любимцамъ и знатнымъ дворянамъ, стоявшимъ ближе къ трону, началась еще въ ту пору, когда Петръ Великій былъ маленькимъ ребенкомъ и государствомъ правила царевна Софья. Потомъ и самъ Петръ началъ жаловать имѣнія съ людьми своимъ генераламъ, и всего, съ 1682 по 1711 годы, было пожаловано 44 тысячи дворовъ—болѣе 200 тысячъ душъ обоего пола и болѣе милліона десятинъ.

Послѣ Петра пожалованіе земель еще усилилось. Каждый разъ, какъ новый царь или царица вступали на престолъ, они осыпали милостями своихъ приближенныхъ, а, при частыхъ перемѣнахъ на престолѣ, такихъ пожалованій было много. До восшествія императрицы Екатерины II на престолъ, всего было пожаловано 389 тысячъ душъ. Больше всѣхъ пожаловала Екатерина II—800 тысячъ душъ, и сынъ ея Павелъ—600 тысячъ душъ обоего пола; а всего, за 100 съ небольшимъ лѣтъ, дворянамъ было подарено свыше 2-хъ милліоновъ крестьянъ.

Жаловались обыкновенно казенныя земли и казенные и дворцовые крестьяне. Императоръ Павелъ считалъ, что крестьянамъ легче живется за помѣщиками, чѣмъ за казной и говорилъ, что «лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ». А крестьяне просили его взять ихъ въ казну. Крѣпостные князя Голицына писали ему въ прошеніи: „смилуйся, государь, и не дай въ-конецъ погибнуть, отрѣши насъ за себя, государь! Если же вы, государь, насъ, бѣдныхъ, и паки оставите за господиномъ, тогда они насъ всѣхъ на-смерть помучатъ“...

Казенные и *дворцовые* крестьяне жили больше на окраинахъ Россіи. Болѣе 400-хъ лѣтъ бились русскіе съ татарами, занявшими плодородныя, черноземныя степи, и оттѣсняя ихъ, подвигались все дальше на югъ и на востокъ. Въ эти завоеванныя благословенныя мѣста переселялись вольные люди и бѣжали крѣпостные, и, первое время, они всѣ записывались въ казенные крестьяне. Вотъ эти-то огром-

ныя степи и лѣса и жаловались дворянамъ въ 18-мъ вѣкѣ. Такъ было въ приволжскихъ степяхъ и на Дону; въ недавно присоединенной къ Россіи Малороссіи Екатерина II утвердила крѣпостное право, а Павелъ закрѣпостилъ крестьянъ въ завоеванной при Екатеринѣ Новороссіи. Александръ I, вступивши на престолъ, далъ обѣтъ не умножать числа „несчастныхъ“ крѣпостныхъ, и раздача населенныхъ имѣній при немъ прекратилась. Но земли безъ крестьянъ продолжали раздаваться, и при немъ и Николаѣ I дворянамъ пожаловано еще болѣе 2-хъ милліоновъ десятинъ.

Дворяне не довольствовались одними милостивыми пожалованіями: они сами, пользуясь своею силой, захватывали и земли и живущихъ на нихъ крестьянъ. Такъ, при Петрѣ много крестьянъ бѣжало въ Нижегородскую губернію и здѣсь они были записаны за казной, но черезъ 20 лѣтъ около половины ихъ стало помѣщичьими, а еще черезъ 20— всѣ они попали въ крѣпостные, и, какъ это случилось,— они сами объяснить не могли. Никакихъ владѣнныхъ записей у помѣщиковъ не было.

Въ Шацкомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, была пустынная степь, 40 верстъ длиной и 30 верстъ шириной, считавшаяся казенной. Ее понемногу запахивали и забирали къ себѣ сосѣдніе помѣщики: кто посильнѣе—побольше, послабѣе—поменьше. То же дѣлалось и въ другихъ мѣстахъ. Живя рядомъ съ дворцовыми крестьянами, или съ однодворцами,—крупные владѣльцы оттягали отъ нихъ много земли. А когда было генеральное межеваніе, помѣщики угощеніями, подарками, склоняли межевыхъ чиновниковъ на свою сторону, и земля оставалась за ними.

Развитіе помѣщичьяго хозяйства.

Получивши въ пожалованіе и захвативши десятки милліоновъ десятинъ и милліоны крѣпостныхъ, освободившись отъ обязательной службы,—дворяне начинаютъ садиться на землю, пускать въ ходъ двѣ накопленныхъ силы: плодородную силу земли и животворящую силу дарового крѣпостного труда. Къ концу 18-го вѣка границы Россіи раз-

двинулись отъ Бѣлаго моря до Чернаго, появились богатые многолюдные города, разрослась торговля и промышленность. Наша великая русская равнина издавна дѣлится, по качеству земли, на двѣ половины: въ сѣверной половинѣ—земля глинистая и песчаная, покрыта лѣсомъ, лугами, болотами. Чтобы пахать, раньше приходилось выкорчевывать и выжигать лѣса, осушать болота и удобрять землю, потому что безъ удобренія она не рожала. Поэтому земледѣліе тутъ—тяжелое и неблагодарное дѣло, и кормиться имъ однимъ было трудно. Зато здѣсь основались наши двѣ столицы Москва и Петербургъ, и много другихъ городовъ. И съ давнихъ поръ, народъ сталъ заниматься разными промыслами и ремеслами. Чѣмъ быстрѣе росли города и городская промышленность, тѣмъ больше крестьянъ уходило на промыслы изъ своихъ деревень, потому что они были куда выгоднѣе, чѣмъ пахота по пескамъ да болотамъ. Въ концѣ 18-го вѣка въ Ярославской губерніи уже третья часть всѣхъ взрослыхъ мужиковъ брала паспорта для ухода на заработки, тоже въ Московской и Костромской. Эта сѣверная половина россійской равнины называется *нечерноземной* полосой.

Кто хотѣлъ работать на хорошей землѣ, или кому плохо жилось въ родной сторонѣ,—уходилъ на югъ. Въ южной половинѣ Россіи—въ *черноземной* полосѣ—лежали раздольныя степи съ черной, жирной землей, лѣсовъ было мало, работать на землѣ было легко, и нетронутая цѣлина давала вначалѣ богатые урожаи. Еще при Иванѣ Грозномъ, когда подати отяжелѣли, пошли въ Московской землѣ голодовки, моръ, разореніе опричниной, а потомъ настало всеобщее смятеніе,—ушло на югъ до милліона людей. И во все время, пока освобожденная отъ кочевыхъ татаръ степь пустовала, сюда бѣжалъ народъ отъ крѣпостного права, отъ податей, непосильныхъ работъ, преслѣдованія раскольничьей вѣры. Быстро заселялась черноземная полоса: за 150 лѣтъ до освобожденія крестьянъ въ ней прибавилось населенія,

если даже не считать Малороссіи и Новороссіи,—на 17 милліоновъ душъ, а въ нечерноземной полосѣ, за это время, только на 7 милліоновъ. Каждый прибывшій крестьянинъ запахивалъ, сколько было въ силахъ земли, степи покрылись хлѣбами и потянулись отсюда обозы съ хлѣбомъ на сѣверъ. Южная половина Россіи стала подкармливать сѣверную, нечерноземную полосу, которой не хватало своего хлѣба. Передъ концомъ крѣпостного права одной водой отправляли 115 милліоновъ пудовъ, да гужомъ — почти столько же. Кромѣ того, на берегу Чернаго и Азовскаго морей, появились торговые порты—Одесса, Азовъ, Таганрогъ, и черезъ эти порты сталъ вывозиться нашъ хлѣбъ за границу—до 40 милліоновъ пудовъ въ послѣднее время крѣпостного права.

Развитіемъ промысловъ въ не-черноземной полосѣ и ростомъ земледѣлія въ черноземной—воспользовались помѣщики. При петербургскихъ царицахъ, особенно при Екатеринѣ II, помѣщики уже не жили такъ просто, какъ при московскихъ царяхъ. Овладѣвъ огромными площадями населенной крестьянами земли, осыпанные денежными подарками, получая жалованье, собирая разные правильные и неправильные доходы по службѣ,—дворяне сильно разбогатѣли; а разбогатѣвши, нахватавшись верхушекъ образованія отъ европейскихъ учителей, они почувствовали вкусъ къ роскошной жизни. Богачи выстроили себѣ огромные дворцы, завели прислугу изъ сотенъ и тысячъ дворовыхъ людей, кареты, охоту, музыкантовъ, театры, задавали пиры, на которые съѣзжались сотни гостей. У генерала Измайлова, далеко не перваго богача, было 150 троекъ съ кучерами для катанія гостей, нѣсколько сотъ псарей и 2000 борзыхъ. У Головина—300 человѣкъ дворни, и обѣдъ, каждый день, состоялъ изъ сорока кушаній. Помѣщики побѣднѣй тянулись изо всѣхъ силъ за богатыми: кто имѣлъ 1000 душъ крѣпостныхъ,—старался жить по образцу владѣвшихъ десятью тысячами; владѣвшіе сотнями во всемъ

подражали тысячникамъ, а мелкопомѣстные не отставали отъ сотенниковъ. По словамъ тогдашняго помѣщика Шелехова, владѣлецъ 50-ти душъ, съ хорошимъ вкусомъ, жившій по-модному, не могъ уже выѣзжать иначе, какъ въ каретѣ или въ колескѣ; на платье себѣ, женѣ и дочерямъ у него выходило 1300 рублей; на разныя украшенія дома—200 рублей; на вина, чай, сахаръ, кофе и пряности, тогда очень дорогіе,—1400 рублей; на починку экипажей, сбруи и ливреи—400 рублей; на наемъ учителей иностранныхъ языковъ и музыки—1200 рублей, на всякіе другіе расходы 1000 рублей; а всего—5.500 рублей ассигнаціями (на серебро—втрое меньше), не считая съѣстныхъ припасовъ, которые крѣпостные крестьяне доставляли даромъ ему и дворнѣ.

На такую роскошную жизнь нужны были большія средства, и эти средства помѣщики добывали отъ своихъ крестьянъ. Многіе, получивши вольность, уѣхали въ деревни и завели свое хозяйство; другіе продолжали жить и служить въ городахъ, а за хозяйствомъ въ деревнѣ слѣдили ихъ родные; третьи наняли управляющихъ. Такъ или иначе, но всѣ помѣщики стали думать объ увеличеніи доходовъ со своихъ имѣній. И, стараясь объ этомъ, они прилаживали хозяйство въ каждой мѣстности такъ, чтобы оно было наиболѣе прибыльнымъ. Тамъ, гдѣ земля была плохая, но гдѣ близко лежали города, или вдоль рѣкъ и большихъ дорогъ—вообще, гдѣ было людиѣе, гдѣ кипѣла торговая жизнь,—тамъ помѣщики отпускали крестьянъ на сторонніе заработки, и крестьяне платили помѣщикамъ денежный *оброкъ*. Въ нечерноземной полосѣ уже при Екатеринѣ больше половины крѣпостныхъ было на оброкѣ.

Въ черноземной полосѣ, гдѣ хлѣбопашество было прибыльно, а промысловъ мало,—только четвертая часть крестьянъ была на оброкѣ, а три-четверти сидѣли на *барщинѣ*, пахали господскую пашню. Отсюда зимой тянулись огромные обозы съ господскимъ хлѣбомъ на сѣверъ, въ города нечерноземной полосы. Много хлѣба помѣщики курили на

вино, потому что винокуреніе съ 1765 г. было дозволено только дворянамъ. „Вино курить дозволяется всѣмъ дворянамъ и ихъ фамиліямъ, а прочимъ—никому". Продовольствіе на армію казна покупала тоже у дворянъ. Въ Малороссіи помѣщики начали заводить свеклосахарные заводы, а въ Новороссійскихъ степяхъ, гдѣ населеніе было еще рѣдкое,—стада тонкорунныхъ овецъ—мериносовъ.

Съ годами помѣщичье хозяйство росло: запашки увеличились, «хлѣбные отвозы» (вывозъ хлѣба на продажу) утроились и учетверились, прибавились винокуренные и сахарные заводы и стада овецъ выросли почти до 9 милліоновъ головъ. Чѣмъ ближе къ концу крѣпостного права, тѣмъ больше расширяли помѣщики свои хозяйственные обороты, и къ этому побуждало ихъ не только желаніе получить побольше дохода, а подчасъ и нужда, которую нѣкоторые помѣщики, особенно мелкопомѣстные, начинали чувствовать.

Съ 19-го вѣка, прекратилось пожалованіе казенныхъ крестьянъ въ крѣпостные,—со стороны, стало-быть, новыхъ рабочихъ силъ не прибывало, а число прежнихъ крѣпостныхъ не только не увеличивалось, а даже пошло на-убыль. Въ 1836 году всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ обоего пола считалось 22 милліона 100 тысячъ душъ, а черезъ 22 года—только 21 милліонъ 600 тысячъ—на 500 тысячъ меньше. А, между тѣмъ, если бы прибыль населенія у крѣпостного люда была такая же, какъ у всего русскаго народа, то за это время прибавилось бы, по крайней мѣрѣ, 3 милліона черезъ одинъ естественный приростъ [1]). На самомъ же дѣлѣ, полмилліона убыло, и, стало-быть, всего крѣпостные потеряли 3½ милліона. Потеря эта произошла, прежде всего, потому, что у крѣпостныхъ рождалось меньше,

[1]) Русскій народъ—самый плодовитый въ Европѣ: хотя умираетъ у насъ больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ, но рождается еще больше и, благодаря избытку рожденій надъ смертями, каждый годъ прибываетъ по 15 человѣкъ на тысячу живущихъ. Эта прибыль называется естественнымъ приростомъ.

а умирало больше людей, чѣмъ у свободныхъ государственныхъ крестьянъ. На естественномъ приростѣ отзывались тяжелыя условія жизни подъ барскимъ гнетомъ. Далѣе, крѣпостные, которые отдавались въ рекруты, освобождались отъ своихъ помѣщиковъ; потомъ, около 320 тысячъ душъ обоего пола были освобождены и записаны въ свободные хлѣбопашцы и обязанные крестьяне; потомъ, хотя, подъ-конецъ, почти всѣ окраины Россіи заселились, а все-таки, оставались еще углы, куда можно было бѣжать, и гдѣ охотно принимали и скрывали бѣглыхъ.

Отъ этихъ и другихъ причинъ крѣпостные убывали въ числѣ, а число помѣщиковъ, на которыхъ они работали, наоборотъ все разросталось. Помѣщичьи фамиліи дробились. Одно господское семейство дѣлилось на нѣсколько новыхъ, и на каждаго, при раздѣлѣ, приходилось меньше крестьянъ и меньше земли. Между тѣмъ, каждый помѣщикъ хотѣлъ жить не только по прежнему, а даже лучше прежняго, а потому стремился съ меньшаго количества крестьянъ выжать больше доходовъ. Одинъ старый мужикъ такъ объяснялъ своему барину, почему у него крестьяне обѣднѣли: «дѣдъ твой былъ гораздо богаче отца твоего, а жилъ проще, истрачивалъ немного. У него было нѣсколько сыновей: имѣніе раздѣлилось, а каждый хотѣлъ жить не только не хуже дѣда своего, но еще прибавилъ разныя затѣи. Имѣніе отца твоего тоже раздробилось, и тебѣ досталась только часть; значитъ, ты бѣднѣе его, а, между тѣмъ, у отца твоего не было ни такого дома, ни такой роскоши,—такъ о чемъ же толковать».

Ученый иностранецъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи, подмѣтилъ это дробленіе помѣстій и увидалъ, что чѣмъ бѣднѣе становятся дворяне, тѣмъ хуже приходится ихъ крестьянамъ. „Помѣстья дробятся, образуется классъ бѣдныхъ дворянъ. Эти-то бѣдные дворяне—настоящія піявки для своихъ крестьянъ“. Въ особенности сильно раздробились помѣстья въ Малороссіи.

Стремленіе вести роскошную жизнь, вмѣстѣ съ дробленіемъ помѣстій, приводило къ тому, что помѣщики залѣзали въ долги. Казна открыла заемные банки—помѣщики бросились туда занимать деньги подъ закладъ крестьянскихъ душъ.

Въ 1856 году 6 милліоновъ 600 тысячъ мужскихъ душъ—$^3/_5$ всѣхъ крѣпостныхъ—было заложено, и на помѣщикахъ лежало больше 425 милліоновъ долгу. За этотъ долгъ надо было платить проценты,—иначе имѣніе отбиралось, а проценты приходилось выжимать изъ своего помѣстья.

Всѣ эти причины: ростъ промышленности и торговли, дробленіе имѣній, убыль крѣпостныхъ, наконецъ, задолженность,—заставляли помѣщиковъ вплотную заняться своимъ хозяйствомъ. А хозяйство это все было построено на даровомъ крестьянскомъ трудѣ. Вотъ мы и посмотримъ сейчасъ, какъ отразилось разростаніе господскаго хозяйства на крѣпостныхъ крестьянахъ.

Разряды крѣпостныхъ крестьянъ.

Крестьяне дѣлились на три разряда: оброчныхъ, платившихъ помѣщикамъ оброкъ; барщинныхъ, пахавшихъ господскую пашню и исполнявшихъ всякія другія работы, и дворовыхъ, не имѣвшихъ своего хозяйства, жившихъ на дворѣ у помѣщика и прислуживающихъ ему. Повинности оброчныхъ крестьянъ, обыкновенно, были легче, чѣмъ барщинныхъ: такъ, при началѣ царствованія Екатерины II, оброчные платили 2 рубля съ души, а барщиннымъ ихъ повинность, если перевести на деньги, по тогдашнимъ цѣнамъ, обходилась въ 7—8 рублей; въ концѣ царствованія Екатерины II, черезъ 35 лѣтъ, оброчные платили около 7-ми рублей, а трудъ барщинныхъ оцѣнивался въ 14—16 руб. Стало-быть, повинности барщинныхъ были, примѣрно, раза въ два тяжелѣе, чѣмъ оброчныхъ; а между тѣмъ, земельные надѣлы, которые крѣпостные крестьяне получали отъ помѣщиковъ за эти повинности, были у барщинниковъ куда меньше. Владѣльцы оброчныхъ крестьянъ рѣдко жили въ своихъ помѣстьяхъ и своего хозяйства почти не вели, а потому земля имъ была не нужна и они, по крайней

мѣрѣ, въ концѣ 18-го вѣка, почти всю ее отдавали крестьянамъ, а въ барщинныхъ имѣніяхъ помѣщикамъ самимъ была нужна земля, и крестьянамъ они отрѣзали меньшія доли.

Оттого, что у оброчныхъ было больше земли, меньше повинностей и жилось имъ свободнѣе, вдали отъ господскаго глаза, наконецъ,—и промыслы давали порядочные заработки—были они богаче барщинныхъ. Всѣ писатели того времени замѣчали, что оброчные „изобильнѣе живутъ"; встрѣчались между ними настоящіе богачи на линіи купцовъ, платившіе по нѣсколько тысячъ рублей оброка въ годъ. Даже число наказанныхъ въ оброчныхъ имѣніяхъ было меньше: по 1 и 2 наказанныхъ въ годъ на 100 душъ, а у барщинныхъ—по 4, 5, 6, и болѣе. Стало-быть, для крестьянъ было бы гораздо лучше, если бы помѣщики переводили барщинниковъ на оброкъ. Еще Пушкинъ описывалъ, какъ молодой и добрый помѣщикъ, Евгеній Онѣгинъ пріѣхавъ въ имѣніе,

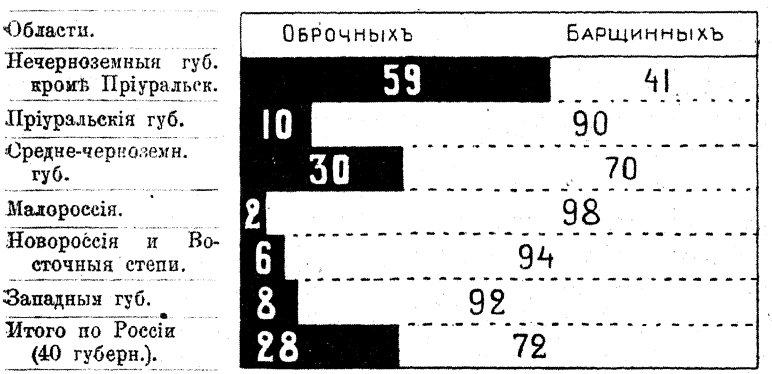
«Яремъ отъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ—
Мужикъ судьбу благословилъ.
Зато въ углу своемъ надулся
Его расчетливый сосѣдъ».

Надулся онъ потому, что барщина была гораздо выгоднѣе для помѣщика, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣліе являлось доходнымъ дѣломъ. Въ Орловской губерніи барщинное тягло (два взрослыхъ работника) давало 106 рублей дохода помѣщику, а оброчное только 30 рублей. «Доходы барщиннаго имѣнія, писалъ Курскій помѣщикъ Мочалкинъ, всегда гораздо выше дохода оброчнаго». У него было два имѣнія: одно на оброкѣ, другое на барщинѣ, и оброчное не давало 40 рублей съ тягла, а барщинное—больше 80-ти. Вотъ почему, когда помѣщики начали заботиться объ увеличеніи дохода со своихъ имѣній, число барщинниковъ во многихъ губерніяхъ черноземной полосы, стало расти, а оброчниковъ—уменьшаться.

Въ особенности разрослась барщина на югѣ и юго-востокѣ. Напримѣръ, въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, до 1820 года совсѣмъ не было барщины. Огромныя имѣнія здѣсь получили въ подарокъ знатные, придворные вельможи, которые переселяли сюда, на пустынныя земли, крестьянъ изъ середины Россіи; первое время переселенцы были свободны отъ податей и поставки рекрутовъ, сами распоряжались пашней, покосомъ и лѣсомъ и платили только маленькій оброкъ своимъ господамъ. Черезъ 10 лѣтъ ихъ всѣхъ посадили на барщину. Такъ было и въ другихъ уѣздахъ Саратовской и Самарской губерніи, а въ Малороссіи и Новороссіи почти сплошь всѣ крѣпостные работали на барщинѣ.

Въ нечерноземной полосѣ, наоборотъ, вмѣстѣ съ развитіемъ промысловъ, помѣщикамъ становилось выгоднѣе отпускать крестьянъ на оброкъ, на сторонніе заработки и тамъ число оброчниковъ увеличилось.

Чтобы яснѣе было видно, какъ распредѣлились оброчники и барщинники въ разныхъ областяхъ Россіи передъ волей, мы предлагаемъ читателю взглянуть на эту табличку. Изъ 100 душъ крѣпостныхъ было:



Табличка эта сдѣлана такъ: каждая область имѣетъ свою полоску, раздѣленную на 100 долей; на этой полоскѣ мы отмѣрили, сколько долей приходится въ области на оброч-

никовъ и покрыли ихъ черной краской, а доли барщинниковъ оставили бѣлыми: и вотъ мы видимъ, что кромѣ нечерноземныхъ промысловыхъ губерній, лежащихъ вокругъ Петербурга и Москвы, всѣ остальныя области почти цѣликомъ заняты бѣлой краской, обозначающей доли барщинниковъ. Изъ каждой сотни крѣпостныхъ душъ въ Пріуральѣ барщинниковъ было 90, въ срединныхъ черноземныхъ губерніяхъ 70, въ Малороссіи 98, въ Новороссіи и восточныхъ степяхъ 94, въ западныхъ губерніяхъ 92, а по всѣмъ 40 губерніямъ Россіи, по которымъ у насъ есть свѣдѣнія—72, т.-е. почти три-четверти крѣпостныхъ крестьянъ, передъ концомъ крѣпостного права, уже сидѣло на барщинѣ. Такъ разрослась барщина на Руси.

По тѣмъ же самымъ областямъ, по которымъ увеличивалось число барщинниковъ, росло и число дворовыхъ. Положеніе дворовыхъ было еще хуже, чѣмъ барщинныхъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, имѣли свой уголъ и свое хозяйство, а дворовые зависѣли отъ барина въ каждомъ кускѣ хлѣба. Это были подлинные барскіе холопы, всецѣло находившіеся въ барской волѣ: на нихъ первыхъ баринъ срывалъ гнѣвъ, и еще тяжелѣе порой доставалась имъ барская ласка.

Въ не-черноземныхъ губерніяхъ, пока промышленность была слабо развита, помѣщики сами устраивали свои мастерскія, въ которыхъ дворовые обрабатывали разные сырые продукты, доставляемые крестьянами. Потомъ, когда появились фабрики, помѣщики заставили на нихъ работать своихъ дворовыхъ; но, черезъ нѣкоторое время, дворянскія фабрики стали закрываться—купцы вытѣсняли помѣщиковъ, не умѣвшихъ сладить съ такимъ труднымъ и сложнымъ дѣломъ, какъ фабричное производство. Тогда дворовые въ не-черноземной полосѣ сдѣлались лишней обузой для помѣщиковъ, и помѣщики начали ихъ переводить на оброкъ и отпускать на сторону. Число дворовыхъ въ Московской промышленной области, за 23 года передъ волей, упало съ 7 до 5 на 100 душъ крестьянъ.

Въ черноземной полосѣ, наоборотъ, дворовые прибавлялись. Дворовымъ не давалось земельнаго надѣла: когда населеніе возросло, и помѣщики занялись земледѣліемъ,— земля поднялась въ цѣнѣ. Черноземнымъ помѣщикамъ сдѣлалось выгоднымъ оттянуть какъ можно больше земли у крестьянъ, а для этого всего проще было перевести ихъ на дворовое положеніе. Потомъ, когда пошли слухи о томъ, что правительство рѣшило дать крестьянамъ волю, многіе помѣщики, разсчитывая, что дворовымъ земельнаго надѣла не дадутъ, стали уже цѣлыми гуртами обезземеливать крестьянъ, обращая ихъ въ дворовые; только въ 1858 году правительство спохватилось и запретило такое вопіющее насиліе. Однако, за послѣднія 8 лѣтъ до 1858 года число дворовыхъ по всей Россіи увеличилось съ 1 милліона 35 тысячъ до 1 милліона 467 тысячъ,—стало-быть, помѣщики ухитрились обезземелить 432 тысячи душъ крестьянъ обоего пола (201 тысячу ревизскихъ), и вся эта прибыль дворовыхъ пала на черноземную полосу, въ особенности на срединныя губерніи. За тѣ же 8 лѣтъ число крестьянъ убыло на 233 тысячи ревизскихъ душъ—до полумилліона наличныхъ, и, опять-таки, убыль болѣе всего замѣтна въ средне-черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ населеніе было густо, и земля все подымалась въ цѣнѣ.

Въ общемъ, за послѣднія десятилѣтія передъ волей, пошла усиленная передвижка крестьянъ изъ лучшихъ разрядовъ въ худшіе: оброчные переводились на барщину, а у барщинниковъ помѣщики совсѣмъ отымали землю. Кромѣ того, жизнь каждаго разряда стала гораздо хуже, потому что повинности крестьянъ стали расти, какъ опара на дрожжахъ.

Повинности оброчныхъ крестьянъ.

Оброчникамъ помѣщики прибавили оброки.

Въ началѣ 18-го вѣка брали оброка отъ сорока копеекъ до 1 рубля съ ревизской души, въ серединѣ его отъ одного до двухъ рублей, а въ концѣ—отъ пяти до семи и восьми рублей. Были оброки и по 20 рублей съ души. Правда, за это время росла цѣна хлѣба, а это означало, что на са-

момъ дѣлѣ становилось все больше денегъ въ народномъ оборотѣ, и оттого деньги *дешевѣли.*

Въ 1760-хъ годахъ четверть ржи стоила 1 рубль 26 копеекъ, а въ 1790-хъ годахъ—уже 3 руб. 82 коп.; стало-быть, за тѣ деньги, за которыя въ началѣ царствованія Екатерины можно было купить 3 четверти ржи, черезъ 30 лѣтъ уже покупали 1 четверть—деньги подешевѣли втрое. Но, если даже принять въ разсчетъ это подешевѣніе денегъ, то, все-таки, увеличеніе оброковъ въ 18-мъ вѣкѣ, особенно въ его концѣ, окажется очень большимъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ уже тогда оброки возросли прямо непомѣрно: въ Гжатской вотчинѣ князя Голицына крестьяне до 1763-го года платили по 40 копеекъ съ души, въ этомъ году имъ сразу повысили до 2-хъ рублей, а въ 1790-мъ году—до 4-хъ рублей; за 30 лѣтъ въ десять разъ.

Въ Подольской волости, Московскаго уѣзда, въ 1740-мъ году крестьяне платили своему помѣщику 300 рублей и больше никакихъ повинностей не знали; въ 1750-мъ году они перешли въ собственность генерала Леонтьева, и тотъ сразу поднялъ оброки до 2-хъ тысячъ руб., а въ 1766 году до 3940 рублей; кромѣ того, крестьяне должны были еще распахать для помѣщика порядочное число десятинъ и высылать въ Москву подводы по первому требованію. Къ оброку прибавилась барщина. Крестьяне не могли сладить съ такими повинностями и, хотя продали, по ихъ словамъ, «послѣднее изъ своихъ домишковъ, экипажишки и скотъ», однако, перестали уплачивать оброкъ полностью. Тогда генералъ Леонтьевъ приказалъ крестьянамъ прекратить жалобы и началъ выколачивать изъ нихъ оброки. «Крестьянъ, ихъ женъ и дѣтей били и мучили смертельно». Небогатые владѣльцы наживали тогда «немалое имѣніе отъ сбора черезчуръ великихъ повинностей со своихъ мужиковъ». Они не имѣли ни денегъ, ни большого количества земли, а только оброчныхъ крестьянъ; занимали деньги подъ залогъ душъ, они покупали землю и поборами съ мужиковъ заставляли ихъ выплачивать сдѣланный долгъ.

Еще тяжелѣе стало оброчникамъ въ 19-мъ вѣкѣ. За первыя 50 лѣтъ 19-го вѣка хлѣбъ вздорожалъ, т. е. деньги подешевѣли еще въ полтора раза. Средній оброкъ съ души въ концѣ 18-го вѣка равнялся 5 рублямъ; стало-быть, если бы онъ не повышался, то въ 1850 году онъ составилъ бы 7 руб. 50 коп. съ души, или 15 рублей съ тягла, потому что въ не-черноземныхъ оброчныхъ губерніяхъ въ тяглѣ было двѣ ревизскихъ души (2 взрослыхъ работника). Между тѣмъ, средній оброкъ за это время поднялся: по однимъ расчетамъ, до 20 рублей, по другимъ—до 24 рублей съ тягла.

На самомъ дѣлѣ, оброки вовсе не были одинаковыми: въ однихъ имѣніяхъ помѣщики накладывали по 5 рублей на тягло, а въ другихъ—брали по 100 рублей и больше. Гдѣ сильнѣе разростались промыслы, гдѣ крестьяне были побогаче, тамъ съ нихъ больше и брали: иногда, въ одной и той же вотчинѣ съ однихъ крестьянъ брали больше, съ другихъ—меньше. У графа Шереметьева, въ Нижегородской губ., самый малый оброкъ былъ 25 рублей серебромъ (75 рублей ассигнаціями) съ души. 9 крестьянъ платили отъ 500 руб. до 1530 руб. въ годъ каждый; 24—отъ 200 р. до 375 рублей, и такъ далѣе. Оброкъ собирался по третямъ, недоимщики платили штрафные—по 4 коп. съ рубля въ мѣсяцъ. Вообще, помѣщики старались вытянуть свою долю изъ каждаго дохода крестьянъ: заводили ли крестьяне огороды, сады, пчельники, засѣвали ли ленъ, начиналась ли бойкая торговля, либо новое мастерство: сапожное, ткацкое, плотничное, слесарное, появлялись ли въ окрестностяхъ новыя фабрики,—все это шло на-руку помѣщикамъ, сейчасъ же повышавшимъ оброкъ, увеличивавшимъ свои доходы за счетъ крестьянскаго труда.

Въ промысловыхъ губерніяхъ оброки въ 19 вѣкѣ сильно пошли въ-гору: въ Костромской—до 50—70 рублей съ тягла, Нижегородской—70—100 рублей, а въ Ярославской даже до 120 рублей, по тогдашнему счету, на ассигнаціи (на серебро—втрое меньше).

Все чаще и чаще, кромѣ денежнаго оброка, оброчники стали выполнять разныя барщинныя работы и натуральныя повинности. Въ Тульской губерніи оброчники платили 35, 40 и до 60 рублей съ тягла, возили господамъ хлѣбъ въ Москву, а оттуда привозили для барской забавы собакъ, которыхъ должны были кормить. Со всѣхъ дворовъ собирались столовые запасы — овощи, куры, свиньи, поросята, овцы, масло, холстъ; бабы собирали грибы и ягоды. У одного помѣщика весь господскій скотъ былъ розданъ крестьянамъ и, если какая скотина падетъ, то мужикъ долженъ былъ за нее заплатить: за подохшаго теленка было заплачено 60 рублей. Въ страдную пору, жнитво, покосъ оброчники ходили на барское поле—были поголовные сгоны, какъ въ барщинныхъ имѣніяхъ. Гдѣ помѣщики жили въ своихъ имѣніяхъ, тамъ оброчникамъ приходилось тяжелѣе, потому что ни одинъ крестьянскій прибытокъ не укрывался отъ господскаго глаза.

Оброки накладывались не по количеству земли, которую крестьяне получали въ надѣлъ отъ помѣщиковъ, а по заработкамъ, по достаткамъ крестьянъ и по прихоти иныхъ расточительныхъ и жадныхъ господъ. Гакстгаузенъ, тонко изучившій жизнь русскихъ помѣщиковъ и крестьянъ, писалъ: «оброкъ крѣпостныхъ лежитъ не на землѣ, которую помѣщикъ даетъ крестьянину, но на его рабочей силѣ и на его промыслѣ». Въ одномъ имѣніи Ярославской губерніи, при надѣлѣ меньше десятины, брали оброкъ съ тягла 21 рубль, разъ въ двадцать или тридцать больше того, что стоила эта десятина по тогдашнимъ арендным цѣнамъ.

Съ крестьянъ, уходившихъ на заработки, нѣкоторые помѣщики требовали оброкъ впередъ: у болѣе бѣдныхъ оброчниковъ денегъ не было—они должны были брать взаймы у подрядчиковъ, или у богатыхъ сосѣдей, платить огромные проценты—по 15 копеекъ съ рубля въ мѣсяцъ. Такіе крестьяне были вѣчно въ долгу и не выходили изъ работы, какъ ломовая лошадь. Тѣхъ, кто не могъ выплатить оброка,

помѣщики заставляли отрабатывать барщиной. Иные владѣльцы совсѣмъ забирали крестьянъ въ свои руки, сговаривались за нихъ съ подрядчиками, получали за ихъ работу деньги, уплачивали изъ этихъ денегъ долги, брали себѣ оброки, а остатокъ выдавали не вдругъ, а по частямъ. Чтобы получить заработанныя деньги, мужикъ не разъ и не два кланялся помѣщику въ ноги.

Повинности барщинныхъ крестьянъ.

Такъ отяжелѣли повинности оброчниковъ передъ волей. Но еще хуже пришлось барщинникамъ. Въ 18-мъ вѣкѣ установился во многихъ барщинныхъ имѣніяхъ такой порядокъ, что крестьяне работали на помѣщика три дня въ недѣлю, а три дня—на себя. Императоръ Павелъ въ 1797 году, въ день своего коронованія, повелѣлъ: «всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлѣ 6 дней, по равному числу *оныхъ вообще раздѣляемые*... при добромъ распоряженіи, достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ». По смыслу этого манифеста выходило, что Павелъ давалъ не повелѣніе, а *совѣтъ* помѣщикамъ не требовать, согласно обычаю, съ крестьянъ больше трехъ дней барщины въ недѣлю. Манифестъ этотъ страдалъ и другими неясностями: такъ, не было сказано, съ кого можно требовать указные три дня—съ души или съ тягла, не было установлено число рабочихъ часовъ въ день, и такъ далѣе.

Понятно, что не всѣ помѣщики считали себя обязанными повиноваться этому неясному закону: въ Малороссіи, и въ Новороссіи манифестъ Павла еще испортилъ дѣло потому что тамъ до него было всего 2 барщинныхъ дня, а послѣ него помѣщики накинули третій день. Еще при Петрѣ Великомъ Посошковъ указывалъ, что есть такіе безчеловѣчные дворяне, которые «въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ».

Съ развитіемъ господскихъ запашекъ, число помѣщиковъ, нарушавшихъ правило о трехдневной барщинѣ, все возрастало. По свѣдѣніямъ, которыя собирались Вольно-экономическимъ обществомъ, «помѣщики работаютъ своими людьми различно—3, 4, а другіе и 5 дней въ недѣлю». Во всѣхъ хорошо управляемыхъ имѣніяхъ, кромѣ обязательной барщины, назначался одинъ поголовный день: лѣтомъ, въ страдную пору, на барщину сзывались, внѣ очереди, всѣ крестьяне. Иногда помѣщики, въ это время, торопились окончить свои работы, брали себѣ всѣ хорошіе ведреные дни, а крестьянамъ оставляли дождливые, ненастные. Крестьяне жаловались, что ихъ хлѣбъ отъ долгаго стоянія на поляхъ и поздней уборки переспѣвалъ, осыпался, выклевывался птицей.

Въ Одоевскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, изъ шести помѣщичьихъ хозяйствъ, описанныхъ Пучковымъ, у двухъ было по 3 дня барщинныхъ въ недѣлю, у одного 5 дней, у одного отъ 4 до 6 дней, а у двухъ поголовно исполняли барщину всѣ дни недѣли. У одного, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, крестьяне не имѣли на себя ни одного дня. На вопросъ, когда же крестьяне убираютъ свой хлѣбъ, отвѣчали: на *это есть ночь*.

Что законъ о трехдневной барщинѣ соблюдался слабо,—видно изъ слѣдующаго. Въ 1822 году проѣзжалъ по Бѣлоруссіи Императоръ Александръ I и замѣтилъ большую крестьянскую нужду. Приказано было собрать дворянскій комитетъ, который бы обдумалъ, какъ вывести крестьянъ изъ нужды, какъ облегчить ихъ повинности.

Витебскіе дворяне подали записку, въ которой говорилось, что самой благой мѣрой для крестьянъ было бы введеніе трехдневной барщины. Комитетъ министровъ призналъ эту мѣру полезной.

Иногда трехдневная барщина была установлена по уговору помѣщиковъ съ крестьянами, но крестьянамъ назначался *урокъ*: вспахать, посѣять, скосить и свезти на гумно къ барину по столько-то десятинъ съ тягла. Если крестьяне не успѣвали исполнить урокъ въ положенное время,—имъ

приходилось дорабатывать его въ свои дни, въ воскресные и праздники. Въ 1818 году генералъ-губернаторъ князь Репнинъ доносилъ государю, что хотя закономъ назначено, сколько дней крестьяне должны работать на помѣщика, но нигдѣ не сказано, сколько какой работы они должны сдѣлать въ тѣ дни; и помѣщики пользуются этимъ, наваливая на барщинниковъ слишкомъ тяжелые уроки, которые никакъ нельзя выполнить въ законные три дня.

Въ одномъ имѣніи, Саратовской губерніи, по разсказамъ стариковъ до 1843-го года барщина была легкая: работали три дня въ недѣлю и то кое-какъ. Всего было вдоволь: земли, луговъ, лѣсу, скота,—въ хлѣбѣ не нуждались. Завѣдывалъ тогда имѣніемъ добрый управляющій, но его смѣнили: а новый не сталъ давать покоя, отдавалъ невозможныя приказанія и жестоко наказывалъ, если ихъ не исполняютъ крестьяне. При немъ мужики обѣднѣли, не имѣя времени работать на себя. Только нѣкоторые міроѣды, даривѣшіе начальство и свободные отъ барщины, жили хорошо и вдоволь мяса ѣли. Сначала было лучше многосемейнымъ: одни члены семьи работали дома, другіе—на барщинѣ, но потомъ, всѣхъ, даже стариковъ и подростковъ, стали гонять, чтобы отработать „долговой посѣвъ“ — ссуду въ голодъ 1848—50-хъ годовъ. Ссуду собирали такъ: барское поле подѣлили на двѣ части—на одной крестьяне должны были работать три дня въ недѣлю, а другую называли долговою, и ее приходилось обрабатывать въ свои дни. На эту часть поля и становились старики и подростки. Была еще часть поля, называвшаяся «казенникъ»; ее обрабатывали въ праздники. Все къ спѣху было: проглотятъ наскоро по куску хлѣба, вмѣсто обѣда, и жнутъ, не разгибая спины. Прожнешь три дня, свою долю надо бы жать, а тутъ говорятъ: еще приказано день жать, а тамъ—долговая, казенная. Пріѣдешь свой хлѣбъ жать, а онъ уже пустой, все вѣтромъ вытрясло.

Зимой начинался извозъ на продажу барскаго хлѣба. Снѣга глубокіе, иногда, какъ въ погребъ ухнешься. Возь-

метъ мужикъ на дорогу пятакъ за квартиру отдать, а иной, за неимѣніемъ денегъ, лаптей въ продажу наберетъ. На это и самъ кормись, и лошади дай поѣсть. Лошадь загонишь, а ѣхать далеко: бывало, раздѣнешься, привяжешь за сани кушакъ и тянешь сани рядомъ съ лошадью. Помѣщикъ Екатерининскаго времени Болтинъ разсказывалъ: „какъ переносятъ крестьяне труды въ продолженіе пути своего, многократно былъ я самовидцемъ. Стоятъ они на дворахъ, въ сутки не болѣе 8—9-ти часовъ, въ кои должно имъ 2 раза поѣсть, лошадей выпрячь и запрячь, 2 раза ихъ напоить и столько же разъ дать имъ сѣна и овса; на сонъ и отдыхъ имъ остается 3 или 4 часа, остальные 15—16 часовъ въ сутки они должны итти пѣшкомъ за возомъ, да еще на косогорахъ и раскатахъ поддерживать возъ, чтобы не упалъ; и при всемъ томъ сносить вѣтеръ и морозъ, которые иногда столь бываютъ непомѣрны, что лишаютъ носовъ, ушей, пальцевъ, а нерѣдко и жизни“. Теперь всюду есть желѣзныя дороги, и на лошадяхъ хлѣбъ отвозятъ только до станціи; а тогда возили барскій хлѣбъ за 300—500, а то и тысячу верстъ.

Барское хозяйство росло,—росли и повинности барщинника, какъ полевая, такъ и извозная. Помѣщики все больше отрывали крестьянъ отъ ихъ собственныхъ работъ для себя и передъ концомъ крѣпостного права дошли, въ иныхъ мѣстахъ, до того, что совсѣмъ лишали крестьянъ надѣла и сажали на, такъ-называемую, „мѣсячину“.

Извѣстный сельскій хозяинъ того времени—Вилькинсъ точнымъ разсчетомъ доказывалъ, что для помѣщика выгоднѣе держать крестьянъ на барщинѣ, чѣмъ на оброкѣ, а еще было бы выгоднѣе взять ихъ на свое содержаніе, завести свой скотъ, земледѣльческія орудія, и цѣлый годъ заставлять работать на себя, ничего не платя имъ за труды. Такъ поступали въ Америкѣ хозяева, имѣвшіе черныхъ рабовъ—негровъ; такъ начали дѣлать и у насъ нѣкоторые помѣщики. Мѣсячники, подобно дворовымъ, большею частью

не имѣли ни своихъ избъ, ни хозяйства; рѣдко имѣли понемногу скота и птицъ. Они получали отъ барина помѣщеніе во флигеляхъ, либо въ казармахъ, или селились по нѣскольку семей въ одной избѣ. Помѣщики давали имъ продовольствіе каждый мѣсяцъ, откуда и пошло названіе мѣсячниковъ: въ Тамбовской губерніи давалось по 1 пуду ржаной муки, или по 30 фунтовъ на работника, да по полпуда на дѣтей. Дѣти меньше 5-ти лѣтъ ничего не получали. Мука была иногда плохая, испорченная, которая не шла на продажу. Кромѣ того, выдавалась одежда; и за все это мѣсячники работали на помѣщика круглый годъ всей семьей.

Сначала мѣсячники появились въ Бѣлоруссіи и въ Малороссіи, а потомъ они развелись по всей Россіи, даже въ такихъ многоземельныхъ губерніяхъ, какъ Оренбургская и Симбирская. Гдѣ быстрѣе дробились имѣнія и было много мелкопомѣстныхъ дворянъ, тамъ сильнѣе плодились и мѣсячники, потому что мелкопомѣстный старался выжать изъ своего десятка крѣпостныхъ все, что они могли дать. Какъ сильно размножились мѣсячники, видно изъ того, что въ 20 Великороссійскихъ губерніяхъ, въ концѣ 18-го вѣка, ученый историкъ Семевскій насчиталъ всего 41 имѣніе съ 963-мя душами мѣсячниковъ, а передъ волей безземельныхъ крестьянъ у мелкопомѣстныхъ, правда, по всей Россіи, было 137 тысячъ мужскихъ ревизскихъ душъ. Нѣкоторые писатели думаютъ, что если бы крѣпостное право затянулось еще на десятокъ-другой лѣтъ, такъ, пожалуй, добрая половина крестьянъ попала бы на мѣсячное положеніе.

Сокращеніе крестьянскихъ надѣловъ.

Такъ, чѣмъ больше разросталось господское хозяйство и господскія потребности, тѣмъ тяжелѣе становились крестьянскія повинности. Но ростъ повинностей не былъ бы такъ страшенъ, если бы крестьяне, вмѣстѣ съ тѣмъ, богатѣли. Въ Европейскихъ странахъ, если сдѣлать расчетъ, сколько приходится на душу населенія всякихъ налоговъ, то окажется ихъ больше, чѣмъ въ Россіи: однако, русскимъ выплачивать свои налоги гораздо труднѣе,—они имъ ка-

жутся очень тяжелыми, потому, что русскій народъ бѣднѣе европейцевъ. Вѣдь, уплатить 50 рублей налоговъ при тысячѣ рублей дохода, для каждаго легче, чѣмъ урвать у себя 20 рублей, если доходъ будетъ, скажемъ, не больше 200 рублей въ годъ. Поэтому, если бы достатокъ у крѣпостныхъ крестьянъ постепенно прибавлялся—и увеличеніе повинностей, конечно, было бы для нихъ непріятно, но разорить ихъ, довести до нищеты, до страшныхъ бунтовъ, побѣговъ, убійствъ помѣщиковъ,—оно бы не могло. Однако, мы знаемъ, что крестьяне, несмотря на жестокую расправу, всегда волновались, а передъ концомъ крѣпостного права, эти волненія все учащались: за 5 лѣтъ 1830—34 годовъ было 60 волненій; 1840—44 гг.—138, а въ 1845—49 гг.—207. И волненія росли не столько отъ жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами, сколько оттого, что крестьяне разорялись, нищали и впадали въ такое отчаянное положеніе, что имъ смерть подъ розгами, палками, отъ солдатской пули, или ссылка на каторгу, въ Сибирь, была уже не страшна.

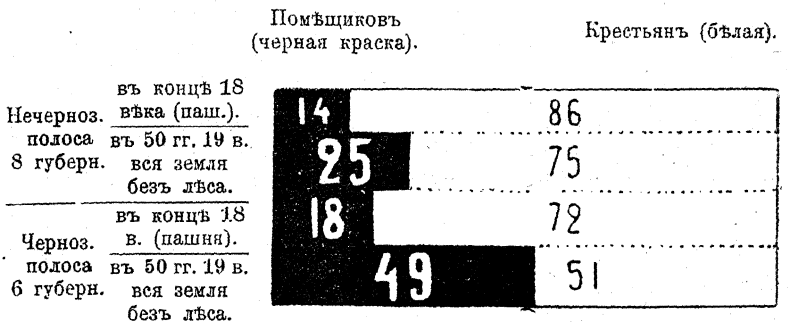
Достатокъ тогдашнихъ крестьянъ, еще больше, чѣмъ теперешнихъ, зависѣлъ отъ ихъ *земельныхъ надѣловъ*. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ, хоть и ходили крестьяне на промыслы, но заработками отъ промысловъ, по большей части, лишь покрывался оброкъ помѣщику, да подати казнѣ: семья крестьянина-промышленника оставалась въ деревнѣ и питалась тѣмъ, что добывала изъ своего земельнаго надѣла. А въ черноземныхъ губерніяхъ вся надежда крестьянъ была на землю. И вотъ эта главная опора крестьянскаго хозяйства—земля—начала уплывать изъ ихъ рукъ, земельные надѣлы сократились—понятно, что крестьяне стали бѣднѣть, а при обѣднѣніи, тяжелымъ камнемъ придавили ихъ возраставшія повинности.

Сокращеніе земельныхъ надѣловъ крѣпостныхъ произошло отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ расширенія господскаго хозяйства и отъ прироста населенія. При Московскихъ царяхъ и Петрѣ, какъ мы говорили, помѣщики мало

занимались хозяйствомъ: рѣдко, кто изъ боярь и дворянъ того времени имѣли свои запашки, а, большею частью, крестьяне пользовались для себя господской пашней, лугами, лѣсами и выгонами безвозбранно. У одного изъ самыхъ крупныхъ и хорошихъ хозяевъ, боярина Морозова, крестьянская запашка была въ 4—6 разъ больше боярской, а прочихъ угодій бояринъ почти не трогалъ. Въ концѣ 18-го вѣка оброчники еще пользовались всей помѣщичьей землей, а у барщинниковъ на двѣ своихъ десятины приходилась одна десятина помѣщичьей.

Къ концу крѣпостного права, отъ оброчниковъ помѣщики отобрали часть земли для себя, у барщинниковъ осталась половина, въ иныхъ мѣстахъ поменьше, а у мѣсячниковъ совсѣмъ ничего не осталось. По 14-ти губерніямъ мы можемъ точно разсчитать, какую часть земли отняли помѣщики у крестьянъ за послѣднія 60 лѣтъ крѣпостного права.

Изъ каждой сотни десятинъ помѣщичьей земли было въ пользованіи крестьянъ:



Въ не-черноземной полосѣ, гдѣ большинство крѣпостныхъ были оброчными и помѣщики мало занимались земледѣліемъ сами,—они немного и отобрали земли у крестьянъ: изъ каждой сотни десятинъ, которой пользовались крестьяне въ концѣ 18-го вѣка, они отрѣзали себѣ за 60 лѣтъ

всего 14 десятинъ. Не то въ черноземной полосѣ. На нашей табличкѣ видно, какъ сильно выросла за счетъ крестьянскихъ черная полоса помѣщичьихъ запашекъ за послѣднія 60 лѣтъ крѣпостного права; изъ каждой сотни десятинъ своей пашни крестьяне потеряли цѣлыхъ 38 десятинъ. Послѣ всего, сказаннаго нами раньше, понятно, почему помѣщики такъ усиленно урѣзали крестьянскіе надѣлы именно въ черноземной полосѣ: эта полоса стала „житницей Россіи“; отсюда вывозили на продажу сотни милліоновъ пудовъ, главнымъ образомъ, господскаго хлѣба; здѣсь развилось винокуреніе, свеклосахарное производство, и земля сильно поднялась въ цѣнѣ. Въ концѣ 18-го вѣка въ Курской, Воронежской, Екатеринославской и Саратовской губерніяхъ десятина стоила отъ 2-хъ до 5-ти рублей на ассигнаціи (отъ 75 коп. до 2-хъ руб. серебромъ), а въ 1830-хъ годахъ—уже отъ 40 до 100 рублей—увеличилась ровно въ 20 разъ; въ Пензенской губерніи, за это время, цѣна земли поднялась съ 5-ти до 35 рублей серебромъ. Помѣщикъ Сабуровъ разсказываетъ, что 50 лѣтъ назадъ помѣщики надѣляли крестьянъ по 19 десятинъ на тягло, и стоимость тягловаго надѣла по тогдашней цѣнѣ составляла 95 рублей; спустя 50 лѣтъ, надѣлъ убавили до 7—9-ти десятинъ на тягло, и, все-таки, стоимость его поднялась до 210—270-ти рублей. Цѣнность земли возросла — и помѣщики стали болѣе дорожить землей, чѣмъ крестьянами; при продажѣ имѣній, населенныя помѣстья въ черноземной полосѣ шли почти за ту же цѣну, что и незаселенныя земли безъ крестьянъ: крестьяне сдѣлались даровымъ приданкомъ къ землѣ.

Кромѣ пахотныхъ земель, помѣщики начали урѣзывать и другія угодья. Лѣса стали считаться господскою собственностью, хотя крестьяне еще сохранили право пользоваться валежникомъ, грибами, ягодами, пасти скотину на полянахъ. Симбирская губернія, въ началѣ 19-го вѣка, считалась лѣсной, но помѣщики сильно повырубили лѣса. Черно-

лѣсье они распродавали на лубки; мочалу, ободья, красный лѣсъ—на постройки, тесъ и доски. Сотни тысячъ бревенъ сплавлялись ежегодно по Волгѣ. За лѣсами не смотрѣли, и пожары истребляли огромныя площади. До 1840-го года всякій могъ въ лѣсахъ пасти скотину, собирать грибы, орѣхи, хмѣль и ягоды, рубить на лучину, обручи, колья, оглобли и другія мелочи для домашняго обихода. Когда лѣса порѣдѣли, помѣщики наложили на нихъ запретъ и поставили полѣсовщиковъ. Но, вообще, лѣсное хозяйство, при плохихъ путяхъ сообщенія, было еще мало развито, и крестьяне довольно свободно пользовались господскими лѣсами.

Въ не-черноземныхъ губерніяхъ, кое-гдѣ, помѣщики разводили молочный скотъ, устраивали сыроварни — и для своей скотины отбирали у крестьянъ часть луговъ. Въ южныхъ степяхъ подъ господскихъ овецъ уходили крестьянскіе выгоны.

Въ итогѣ всѣхъ этихъ отрѣзокъ, крестьянское землепользованіе убывало съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ все сильнѣй, и крестьяне, хозяйничавшіе, при московскихъ царяхъ, безвозбранно почти на всей помѣщичьей землѣ,— передъ волей сохранили за собой только *третью* часть этой земли: изъ 105-ти милліоновъ 201 тысячи десятинъ помѣщичьихъ владѣній въ концѣ 1850-хъ годовъ въ пользованіи помѣщиковъ оказалось 69 милліоновъ 304 тысячи, въ пользованіи крестьянъ—только 35 милліоновъ 697 тысячъ.

Нѣкоторые помѣщики пытались оправдать урѣзку крестьянскихъ надѣловъ. Богатый землевладѣлецъ Мордвиновъ полагалъ, что убавить надѣлъ даже выгодно для крестьянъ: „чѣмъ меньше у крестьянъ земли, тѣмъ лучше она будетъ воздѣлана, тѣмъ болѣе промысла“. Агрономъ Вилькинсъ проповѣдывалъ, что тяглый крестьянинъ на барщинѣ едва имѣетъ время для того, чтобы управиться съ одной десятиной пашни въ каждомъ полѣ. Съ этого клочка, дескать, мужикъ съ излишествомъ прокормитъ себя и свою семью, а затѣмъ на все остальное, въ томъ числѣ и на подати,

долженъ заработать отхожимъ промысломъ. Но дѣло въ томъ, что отхожихъ промысловъ въ черноземной полосѣ было мало, а тутъ-то какъ-разъ и произошла наибольшая урѣзка крестьянскихъ надѣловъ.

Сами помѣщики владѣли неодинаковымъ количествомъ земли и крестьянъ: въ однихъ имѣніяхъ было много земли, а мало крестьянъ, въ другихъ—наоборотъ; въ однихъ—на душу приходилось всей земли, крестьянской и господской, по одной, либо по двѣ десятины, въ другихъ—по 20 и 30-ти десятинъ. Гдѣ у помѣщика было больше земли, тамъ онъ нарѣзалъ болѣе щедрые надѣлы, гдѣ меньше—тамъ онъ урѣзывалъ у крестьянъ землю до послѣдней возможности. И какъ-разъ малоземельныя помѣстья были, по большей части, мелкія, гдѣ владѣлецъ сильно нуждался въ деньгахъ, и, чтобы увеличить свои доходы, сокращалъ надѣлы крестьянъ до одной десятины и меньше на душу. Въ концѣ крѣпостного права, число мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ прибавилось, а крупныхъ—убыло: число владѣльцевъ отъ 21 до 100 увеличилось съ 30 до 35 тысячъ, а владѣльцевъ свыше 1000 душъ упало съ 1453 до 1382. Число крѣпостныхъ у первыхъ поднялось на 166 тысячъ, у вторыхъ упало на 506 тысячъ, а мы знаемъ, что мелкопомѣстные очень охотно совсѣмъ обезземеливали своихъ крѣпостныхъ и переводили ихъ на мѣсячину.

Чѣмъ плодороднѣе была земля, чѣмъ гуще населеніе,—тѣмъ сильнѣе возвышалась цѣнность земли, и тѣмъ больше помѣщики отрѣзали ее у крестьянъ. Такъ, въ плодородномъ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, у крестьянъ на душу оставалось 2 десятины, а въ менѣе плодородномъ и рѣже населенномъ Кашировскомъ—$3^1/_2$ десятины.

Когда пошли толки объ освобожденіи, иные помѣщики сами заторопились освободить крестьянъ, да только *безъ земли*. Въ одной Саратовской губерніи такъ поступили 63 помѣщика, въ томъ числѣ Нарышкины, владѣвшіе сотнями тысячъ десятинъ. Балашовская помѣщица Давыдова отпу-

тила крестьянъ за 4 года до воли, а сама продала всю землю купцу Лежневу. Тотъ сталъ гнать крестьянъ съ ихъ надѣловъ и требовалъ, чтобы они снесли свои постройки. Крестьяне возмутились, отправили жалобы во всѣ казенныя учрежденія и доходили до самого царя. Земскій судъ рѣшилъ въ пользу купца, и лишь губернское правленіе пріостановило дальнѣйшее разореніе крестьянъ. Только въ 1861 году былъ изданъ указъ, которымъ запрещалось отпускать крестьянъ на волю безъ земли.

Помѣщики не только урѣзали надѣлы,—они отводили для себя лучшую землю, а крестьянамъ оставляли что похуже. Особенно перемѣна участковъ развилась передъ волей: тогда помѣщики предчувствуя, что крестьянъ освободятъ съ землей, начали округлять свои владѣнія, брать себѣ ровный, чистый черноземъ, а крестьянъ надѣлять пескомъ, буграми, оврагами. Нѣкоторые же переселяли цѣлыя деревни на песчаныя и глинистыя мѣста, а земли подъ бывшими крестьянскими усадьбами, хорошо обработанныя и удобренныя, присоединяли къ своимъ пашнямъ. Во Владимірской губерніи предводитель дворянства Кошанскій переселилъ крестьянъ на другое мѣсто, а затѣмъ, за ослушаніе, сослалъ всю деревню въ Сибирь, разобравъ ихъ избы и засѣявъ самое мѣсто подъ деревней хлѣбомъ. Государь отрѣшилъ Кошанскаго отъ должности и велѣлъ крестьянъ вернуть съ дороги.

Что помѣщичьи земли были, вообще, лучше крестьянскихъ,—видно изъ того, что, при крѣпостномъ правѣ, урожаи на нихъ всегда были больше, хотя, и тутъ и тамъ, работали тѣ же крестьяне, и на своей пашнѣ, конечно, они больше старались. У крестьянъ земля не только была хуже по качеству, но и больше распахивалась, тощала, и урожайность на ней замѣтно начала падать къ концу крѣпостного права.

Другой причиной сокращенія надѣловъ былъ приростъ крестьянскаго населенія. Хотя приростъ этотъ, вообще, былъ слабый, а къ концу крѣпостного права даже населеніе пошло на-убыль, но по различнымъ полосамъ и губерніямъ

Россіи приростъ и убыль распредѣлялись очень неравно. Въ не-черноземной полосѣ крѣпостное населеніе сначала прибывало меньше, а потомъ убывало больше, чѣмъ въ черноземной: всего за 75 лѣтъ, (съ 4-й по 10-ю ревизію), во всей не-черноземной полосѣ прибавилось 335 тысячъ мужскихъ крѣпостныхъ душъ, а только въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ и въ Поволжьи—на 1 милліонъ 13 тысячъ, то-есть втрое больше. На южныхъ степныхъ окраинахъ—въ Новороссіи и Самарской губерніи—крѣпостные прибывали еще быстрѣе, потому что сами помѣщики переселяли ихъ туда цѣлыми партіями.

Чѣмъ больше прибывало крѣпостныхъ, тѣмъ сильнѣе дробились надѣлы. Въ многоземельныхъ имѣніяхъ, гдѣ еще сохранились запасныя земли, помѣщики подобрѣе нарѣзали изъ этого запаса на прибылыя души: но такихъ земель становилось все меньше—помѣщики ихъ пускали въ свой хозяйственый оборотъ, даже отрѣзали часть прежняго надѣла.

На этомъ урѣзанномъ надѣлѣ должно было прокормиться все больше крестьянъ,—понятно, что, при новыхъ передѣлахъ, на каждаго приходилось все меньше земли, а меньше земли,—значитъ, меньше хлѣба, и во всемъ недостатокъ.

Помѣщикъ Пензенской губерніи—Д. А. Столыпинъ въ молодыхъ годахъ получилъ въ наслѣдство имѣніе „Ночки“. Когда онъ пріѣхалъ туда, его встрѣтили крестьяне въ лохмотьяхъ, худые, болѣзненные, изголодавшіеся и обнищавшіе. Онъ былъ непріятно пораженъ ихъ видомъ и сталъ разспрашивать крестьянъ всѣмъ міромъ и поодиночкѣ—почему они такъ обѣднѣли, не было ли притѣсненій со стороны управляющаго. Всѣ согласно отвѣчали, что притѣсненій не было. Съ трудомъ Д. А. Столыпинъ разгадалъ загадку: въ 1816 году въ имѣніи было 240 душъ, а по 8-й ревизіи (въ 1835 году)—уже 336, а надѣлъ—все тотъ же. Ежегодно земля передѣлялась между всѣми тяглами, и, въ концѣ-концовъ, надѣлы уменьшились на столько, что, даже при хорошихъ урожаяхъ, никому хлѣба не хватало до новины.

Такимъ образомъ, объ причины сокращенія крестьянскихъ надѣловъ—отрѣзка помѣщиками земли и приростъ населенія—дѣйствовали гораздо сильнѣе въ черноземной полосѣ: поэтому въ не-черноземной у крестьянъ сохранились болѣе крупные надѣлы. Средняя величина надѣловъ (считая всю удобную и неудобную землю) по разнымъ областямъ въ 1858 году была такая:

На табличкѣ видно, что надѣлы растутъ съ запада на востокъ и изъ середины Россіи къ краямъ—на сѣверъ и на югъ. Въ не-черноземной полосѣ самые маленькіе надѣлы были на западѣ, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, побольше въ промышленныхъ областяхъ, а еще больше—на сѣверѣ куда помѣщики почти не заглядывали: холодъ и дремучіе лѣса ихъ отпугивали оттуда, и съ давнихъ поръ тамъ помѣщики не охотно селились.

Въ черноземной полосѣ самые маленькіе надѣлы были въ благодатной Малороссіи, гдѣ, какъ мы знаемъ, сидѣло много мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, а крупные помѣщики вели большое хозяйство, курили вино и приготовляли сахаръ

изъ свекловицы. Немного больше оказывались надѣлы въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ; еще больше—въ Поволжьи, а самые большіе—въ степныхъ областяхъ, на южныхъ и восточныхъ окраинахъ, которыя только недавно стали заселяться; и поэтому много земель тамъ пустовало: а все-таки даже въ этихъ привольныхъ мѣстахъ надѣлы крѣпостныхъ были меньше, чѣмъ въ густонаселенныхъ промышленныхъ областяхъ не-черноземной полосы.

Въ общемъ въ не-черноземной полосѣ на мужскую ревизскую душу приходилось 4,3 десятины, а въ черноземной— 3,2 десят.— нацѣлую треть меньше.

По другому, болѣе точному, но менѣе полному расчету (онъ захватываетъ только 27 губерній и имѣнія свыше 100 душъ), разница между надѣлами обѣихъ полосъ была еще больше: въ не-черноземной—4,9 десят., въ черноземной только—2,9 дес.: на двѣ десятины меньше.

Какъ бы тамъ ни было, но съ конца 18-го вѣка надѣлъ сильно сократился и въ той и въ другой полосѣ: тогда у оброчниковъ въ не-черноземной полосѣ было на душу $13^1/_2$ десятинъ, у барщинниковъ—8 десятинъ; въ черноземной же у барщинниковъ—7 десятинъ. За 60 лѣтъ, стало-быть, надѣлы урѣзались въ два, а въ иныхъ мѣстахъ въ три раза и, въ особенности, въ черноземной полосѣ уже не могли прокормить крестьянъ, даже при среднихъ урожаяхъ.

Профессоръ Янсонъ считаетъ, что въ то время для того, чтобы обезпечить продовольствіе семьи и оплатить подати, на ревизскую душу надобно было нарѣзать въ не-черноземной полосѣ 8 десятинъ, а въ черноземной— 5 десятинъ. Такого высокаго надѣла не было ни въ одной губерніи, кромѣ сѣверныхъ. Не-черноземные крестьяне еще дополняли недостаточный доходъ отъ земли сторонними заработками, а черноземные, которые этихъ заработковъ не имѣли, сплошъ-и-рядомъ голодали.

Какъ помѣщики кормили своихъ крестьянъ.

Въ 19-мъ вѣкѣ неурожаи и голодовки стали повторяться все чаще, особенно въ черноземной полосѣ. На десять лѣтъ— приходился одинъ голодный годъ и два года недорода.

„Въ Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Воронежской губерніяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, какъ будто по какому-то волшебству, исчезло постоянное и неизмѣнное плодородіе прежнихъ лѣтъ“,— свидѣтельствуетъ помѣщикъ Шелеховъ. Сами помѣщики разсказывали, что въ голодныя зимы положеніе крестьянина и его семьи ужасно. „Онъ ѣстъ всякую гадость: жолуди, древесная кора, болотная трава, солома,— все идетъ въ пищу. При томъ ему не на что купить соли. Онъ почти отравляется, у него постоянный поносъ, онъ пухнетъ или сохнетъ; являются страшныя болѣзни. Еще могло бы пособить молоко, но онъ продалъ послѣднюю корову, и умирающему, часто, какъ говорится, нечѣмъ душу отвести. У женщинъ пропадаетъ молоко въ груди, и грудные младенцы гибнутъ, какъ мухи“.

По уставу о продовольствіи, изданному въ 1822 году, обезпеченіе продовольствіемъ крестьянъ въ годы не урожаевъ всецѣло лежало на помѣщикахъ: они должны были кормить своихъ крѣпостныхъ. Если крестьяне голодали, помѣщичьи имѣнія отбирались въ опеку. Такъ было по закону: на дѣлѣ же—рѣдкіе изъ помѣщиковъ помогали крестьянамъ, какъ слѣдуетъ. По словамъ одного изъ тогдашнихъ писателей, „весьма многіе изъ нихъ не могутъ, нѣкоторые изъ нихъ не хотятъ достаточно прокормить крестьянъ; только немногіе кормятъ широкою рукою“. Угрозъ со стороны начальства помѣщики не боялись, тѣмъ болѣе, что на дѣлѣ имѣнія владѣльцевъ, разорившихъ крестьянъ, очень рѣдко отдавались въ опеку.

Въ Витебской и Могилевской губерніяхъ крестьяне ѣли березовую кору пополамъ съ мякиной, вредные для здоровья коренья; въ другихъ мѣстахъ драли кору съ деревьевъ и пекли лепешки, наподобіе толстыхъ блиновъ; искали въ болотахъ корни бобовника. И въ этихъ самыхъ губерніяхъ

во время неурожаевъ „знатное количество хлѣба“ отпускалось на продажу къ Рижскому порту.

Были помѣщики, которые „по худой расчетливости и по непопеченію о своихъ крестьянахъ, старались поддерживать привычку крестьянъ питаться хлѣбомъ съ мякиной дабы черезъ это болѣе хлѣба обращать на *винокуреніе* — главный источникъ ихъ доходовъ.“

Въ голодный 1833 годъ многіе помѣщики разбогатѣли, потому что хлѣбъ вздорожалъ, и они продавали его по высокой цѣнѣ; понятно, о прокормленіи своихъ крестьянъ они думали мало.

Такъ какъ помѣщики своей обязанности не выполняли,— пришлось правительству самому приняться за это дѣло. Сюда на прокормленіе выдавалась изъ казны наруки помѣщикамъ: и сначала правительство рѣшило выдавать ее мелкимъ владѣльцамъ. Крупные возмутились. Богатѣйшій помѣщикъ—графъ Разумовскій писалъ въ комитетъ министровъ: „по числу мнѣ принадлежащихъ крестьянъ, я, конечно, одинъ изъ самыхъ значительныхъ помѣщиковъ Малороссіи, но, несмотря на это, я долженъ откровенно заявить что если начальство губерніи, вмѣсто ожидаемой отъ него помощи, будетъ заниматься требованіемъ однѣхъ подписокъ и угрозами, если винокуреніе прекратится, и, если, наконецъ, правительство будетъ выдавать въ долгъ хлѣбъ однимъ дворянамъ, имѣющимъ не болѣе 30 душъ,—то я едва ли буду въ состояніи прокормить владѣемыхъ мною крестьянъ“. Онъ не хотѣлъ прекращать винокуреніе, имѣлъ милліонное состояніе, считалъ, что не можетъ прокормить своихъ крестьянъ—и требовалъ помощи отъ казны. Въ голодъ 1833 года въ другихъ его имѣніяхъ въ Саратовской губерніи, вмѣсто помощи оброчникамъ, переводили ихъ съ оброка на барщину.

И казна давала ссуды: только въ 4 неурожайныхъ года (за десятилѣтіе 1830—1840 гг.), правительство истратило на народное продовольствіе больше 75-ти милліоновъ рублей,—

сумму, по тому времени, огромную. Но далѐко не всѣ эти деньги пошли туда, куда онѣ были назначены. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ проигрывали ихъ въ карты, другіе уплачивали изъ нихъ свои долги, или употребляли на свое хозяйство. Платили же ссуды въ продовольственный капиталъ крестьяне вмѣстѣ съ податями, или, какъ видно изъ разсказа старика по Саратовской губерніи, отрабатывали „долговой посѣвъ"—отплачивали лишней барщиной.

Конечно, нельзя думать, что такъ поступали всѣ помѣщики; разорить въ-конецъ крѣпостного крестьянина, барину было прямо невыгодно. Это все равно, какъ въ баснѣ говорится про мужика, у котораго была курица, несущая золотыя яйца. Мужикъ захотѣлъ сразу добыть побольше яицъ и, зарѣзалъ курицу, а въ курицѣ ни чего не оказалось. Такъ и помѣщики: если бы они довели крестьянъ до послѣдней степени нищеты, то крестьяне перестали бы на нихъ работать. Вѣдъ, лошади и инвентарь, которыми мужикъ работалъ на барскомъ полѣ,—все было крестьянское: безъ этого снаряда и барское поле осталось бы незасѣяннымъ. Поддерживать крестьянъ приходилось помѣщику изъ своихъ интересовъ, но эта поддержка была, въ общемъ, не велика, и крестъяне жили впроголодь.

Такъ передъ волей ухудшилось положеніе крестьянъ. Увеличились оброки, стала тяжелѣе барщина, и, главное—земельные надѣлы убавились въ два-три раза. Урѣзанные надѣлы распахивались вдоль и поперекъ; земля отъ частой распашки безъ удобренія тощала; неурожаи и голодовки учащались. Помѣщики тоже бѣднѣли и должали оттого, что жили выше средствъ и отъ обѣднѣнія своихъ кормильцевъ-крестьянъ, которые уже не могли давать того, что съ нихъ требовали господа. Помѣщики жаловались на свою судьбу, а о крестьянахъ и говорить нечего: все чаще и чаще повторялись бунты и убійства господъ, и помѣщики стали побаиваться своихъ крѣпостныхъ. Наконецъ, послѣ несчастной Севастопольской войны, когда всѣмъ стало ясно, въ какую про-

пасть толкаетъ Россію крѣпостное право,—новый императоръ Александръ II самъ пришелъ къ убѣжденію, что лучше освободить крестьянъ сверху, нежели дожидаться того времени, когда они сами освободятъ себя снизу. Посмотримъ теперь, какъ прошло это освобожденіе крестьянъ сверху, съ какими надѣлами выпустили ихъ на волю, и сколько выкупа имъ пришлось платить за ту землю, которая была подарена помѣщикамъ какъ разъ въ то время, когда они перестали нести государеву службу.

ГЛАВА II

Надѣлы и платежи бывшихъ крѣпостныхъ, установленные при освобожденіи.

Попытки освобожденія до 1861 года.

За сто лѣтъ до освобожденія крестьянъ дворянство получило вольность, а такъ какъ крестьяне служили дворянамъ только потому, что тѣ служили государству, то, по всей справедливости, слѣдовало бы уничтожить и обязательныя повинности крестьянъ помѣщикамъ. Вольность дворянская должна бы привести и къ вольности крестьянской; и мысль о томъ, что не только народное благо, а и государственная польза требуетъ освобожденія крестьянъ, съ тѣхъ поръ стала появляться у нѣкоторыхъ умныхъ и благородныхъ людей, несмотря на то, что освобожденные дворяне тогда еще хуже затягивали петлю крѣпостного права.

Императрица Екатерина II въ началѣ своего царствованія сочувствовала мысли объ освобожденіи крестьянъ, но, когда ей стало яснымъ, что большая часть дворянъ была противъ освобожденія, она отреклась отъ этой мысли. Дворяне возвели ее на престолъ, дворяне окружали ея тронъ, и она платила имъ добромъ за добро и осыпала ихъ щедрыми милостями.

Чѣмъ дальше она царствовала, тѣмъ больше казенныхъ земель раздаривала своимъ любимцамъ, тѣмъ круче расправлялась съ защитниками воли крестьянской и кончила тѣмъ, что, вмѣсто искорененія, широко разсѣяла сѣмена крѣпостного права по лицу россійской земли. Такъ же дѣйствовалъ императоръ Павелъ.

Александръ I, какъ и его бабка, вначалѣ сочувствовалъ судьбѣ крѣпостныхъ. При восшествіи на престолъ, онъ обѣщался не увеличивать числа этихъ несчастныхъ, сдѣлалъ слабую попытку освободить хоть часть крестьянъ и говаривалъ, что „если бы образованность была на болѣе высокой ступени, онъ уничтожилъ бы рабство, если бы даже это стоило ему жизни“. Но, къ концу царствованія, онъ также сталъ равнодушенъ къ крестьянскому дѣлу и, когда въ 1817 году, былъ составленъ министрами законъ объ ежегодной покупкѣ въ казну нѣкотораго числа крестьянъ съ землей, онъ хотя и одобрилъ этотъ законъ, но не привелъ его въ дѣйствіе, потому что его испугала революція въ государствахъ южной Европы и волненія въ Семеновскомъ полку.

При Николаѣ I крѣпостное государство стало замѣтно шататься; усилились голодовки, бунты, холера; а самое главное—ясно обнаружилось, какіе убытки казнѣ приноситъ крѣпостное право. Прежде всего, податей съ крѣпостныхъ правительство получало меньше. Съ казенныхъ крестьянъ шли подушныя подати и довольно порядочные оброки, а съ помѣщичьихъ—только небольшія подушныя, за уплату которыхъ отвѣчали помѣщики. Съ казенныхъ крестьянъ подати поступали исправно, на помѣщичьихъ же недоимки все росли, и казна терпѣла убытки. Вмѣсто доходовъ казна затрачивала десятки милліоновъ на ссуды во время голодовокъ, да роздала въ долгъ помѣщикамъ, подъ залогъ ихъ имѣній, 425 милліоновъ. Наконецъ, при крѣпостномъ правѣ промышленность и торговля развивались слабѣе, чѣмъ могли развиваться въ свободномъ государствѣ, и отъ этого сокращались государственные доходы. Самъ Николай I сознавалъ, что „крѣпостное право причиною тому, что у насъ нѣтъ торговли и промышленности“. Фабрики вырабатывали плохіе продукты, и въ Крымскую войну всѣ увидѣли, что наши ружья, пушки, сукно—никуда не годились.

Все это очень безпокоило императора, и хотя, при восшествіи на престолъ, онъ заявилъ, что „всякіе толки о свободѣ

помѣщичьихъ крестьянъ и здоровыхъ отъ повинностей ихъ господамъ суть слухи ложные“ — однако, 9 разъ, за свое царствованіе, собиралъ секретные комитеты изъ высшихъ сановниковъ и обдумывалъ, вмѣстѣ съ ними, какъ бы поубавить это ядовитое зло — крѣпостное право, разъѣдавшее всѣ подпоры русскаго царства. Но ни самъ Николай I, ни его сановники не думали о полномъ раскрѣпощеніи, которое они считали „преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства“. Между тѣмъ, избавиться отъ дурныхъ послѣдствій крѣпостного права, такъ же, какъ отъ сорной травы въ полѣ, можно было, лишь вырвавши его съ корнемъ: оттого изъ всѣхъ многочисленныхъ трудовъ секретныхъ комитетовъ ничего особенно важнаго для народа не получилось.

Такъ, въ продолженіе цѣлыхъ 100 лѣтъ передъ волей, образованные и доброжелательные люди изъ дворянскаго общества и нѣкоторые сановники, министры и государи, понимая, что крѣпостное право приноситъ вредъ и народу и государству старались выдумать способъ либо уничтоженія, либо смягченія его,—и все-таки изъ этихъ выдумокъ выходило очень мало.

Главное затрудненіе было въ вопросѣ о землѣ: земли, на которыхъ сидѣли крѣпостные, считались „священной, дворянской собственностью“, посягнуть на которую—было „величайшимъ преступленіемъ“. И въ то же время, многіе, въ томъ числѣ императоръ Николай I, понимали, что нельзя выпустить на волю крестьянъ безъ земли. Выходило, что нельзя отнять землю ни у помѣщиковъ, ни у крестьянъ, а, вѣдь, кого-нибудь да надо было обидѣть. Вотъ почему никто не рѣшался подступить къ самой сути крѣпостного права, пока не грянулъ громъ несчастной Севастопольской войны.

Но, все-таки, въ эти сто лѣтъ вопросъ объ освобожднн успѣли обсудить со всѣхъ сторонъ; кое-какія попытки освобожденія по частямъ, по кучкамъ были сдѣланы; всѣ

увидали къ чему онѣ привели и поняли, что надо было дѣлать и чего сдѣлать нельзя. Уже тогда разные способы освобожденія, которые предлагались со всѣхъ сторонъ, сводились къ тремъ главнымъ: 1) освобожденіе крестьянъ *безъ* земли; 2) съ одной усадьбой, или недостаточнымъ надѣломъ; 3) съ полнымъ надѣломъ, достаточнымъ для прокормленія семьи крестьянина и для уплаты всѣхъ податей. Нѣкоторые изъ этихъ способовъ были испробованы на дѣлѣ. Тогда же была придумана и осуществлена переходная мѣра къ освобожденію—установленіе, при крѣпостномъ правѣ, твердыхъ правилъ насчетъ размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ и повинностей.

Эту мѣру предлагалъ, еще при Петрѣ, крестьянинъ Посошковъ: „А о крестьянахъ, мнится мнѣ, лучше такъ учинить: егда кой крестьянинъ повытокъ (подать) свой сполна помѣщику своему заплатитъ, то уже бы никакой помѣщикъ, сверхъ уреченнаго числа не требовалъ съ него и ни чѣмъ бы таковыхъ не тѣснилъ". Мы видѣли сейчасъ, сколько земли отрѣзали помѣщики отъ крестьянскихъ надѣловъ со второй половины 18-го вѣка, да сколько новыхъ повинностей набавили. Ничего бы этого не было, если бы правила Посошкова были поставлены въ законъ, да къ нимъ прибавлено еще, что у крестьянъ нельзя отнять ни кусочка земли изъ ранѣе положеннаго надѣла.

Такія правила стали закономъ только за 15 лѣтъ передъ волей, и то лишь, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ западнаго края; а на всю Россію ихъ распространили до полнаго освобожденія, лишь по манифесту 19-го февраля 1861-го года.

Въ западномъ краѣ жизнь господскихъ крестьянъ была еще тяжелѣе, чѣмъ въ русскихъ областяхъ. Крестьяне тамъ—Бѣлоруссы и Малороссы, православной вѣры, а господа были—поляки-католики; нѣкоторые обращались со своими иновѣрными подданными жестоко и презрительно

Оброчныхъ крестьянъ тамъ совсѣмъ не было, не было и дворовыхъ. а всѣ сидѣли на барщинѣ, работали отъ трехъ

до шести дней въ недѣлю, да еще требовались съ нихъ „гвалты“—поголовныя помочи по 12 разъ въ годъ. Рабочій день лѣтомъ доходилъ до 19 часовъ, захватывая часть ночи. Извѣстный польскій писатель того времени,—ксендзъ Сташица такъ описывалъ крестьянскій бытъ: „я вижу милліоны существъ, изъ которыхъ одни ходятъ полунагія, другія—прикрыты шкурой или грубой сермягой; всѣ они высохшіе, захудалые, обросшіе волосами, закоптѣлые; глаза у нихъ глубоко запали; грудь безустанно работаетъ. Грустные, оглупѣвшіе и глупые они мало чувствуютъ и мало думаютъ: впрочемъ, это—величайшее счастье. Съ трудомъ можно открыть въ нихъ живую душу. Съ перваго взгляда, ихъ наружность скорѣе похожа на звѣря, чѣмъ на человѣка. Хлопъ является самымъ позорнымъ названіемъ. Пищей имъ служитъ хлѣбъ съ мякиной, а черезъ четверть года (послѣ посѣва)—хлѣбные отбросы; напиткомъ для нихъ служитъ вода и, обжигающая внутренность, водка. Жилищами имъ служатъ ямы, или шалаши, немного возвышающіеся надъ землей. Они наполнены смрадомъ и дымомъ, который, очевидно, для того убавляетъ имъ свѣтъ, чтобы они меньше видѣли свою недолю,—онъ днемъ и ночью душитъ ихъ, сокращая ихъ несчастную жизнь, особенно убивая малотокъ. Въ этой смрадной и дымной темницѣ, на гнилой подстилкѣ отдыхаетъ хозяинъ, утомленной дневной работой; рядомъ съ нимъ спитъ малая голая дѣтвора, на томъ же самомъ ложѣ, на которомъ стоитъ корова съ теленкомъ и лежитъ свинья съ поросятами. Добрые поляки! Вотъ роскошная жизнь, той части народа, отъ которой зависитъ судьба вашей Рѣчи Посполитой (польскаго царства!)“ При такой жизни крестьянъ, голодовки у нихъ были самымъ обычнымъ дѣломъ: за 30 лѣтъ было 10 неурожаевъ; изъ казны выдано 38 милліоновъ ссуды; $^2/_3$ крестьянъ обнищали совсѣмъ. И, однако, хотя такое разореніе крестьянъ и казнѣ причиняло большіе убытки,—правительство не думало серьезно объ облегченіи участи крестьянъ, пока польскіе помѣ-

щики не устроили возстанія въ 1830 году. Въ возстаніи этомъ крестьяне, чужіе по вѣрѣ и озлобленные на господъ, совсѣмъ не участвовали, и, послѣ усмиренія, оставшіеся помѣщики еще болѣе жестоко стали обращаться съ крестьянами. Пошли слухи, что господа опять собираются поднять возстаніе. Правительству было выгодно расположить къ себѣ крестьянъ, и все чаще генералъ-губернаторы начинаютъ поговаривать о введеніи *инвентарей*.

Инвентарями назывались подробныя записи, гдѣ обозначалось число крестьянъ, ихъ повинности, земли, отведенныя имъ въ надѣлъ, и земли господскія. Инвентари давно уже были заведены въ казенныхъ имѣніяхъ западнаго края,—встрѣчались и въ лучшихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Тамошніе генералъ-губернаторы добивались, чтобы они были пересмотрѣны и введены во всѣхъ имѣніяхъ. Однако, и тутъ правительство долго колебалось, не желая обидѣть господъ, и только тогда, когда въ сосѣдствѣ съ нашей юго-западной границей—въ Галиціи, гдѣ крестьяне были также малороссы, а помѣщики—поляки, вспыхнулъ свирѣпый крестьянскій бунтъ,—только тогда, опасаясь такого же бунта у насъ, начали торопиться съ инвентарями. Въ 1844—45 годахъ устраиваются инвентарные комитеты и въ 1847 году выпущены инвентарныя правила. По этимъ правиламъ, „вся земля, находящаяся нынѣ въ пользованіи крестьянъ, должна, какъ *мірская* остаться у нихъ *безъ измѣненія*“. Уменьшать надѣлы было запрещено, а увеличивать позволялось. За свои надѣлы крестьянскіе лошадные дворы (тяглые), у которыхъ участки были побольше, отбывали барину 3 дня мужскихъ и одинъ женскій въ недѣлю; безлошадные (полутяглые)—два дня мужскихъ и одинъ женскій. Всѣ остальные налоги и сборы—грибные, скотомъ, дичью, холстомъ, и пр.—отмѣнялись совсѣмъ. Кромѣ барщины, еще давалось 12 сгонныхъ лѣтнихъ дней и одна подвода съ тяглаго двора. Подати въ казну крестьяне вносили сами.

Инвентарныя правила должны были положить предѣлъ господскому самовластію; и, хотя, на самомъ дѣлѣ, по беззащитности крестьянъ, они не вездѣ выполнялись строго,—въ иныхъ мѣстахъ помѣщики урѣзывали установленные надѣлы и прибавляли повинности, а все-таки дѣлалось это съ опаской, потому что такіе поборы и отрѣзки стали уже *незаконными*, и за нихъ полагалась строгая кара. Въ общемъ, положеніе западныхъ крестьянъ улучшилось. Въ Кіевской и Волынской губерніяхъ къ тому времени появилось много свеклосахарныхъ заводовъ. Свекловичное хозяйство требуетъ много рабочихъ рукъ; мѣстные крестьяне нанимались работать по своей волѣ—ихъ было мало, да и брали они подороже, и изъ сосѣднихъ, тоже малороссійскихъ, губерній—Полтавской, Черниговской, въ которыхъ инвентарныя правила не были введены, помѣщики отдавали своихъ крестьянъ въ батраки на свекловичныя плантаціи за болѣе дешевую плату. Этихъ батраковъ хозяева держали очень скверно: они томились, болѣли, умирали десятками; а кто могъ изъ нихъ, спасался бѣгствомъ, на югъ въ Новороссію. Такъ-то кіевскіе мужики ясно увидѣли, какую пользу имъ принесли инвентари, ограничившіе господскую власть.

Введеніе инвентарей было самымъ важнымъ дѣломъ изъ всѣхъ пытокъ къ улучшенію крѣпостныхъ до 1861-го года. Другія попытки были направлены прямо къ освобожденію крестьянъ. Мы говорили сейчасъ, что, при обсужденіи вопроса объ освобожденіи, намѣчалось три способа: безъ земли, съ малымъ и полнымъ надѣломъ. Безземельное освобожденіе предлагалъ уже при Екатеринѣ II князь Голицынъ, отлично понимавшій, какъ выгодно оно будетъ помѣщикамъ, въ рукахъ которыхъ соберется вся земля. Земля даетъ хлѣбъ: безъ земли крстьянина ждала голодная смерть, и за землю, которую помѣщикъ сталъ бы сдавать въ аренду онъ могъ, какъ говорится, веревки вить изъ крестьянъ: могъ заставить платить, какую ему вздумается, цѣну, или, если у крестьянина денегъ не было, требовать самой тяжелой

работы, такъ что положеніе такихъ „вольныхъ“ крестьянъ было бы хуже, чѣмъ барщинниковъ.

Безземельное освобожденіе удалось провести помѣщикамъ въ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ такъ же, какъ въ западномъ краѣ, помѣщики и крестьяне были разныхъ народностей: крестьяне—латыши и эстонцы, а помѣщики,—нѣмцы. Помѣщики жестоко тѣснили крестьянъ, и это приводило къ неурожаямъ, голодовкамъ, бунтамъ. Въ 1804 году издано было особое положеніе—въ родѣ инвентарей—и земельные участки крестьянъ, а также ихъ повинности были опредѣлены закономъ. Это пришлось не по вкусу помѣщикамъ, и они сами предложили совсѣмъ освободить крестьянъ, да только безъ земли. Въ 1816—19 годахъ это освобожденіе совершилось: кто былъ изъ крестьянъ побогаче, могъ вести свое хозяйство и арендовать у помѣщиковъ землю,—тотъ разорялся высокой арендной платой; а кто не могъ платить аренды,—дѣлался безотвѣтнымъ батракомъ въ баронскихъ и графскихъ усадьбахъ.

Четыре раза передѣлывались послѣ того законы о прибалтійскихъ крестьянахъ, но уже поправить ихъ положеніе не удалось, и по сію пору большая часть ихъ остается безземельными батраками, и либо мыкается по господскимъ усадьбамъ, либо ищетъ счастья на чужбинѣ, даже въ Америку переселяется.

Попытку освободить крестьянъ съ землей сдѣлалъ Александръ I указомъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, изданномъ въ 1803 году. По этому указу, помѣщикамъ было дозволено освобождать, *по своей доброй волѣ*, крестьянъ съ землей за выкупъ, который крестьяне вносили сразу или въ разсрочку, пока земля не была выкуплена, они должны были отбывать повинности своему барину. Если у крестьянъ денегъ не было, они обязывались, до смерти помѣщика, или навсегда, платить оброкъ, либо отбывать барщину. Такъ какъ исполненіе этого указа зависѣло отъ доброй воли господъ, то, на дѣлѣ, онъ почти не осуществился. При Алек-

сандрѣ I, въ свободные хлѣбопашцы перешло 47 тысячъ ревизскихъ душъ, при Николаѣ—67 тысячъ, а всего въ 1858 году, вмѣстѣ съ прибылыми, ихъ оказалось 152 тысячи.

Еще меньше успѣха имѣлъ изданный въ 1842 году при Николаѣ I, указъ объ *обязанныхъ крестьянахъ*, который, впрочемъ, былъ хуже указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ: все дѣло въ немъ сводилось къ тому, что помѣщики, опять-таки по собственному желанію, могли заключать договоры съ крестьянами, по которымъ опредѣлялись бы на долгій срокъ крестьянскіе надѣлы и повинности,—словомъ, что-то въ родѣ инвентарей. По этому указу, только трое вельможъ перевели 25 тысячъ мужскихъ душъ въ обязанные.

Вотъ всѣ главныя попытки совладать съ крѣпостнымъ правомъ до манифеста 16-го февраля 1861 года.

Эти попытки показали: во 1-хъ, что безъ земли освобождать крестьянъ невозможно; во 2-хъ, что если предоставить освобожденіе съ землей на добрую волю помѣщиковъ, то крѣпостное право и въ слѣдующія 100 лѣтъ не будетъ уничтожено. Между тѣмъ, Севастопольская война ясно доказала, что дальше сохранять крѣпостное право невозможно, что при немъ народъ все больше голодаетъ, нищаетъ и вырождается, государство слабѣетъ, пустѣетъ казна—и сильныя сосѣднія государства Европы, которыя, въ это время, освободивши своихъ крестьянъ, стали быстро развиваться, богатѣть и крѣпнуть, могутъ угрожать самому существованію Россіи. Примѣръ былъ у насъ передъ глазами: царство Польское—нѣкогда такое могущественное, что одно время оно грозило поглотить Россію. Когда же въ немъ крѣпостное право развилось до послѣднихъ предѣловъ, и вся власть перешла въ руки богатыхъ пановъ-помѣщиковъ,—это царство ослабѣло настолько, что его безъ труда подѣлили между собою три сосѣднихъ государства.

Предвидѣло наше правительство и другую опасность отъ крѣпостного права: въ царствѣ Польскомъ крестьяне отупѣли, принизились, стали безсловесными рабами. Въ за-

падной Европѣ, гдѣ народъ не былъ такимъ забитымъ, какъ разъ, незадолго до Севастопольской войны, грозной волной прокатились народныя возстанія, послѣ которыхъ крестьяне были освобождены, и населеніе получило широкія права. Въ Россіи также все чаще стали проявляться вспышки крестьянскихъ бунтовъ, какъ первыя молніи, предвѣщающія грозу, и самъ императоръ Александръ II призналъ, что настала пора освободить крестьяне *сверху*.

Но, сознавая необходимость немедленнаго освобожденія и при томъ освобожденія съ землей,— правительство все-таки стремилось къ тому, чтобы старинные слуги государства— дворяне—пострадали какъ можно меньше при уничтоженіи крѣпостного права. Правящая власть старалась даже повернуть дѣло такъ, чтобы казалось, что дворяне сами хотятъ освобожденія, и министры и губернаторы убѣждали помѣщиковъ посылать всеподданѣйшія ходатайства въ такомъ духѣ. Вотъ почему правительство не хотѣло и не могло взять все дѣло освобожденія исключительно на свой рискъ и страхъ, а призвало къ обсужденію законовъ о выходѣ на волю *дворянское сословіе*, представители котораго, съ самаго начала до конца, принимали участіе въ выработкѣ новаго положенія о крестьянахъ. Помѣщики ожесточенно отстаивали свои права, и правительство, какъ увидимъ дальше, сдѣлало имъ очень много важныхъ уступокъ, тяжело отразившихся на дальнѣйшей судьбѣ крестьянскаго хозяйства.

Такимъ образомъ, судьбу крѣпостныхъ крестьянъ при освобожденіи рѣшили двѣ заинтересованныя стороны: правительство и помѣщики-дворяне. Третью сторону—самихъ крестьянъ—рѣшено было не призывать, потому что считали ихъ темными, невѣжественными, опасались, что они выставятъ требованія, которыя выполнить невозможно, и это поведетъ къ смутамъ, бунтамъ и разстройству всей общественной жизни.

При такомъ оборотѣ дѣла, отстаиваніе крестьянскихъ правъ должно было взять на себя правительство: кромѣ

него, защищать ихъ было некому. Какъ же понимало правительство крестьянскіе интересы?

Первоначальные планы правительства.

Три главныхъ вопроса, касающихся поземельнаго устройства и выкупа, предстояло разрѣшить при освобожденіи: 1) Считать ли, что не только земля, а и самая *личность* крѣпостныхъ крестьянъ составляетъ „крещенную собственность“ помѣщика, а слѣдовательно, нужно ли платить выкупъ за 23 милліона живыхъ крестьянскихъ душъ?

2) Вся ли земля—въ томъ числѣ и находившаяся въ пользованіи крестьянъ—безусловно принадлежитъ помѣщикамъ, и сколько ея нужно выкупить для освобожденныхъ крестьянъ?

3) Какую цѣну положить за землю и какъ устроить выкупную операцію?

На первый вопросъ еще правительство Николая I всегда отвѣчало, что крестьяне считаются не рабами, не холопами, а *крѣпостными*—то есть крѣпкими землѣ, но лично свободными. Самъ императоръ, въ откровенную минуту, сказалъ смоленскимъ дворянамъ: „Я буду говорить съ вами не какъ государь, а какъ первый дворянинъ въ имперіи. Земля принадлежитъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашей кровью пролитой за государство. Но я не понимаю, какимъ образомъ, *человѣкъ сдѣлался вещью*; я не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ—съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой“. Такъ же точно смотрѣло и правительство Александра II: личность крестьянина свободна и за нее никакого выкупа не нужно платить, но вся земля въ помѣщичьихъ имѣніяхъ составляетъ *неотъемлемую* собственность владѣльцевъ, то-есть такую, которую насильно отобрать нельзя.

Если земля—собственность помѣщиковъ, то ее нужно у нихъ выкупить и, при томъ, съ ихъ согласія. Это должно было стоить не дешево, а у нашей казны, послѣ неудачной севастопольской войны, денежныя дѣла были сильно запущены. Поэтому, первоначальной планъ правительства былъ

очень скромный. Въ послѣднемъ секретномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, созванномъ въ январѣ 1857 года, и въ вышущенномъ, вскорѣ за нимъ, знаменитомъ рескриптѣ генералъ-губернатору Назимову, съ котораго дѣло освобожденія стало уже на твердую почву,—намѣчался такой планъ: 1) крестьяне „вовсе не подготовлены къ полученію внезапно и вдругъ свободы“,—а потому освобождать ихъ надо постепенно, въ срокъ отъ 8-ми до 12 лѣтъ; 2) пока же они получаютъ усадьбы, которыя будутъ пріобрѣтать въ свою собственность постепенно, посредствомъ выкупа; 3) кромѣ усадьбы, крестьянамъ оставляется въ пользованіе „надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для *обезпеченія ихъ быта* и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику“.

Этотъ планъ ближе всего подходитъ къ инвентарнымъ правиламъ западнаго края: онъ не давалъ, въ сущности, освобожденія крестьянъ, но обезпечивалъ за ними ихъ надѣлы и оберегалъ ихъ отъ увеличенія оброка и барщины: зато отъ казны онъ не требовалъ никакихъ расходовъ, потому что крестьяне должны были выкупаться сами. Однако, когда даже нѣкоторые дворяне заявили недовольство этимъ планомъ и потребовали немедленнаго выкупа, правительство быстро осмѣлѣло, и, ставшій во-главѣ, такъ-называемой, Редакціонной комиссіи (которой было поручено составленіе законовъ объ освобожденіи крестьянъ) близкій къ царю человѣкъ Я. И. Ростовцевъ, скоро понялъ, что выкупъ необходимъ, и, что, если казна не поможетъ крестьянамъ выкупиться, дѣло не пойдетъ. Вѣдь, всякому ясно, что крестьяне, которымъ, дай Богъ самимъ прокормиться, а не то что деньги копить, не смогутъ совладать съ выкупомъ и въ 200 лѣтъ. Обдумавъ хорошенько это дѣло за границей, Я. Р. Ростовцевъ пришелъ къ тому, что выкупъ не только нужно, а и можно сдѣлать съ помощью казны; и по возвращеніи его изъ за границы, образовалась при

Редакціонной—особая финансовая комиссія. Какъ только вопросъ о выкупѣ болѣе или менѣе наладился (о немъ мы разскажемъ потомъ), такъ сейчасъ же на первое мѣсто подвинулся вопросъ *о размѣрахъ надѣла*.

Правительство, съ самаго начала, рѣшило, что крестьянскій надѣлъ долженъ быть такой величины, чтобы онъ обезпечивалъ бытъ крестьянъ: стало-быть, чтобы крестьяне, сидя на немъ, были сыты, обуты, одѣты и чтобы они могли, сверхъ того, оплачивать всѣ подати. Такой размѣръ надѣла называется *потребительной нормой*.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, обработка полей была хуже нынѣшней, удобреніе слабое, и урожаи пониже, чѣмъ теперь; не всѣ удобныя земли были распаханы,—особенно въ черноземной полосѣ,—кое-что оставалось подъ лѣсами и пастбищами. По всѣмъ этимъ причинамъ, тогдашняя потребительная норма надѣла должна бы быть побольше теперешней, и не даромъ профессоръ Янсонъ считалъ, что такой нормой будетъ 8 десятинъ въ не-черноземной и 5 десятинъ въ черноземной полосѣ на ревизскую душу. Само правительство, при крѣпостномъ правѣ, признавало казенныхъ крестьянъ малоземельными, если на душу у нихъ выходило меньше 5-ти десятинъ усадьбы, пашни и покоса (не считая лѣса и выгона), и старалось переселять такихъ крестьянъ въ многоземельныя губерніи. Тоже и насчетъ помѣщичьихъ крестьянъ: по указамъ 1827 и 1848 годовъ, если, при продажѣ помѣщикомъ земли, въ пользованіи у крестьянъ оставалось меньше $4^1/_2$ десятинъ на душу, крестьяне отбирались въ казенное вѣдомство. Указы эти рѣдко выполнялись, но изъ нихъ видно, какой размѣръ надѣла само правительство считало достаточнымъ для „обезпеченія быта“.

Въ разныхъ мѣстахъ, глядя по плодородію земли и расположенію угодій, потребительная норма должна быть различной: гдѣ почва—глина и песокъ, гдѣ много лѣсовъ, болотъ и неудобей, какъ въ не-черноземной полосѣ,—тамъ и норма эта вырастаетъ; гдѣ почва—чистый черноземъ,

вся земля идетъ въ дѣло,—тамъ норма сжимается.—Но вездѣ она должна быть расчитана такъ, чтобы, при среднихъ урожаяхъ, покрывала всѣ крестьянскія нужды и повинности. Сторонніе заработки въ расчетъ потребительной нормы не должны входить, больше всего потому, что они—дѣло, до извѣстной степени случайное, не постоянное: сегодня они есть, а завтра ихъ нѣтъ: закрыли фабрику, либо, наоборотъ, завелась, скажемъ фабрика гвоздарнаго издѣлія и всѣхъ окрестныхъ кустарей лишила работы; прекратился извозъ; завели помѣщики косилки для уборки хлѣба,—всѣ такія причины, а ихъ бываютъ сотни, могутъ лишить мужика стороннихъ заработковъ. Въ общемъ, конечно, торговля и промыслы у насъ растутъ, растутъ и заработки; но, вѣдь, на всѣхъ ровно они не приходятся: одному достаются, а другому нѣтъ, и точнаго расчета дохода отъ нихъ для каждаго сдѣлать нельзя. Потомъ, заработки существовали и существуютъ не во всѣхъ мѣстахъ: въ черноземной полосѣ ихъ было мало, большая часть крестьянъ жили только своимъ земельнымъ надѣломъ. Однимъ словомъ, заработки очень различны въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разныхъ хозяйствахъ въ одномъ и томъ же селѣ, а понятно, что расчетъ потребительной нормы для каждаго крестьянскаго хозяйства въ отдѣльности сдѣлать невозможно. Потребительная норма должна обезпечивать всѣ крестьянскія нужды *въ обрѣзъ*, а на заработки крестьянинъ можетъ расширять и улучшать свое хозяйство, получать лучшую одежду, кормиться посытнѣе, и такъ далѣе.

Кромѣ потребительной нормы, есть и другая—*трудовая*: она разсчитывается не по продовольственнымъ нуждамъ, а *по силамъ крестьянъ*: трудовой нормой будетъ такое количество земли, которое крестьянинъ въ силахъ обработать трудами своихъ рукъ и своей семьи безъ помощи наемныхъ батраковъ. Понятно, что трудовая норма выше потребительной и, о ней при освобожденіи крестьянъ, никакихъ разговоровъ не было. Но во многихъ Высочайшихъ

рескриптахъ и правительственныхъ указахъ говорилось, что должны быть достаточно обезпечены землей, т.-е. должны получить надѣлъ не меньше потребительной нормы. Кромѣ приведенныхъ выше постановленій секретнаго комитета и рескрипта Назимову, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской указывалъ дворянамъ, что „самое важное при освобожденіи—даровать крестьянамъ прочную осѣдлость и надежныя *средства къ жизни*“. Я. И. Ростовцевъ, въ самомъ началѣ работы Редакціонной комиссіи заявилъ, что, при выкупѣ, надѣлы „могутъ быть измѣняемы, но, во всякомъ случаѣ, такъ, чтобы крестьянинъ могъ имѣть *достаточно* земли или угодій для своего прокормленія и для уплаты всѣхъ своихъ повинностей“. Наконецъ, сама Редакціонная комиссія твердо стояла на томъ, что главная задача правительства въ освободительной реформѣ—создать *обезпеченное* сословіе сельскихъ обывателей, а вовсе не лишить крестьянъ съ самаго начала свободы, „лучшихъ средствъ къ самостоятельному развитію“.

Разъ само правительство поставило своей цѣлью обезпечить крестьянъ землей, *улучшить*, а не ухудшить ихъ хозяйственное положеніе при выходѣ на волю,—ему и слѣдовало въ разныхъ мѣстахъ Россіи сдѣлать расчетъ, по крайней мѣрѣ, потребительныхъ нормъ надѣла, и, по этому расчету, отрѣзать, сколько надо, изъ помѣщичьихъ земель. Въ сущности, вѣдь, и этихъ нормъ было бы недостаточно. Теперь, когда правительство поселяетъ русскихъ переселенцевъ въ киргизскихъ степяхъ, оно отрѣзаетъ отъ киргизовъ земельные излишки, и оставляетъ имъ землю не только по расчету потребительной нормы, а еще, сверхъ того, въ запасъ, для *прироста населенія*, десятинъ по 25-ти и больше на хозяйство.

Но такъ правительство дѣлаетъ теперь для киргизовъ; для русскихъ же крѣпостныхъ, тогдашнее правительство рѣшило, что установить, какія бы то ни было, нормы надѣла—дѣло совершенно „несбыточное“.—Во-первыхъ, невоз-

можно опредѣлить съ точностью крестьянскія нужды, во-вторыхъ, установить доходность земли въ каждой мѣстности Россіи и, въ-третьихъ, исчислять размѣры крестьянскихъ доходовъ отъ стороннихъ заработковъ*). Раздѣлить и размежевать земли по нормамъ—на это не хватило бы землемѣровъ и казенныхъ средствъ. Такое размежеваніе произвело бы полное разстройство и въ помѣщичьемъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ оба сословія, дескать, возстанутъ противъ и правительство не сможетъ „отвѣчать за сохраненіе общественнаго спокойствія".

Гораздо правильнѣе, по мнѣнію Редакціонной комиссіи,—оставить крестьянамъ тѣ надѣлы, которые существовали при крѣпостномъ правѣ. Существующіе надѣлы установились вѣками, естественнымъ путемъ, къ взаимнымъ выгодамъ помѣщиковъ и крестьянъ: помѣщики должны были, въ своихъ же интересахъ, нарѣзать крестьянамъ надѣлы, достаточные для пропитанія. Поэтому „существующій нынѣ, въ различныхъ мѣстностяхъ крестьянскій надѣлъ есть, за немногими исключеніями, лучшее и даже естественно правильное практическое мѣрило того количества земли, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина". Правда, есть исключенія: это, съ одной стороны, тѣ помѣщики, которые не вели своего хозяйства и отдавали крестьянамъ всю свою землю,—у такихъ крестьянъ земли было слишкомъ много; съ другой стороны—были жадные помѣщики, которые отбирали у крестьянъ всю землю себѣ. Но, чтобы избѣжать этихъ крайностей, достаточно назначить грани *высшаго низшаго* надѣловъ въ каждой мѣстности: отрѣзать у крестьянъ излишки противъ высшаго и прибавить нехватку до низшаго надѣла. Грани надо назначить такія широ-

*) Редакціонная комиссія полагала, что тѣмъ крестьянамъ, которые имѣли сторонніе заработки, надо было уменьшить норму надѣла на весь доходъ отъ этихъ заработковъ. Какъ мы увидимъ дальше, правительство, правда, не убавило надѣла, но увеличило изъ-за промысловъ, выкупные платежи.

кія, чтобы прирѣзокъ или отрѣзокъ былъ какъ можно меньше.

Таковъ былъ правительственный планъ относительно надѣленія крестьянъ землею. Этотъ планъ никакъ нельзя считать правильнымъ, потому что существующіе надѣлы, какъ мы видѣли, въ очень многихъ мѣстностяхъ не обезпечивали крестьянскаго быта. Если бы они были достаточными,— помѣщичьи крестьяне не выходили бы толпами на дорогу просить милостыню, не питались бы березовой корой и соломеннымъ хлѣбомъ. Неправда, что эти надѣлы устанавливались естественнымъ путемъ, ко взаимнымъ выгодамъ обѣихъ сторонъ: ихъ устанавливала болѣе сильная сторона— помѣщики, соблюдавшіе только свои выгоды; а когда земля стала цѣннѣе, нужнѣе помѣщикамъ, они начали отнимать ее у крестьянъ, и крестьянскіе надѣлы сократились въ два и три раза,—стало быть они, вовсе не „устанавливались вѣками“. Все больше плодились безземельные мѣсячники, а передъ самой волей дворяне старались, какъ можно урѣзать надѣлъ и по мѣстамъ заставляли срывать крестьянскія усадьбы. Надѣлы зависѣли, больше всего, отъ произвола помѣщиковъ, и крестьяне одного имѣнія имѣли по 10 и 20 десятинъ, а сосѣдняго—по десятинѣ на тягло. И эти произвольные, урѣзавшіеся съ каждымъ десятилѣтіемъ, надѣлы правительство считало достаточными для обезпеченія быта!

Не такъ труденъ былъ бы и расчетъ потребительныхъ нормъ, какъ полагала Редакціонная комиссія. Хотя еще не существовало земской статистики, которая за 40 лѣтъ работы изучила въ точности и крестьянское хозяйство и доходность земли, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта статистика была заведена, а все-таки и тогда всякому хозяину было хорошо извѣстно, что нужно крестьянину для безбѣдной жизни, и было довольно много точныхъ учетовъ крестьянскихъ расходовъ и доходовъ. Все равно Редакціонная комиссія для расчета высшихъ и низшихъ надѣловъ, должна была собирать статистическія свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ, о

крестьянскихъ надѣлахъ и повинностяхъ,—къ нимъ нетрудно было бы прибавить нѣсколько вопросовъ, необходимыхъ для расчета потребительныхъ нормъ.

Что касается до расходовъ на межеваніе, то, вѣдь, все равно, при выходѣ на волю, надо было отмежевать крестьянскіе надѣлы отъ помѣщичьихъ земель, и, если бы эти надѣлы были побольше,—прибавка расходовъ была бы такой ничтожной, что о ней не стоило и говорить. Наконецъ, насчетъ „общественного спокойствія“ надо замѣтить, что помѣщики, конечно, были бы недовольны; но странно ожидать недовольства крестьянъ, которымъ бы набавили надѣлы. Никто, вѣдь, не будетъ сердиться на то, что ему въ сумку положатъ лишній каравай хлѣба.

Такимъ образомъ, всѣ доводы правительства, противъ расчета надѣловъ по потребительной нормѣ, были мало основательны. Сознавала это и Редакціонная комиссія, среди членовъ которой было много крестьянскихъ доброжелателей: для комиссіи вовсе не было секретомъ, что существовавшіе, при крѣпостномъ правѣ, надѣлы, сплошь-и-рядомъ, недостаточны для пропитанія. Но пойти на расчетъ достаточныхъ надѣловъ комиссія не могла, потому что тогда пришлось бы слишкомъ много земли отрѣзать отъ помѣщичьихъ имѣній. Въ самомъ дѣлѣ, если взять даже тотъ надѣлъ, который считался достаточнымъ по закону—$4^1/_2$ десятины на ревизскую душу, то—при 10 милліонахъ 700 тысячахъ душъ крѣпостныхъ (вмѣстѣ съ дворовыми) въ 45-ти губерніяхъ, имъ пришлось бы отрѣзать 47 милліоновъ десятинъ, тогда какъ у нихъ въ пользованіи находилось около 36 милліоновъ; стало-быть, больше 11 милліоновъ десятинъ отнять у помѣщиковъ. Это вызвало бы взрывъ негодованія среди дворянъ, да и денегъ на выкупъ потребовалось бы гораздо больше, а правительство очень опасалось большихъ расходовъ. Можно было бы не трогать помѣщичьихъ земель, а переселить крестьянъ, которымъ своихъ надѣловъ не хватало,—на свободныя казенныя земли. Но правительство

боялось такого большого переселенія, а помѣщики не хотѣли оставаться безъ дешевыхъ рабочихъ рукъ.

И такъ, правительство рѣшило, что самое правильное будетъ—оставить крестьянамъ существующіе надѣлы. Но къ рѣшенію судебъ крѣпостного крестьянства были призваны не только чиновники, а и депутаты отъ дворянскаго сословія. Чего же добивались эти депутаты?

Стремленія помѣщиковъ.

По царскому повелѣнію, въ концѣ 1858-го года, во всѣхъ губерніяхъ были открыты дворянскіе комитеты, гдѣ выборные отъ помѣщиковъ дворяне обсуждали предположенія правительства объ освобожденіи крестьянъ и вырабатывали свои собственные планы. По окончаніи этой работы, комитетъ каждой губерніи выбиралъ депутатовъ, которые приглашались въ Петроградъ и, вмѣстѣ съ высшими чиновниками, засѣдали въ Редакціонной комиссіи, отстаивая планы послашаго ихъ дворянства. Два раза собирались такіе съѣзды: въ первый разъ были, главнымъ образомъ, депутаты отъ не-черноземной полосы, во второй—отъ черноземной.

Хозяйственные интересы помѣщиковъ-дворянъ въ разныхъ областяхъ Россіи были различными. Въ не-черноземной полосѣ помѣщики, по большей части, отпускали своихъ крестьянъ на оброкъ, сами хлѣбопашествомъ занимались мало, и большую часть доходовъ получали не отъ земли, а отъ стороннихъ заработковъ крестьянъ, которые имъ платили оброкъ, т.-е. доходъ имъ доставляла не земля, а личный трудъ, *личность* крѣпостныхъ крестьянъ. Оттого, напримѣръ, въ Смоленской губерніи десятина удобной земли безъ крестьянъ, при продажѣ на-вѣчно, цѣнилась въ 5 рублей 50 копеекъ; цѣна же одной крестьянской души, вмѣстѣ съ землей, была 117 рублей. На душу (ревизскую) всей земли—и господской и отведенной въ надѣлъ крестьянамъ—приходилось въ этой губерніи въ среднемъ 9 десятинъ. Если откинуть 49 рублей 50 копеекъ за эту землю, то окажется, что личность крестьянина цѣнилась въ 67 рублей 50 копеекъ—гораздо больше, чѣмъ земля.

Какъ много иногда выручали помѣщики отъ оброчныхъ крестьянъ, показываетъ примѣръ нижегородскаго помѣщика графа Шереметьева, который только съ 160-ти оброчныхъ крестьянъ собиралъ 25 тысячъ рублей—почти по 160 рублей съ души. Сообразивъ, какіе убытки онъ могъ понести, если бы прошелъ такой законъ, по которому за личность крестьянина выкупа не полагается,—графъ Шереметьевъ сталъ насильно принуждать богатыхъ крестьянъ выкупаться прежде объявленія воли, при чемъ требовалъ за каждый рубль оброка 25 рублей выкупа—то есть съ этихъ 160-ти душъ 625 тысячъ рублей. Дѣло дошло до государя, твердо рѣшившаго, что личный трудъ крестьянъ выкупу не подлежитъ. Государь сильно разсердился, насильственный выкупъ былъ прекращенъ, и нижегородскіе помѣщики, которые были бы рады послѣдовать примѣру графа Шереметьева, перестали говорить о выкупѣ личности.

Вообще, помѣщики были очень недовольны такимъ рѣшеніемъ правительства. „Какъ такъ,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—я купилъ крестьянъ, что бы они мнѣ работали, а у меня ихъ отнимаютъ даромъ; да гдѣ же справедливость?“ — „А я заложилъ крестьянъ въ опекунскомъ совѣтѣ,—перебивалъ другой,—мнѣ и свидѣтельство дано, что я заложилъ столько-то душъ, а не десятинъ земли: стало-быть, эти крестьяне есть мое имущество: какъ же у меня его безъ суда отнимаютъ?“ „А вотъ Бобылевъ, такъ онъ на вывозъ покупалъ крестьянъ,—добавлялъ третій,—онъ на свой счетъ перевозилъ ихъ въ Оренбургскій край и тамъ селилъ ихъ на своей землѣ, они ему еще четверти цѣны не отработали: неужели у него ихъ даромъ отпустятъ?“

Но какъ ни ворчали помѣщики, а дѣлать было нечего: правительство, въ этомъ случаѣ, держалось очень крѣпко и рѣшило поблажки помѣщикамъ не давать. Тогда губернскіе комитеты стали придумывать какой-либо обходный путь и надумали поднять цѣну усадьбы, которая, какъ мы видѣли, по рескрипту Назимова, положенному въ руководство

дворянскимъ комитетамъ, подлежала обязательному выкупу. За десятину усадьбы эти комитеты назначили: нижегородскій и калужскій—480 рублей; московскій—отъ 600 до 1200 рублей; владимирскій—отъ 480 до 1080 рублей; остальныя цѣны въ такомъ же родѣ. А земля, въ то время была во много разъ дешевле, чѣмъ теперь: въ Нижегородской губерніи—21 рубль, Калужской—18 руб. Московской—32 рубля, а Владимірской—даже 11 рублей за десятину. Пусть усадебныя земли, какъ лучше удобренныя, цѣнились даже вдвое дороже,—все-таки помѣщики потребовали за выкупъ усадебъ въ 40 и 50 разъ дороже ихъ настоящей цѣны. Нѣкоторые комитеты (19 изъ 43-хъ) требовали, вдобавокъ, еще плату за постройки: орловскій—за исправныя избы—отъ 150 рублей до 250 руб., неисправныя—75—120 рублей; смоленскій—отъ 75-ти до 200 рублей. Избы строили сами крестьяне, а помѣщики если и помогали, то эту помощь крестьяне имъ оплачивали съ избыткомъ.

За землей не-черноземные помѣщики не очень гнались: нѣкоторые комитеты были непрочь оставить крестьянамъ полностью ихъ прежніе надѣлы, другіе урѣзали, но не такъ сильно. Самое главное, къ чему они стремились, это—получить побольше выкупа, взамѣнъ тѣхъ оброковъ, которые они получали съ крѣпостныхъ. Деньги имъ нужны были, чтобы погасить долги и завести хозяйственное имущество, потому что при крѣпостномъ правѣ весь рабочій скотъ и инветарь были крестьянскіе. Поэтому имъ даже было выгодно спустить крестьянамъ, по дорогой цѣнѣ, побольше земли, чтобы на вырученныя деньги, завести на оставшихся участкахъ самостоятельное хозяйство. Нѣкоторые дворянскіе комитеты сами потребовали у правительства, чтобы, оно, какъ можно скорѣе, провело выкупную операцію. Даже владѣльцы барщинныхъ помѣстій опасались, что, послѣ объявленія воли, временно-обязанные крестьяне, которые до выкупа должны были отбывать барщину, будутъ плохо обрабатывать землю; заставить работать лучше

помѣщики не смогутъ, потому что власть надъ крестьянами будетъ у нихъ отобрана. Хозяйство ихъ придетъ въ раззоръ, а потому лучше покончить разомъ.

Совсѣмъ иные интересы были у помѣщиковъ *черноземной* полосы. Въ черноземныхъ губерніяхъ, лежавшихъ ближе къ серединѣ Россіи, населеніе стало очень густымъ ко времени освобожденія, и мы видѣли въ предыдущей главѣ, насколько поднялась цѣна на земли; помѣщики сильно урѣзали крестьянскіе надѣлы, завели большія экономіи, собирали сотни милліоновъ пудовъ и отправляли ихъ на продажу въ сѣверныя губерніи. Земледѣліе тамъ стало очень выгоднымъ дѣломъ, помѣщики дорожили каждой десятиной, а крестьянскій трудъ упалъ въ цѣнѣ: населенныя имѣнія цѣнились почти такъ же, какъ и населенныя. Когда началось обсужденіе вопроса объ освобожденіи крестьянъ, всѣ помыслы черноземныхъ дворянъ сосредоточились на томъ, какъ бы побольше оттягать земли у крестьянъ. Они бы были рады всю землю оставить за собой,—недаромъ говаривали, что земля тамъ, все равно, что червонное золото. Они знали, что обезземеленные крестьяне за клочокъ земли заплатятъ что угодно, пойдутъ на всякую тяжелую работу.

Если здѣшніе губернскіе комитеты уступали немножко земли крестьянамъ, такъ только понимая, что правительство не допуститъ полнаго обезземеленія. Въ своихъ планахъ освобожденія, эти комитеты урѣзывали наполовину и даже на двѣ-трети существовавшіе надѣлы и отдавали по двѣ десятины на душу, такъ что крестьяне не могли бы никакъ прокормиться на своихъ надѣлахъ, и столько же, если не больше, земли имъ бы пришлось арендовать у помѣщиковъ.

Уменьшали сильно надѣлы и помѣщики степныхъ губерній—низоваго Поволожья и Новороссіи, гдѣ, хотя населеніе было рѣдкое, и земля цѣнилась пока вдвое-трое дешевле, чѣмъ въ среднихъ губерніяхъ, но тучный черно-

земъ манилъ помѣщиковъ, сплавлявшихъ хлѣбъ за границу, заводившихъ огромные гурты скота, или строившихъ винокурные заводы. Губернскій комитетъ Херсонской губерніи, гдѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ на душу приходилось всего $24^1/_2$ десятины, отводилъ крестьянамъ отъ 1-ой до 3-хъ десятинъ; Таврическій—гдѣ было по 48 десятинъ—отводилъ отъ 3-хъ до 5-ти, то-есть помѣщики оставляли себѣ больше девяти-десятыхъ всей земли. Даже въ Воронежской губ., стоящей на границѣ степныхъ губерній, помѣщики отводили себѣ 2 милліона десятинъ, а крестьянамъ давали только 240 тысячъ; между тѣмъ, въ этой губерніи помѣщиковъ было около 2-хъ съ половиною тысячъ, считая съ семействами, до 12 тысячъ,—а крестьянъ до полумилліона (обоего пола).

Защищая урѣзку надѣловъ, депутаты увѣряли правительство, что крестьянамъ большіе надѣлы будутъ въ тягость, поведутъ къ разстройству ихъ хозяйства, какъ будто для крестьянъ вредно, если они станутъ кормиться хорошо. Другіе помѣщики были откровеннѣе, и, напримѣръ, князь Волконскій прямо говорилъ, что широкій надѣлъ разоритъ не крестьянъ, а дворянъ, разовьетъ бурьянъ и запустѣніе въ господскихъ имѣніяхъ, потому что крестьяне будутъ сыты съ одной своей земли и не пойдутъ въ батраки пахать барскую землю, или снимать ее въ аренду. Члены саратовскаго губернскаго комитета, при опредѣленіи размѣровъ надѣловъ, разсудили, что сельское хозяйство сосредоточивается, главнымъ образомъ, у помѣщиковъ,—значитъ, и надо для развитія сельскаго хозяйства, нарѣзать поменьше надѣлы, чтобы помѣщики находили достаточное количество свободныхъ рабочихъ рукъ, желающихъ у нихъ работать, и чтобы крестьяне нуждались въ арендѣ земли.

Это разсужденія хотя и были откровенны, но также не совсѣмъ правильны. Вѣдь надѣлы, достаточные для пропитанія, все-таки были бы меньше трудовыхъ нормъ. Излишекъ рабочей силы у крестьянъ оставался, и они бы все-

таки пошли къ барину работать и снимать у него землю, но уже не по нуждѣ, а для увеличенія доходовъ. Чѣмъ меньше нужды чуствовали крестьяне, тѣмъ выше были бы цѣны на рабочіе руки, тѣмъ меньше арендная плата; мужикъ бы не далъ себя въ кабалу господину. Безъ земли же или съ малымъ надѣломъ, онъ дѣлался подневольнымъ рабомъ своей нужды, попадалъ въ новую кабалу,—этой кабалы и добивались помѣщики.

Приводили дворянскіе комитеты и такой доводъ: при крѣпостномъ правѣ, крестьяне кормили со своего надѣла и помѣщиковъ и себя, а теперь они будутъ кормить только себя, поэтому, молъ, и слѣдуетъ урѣзать крестьянскіе надѣлы наполовину. Этотъ доводъ тоже неправильный: вѣдь, кормили крестьяне помѣщиковъ работой не на своей землѣ, а на барской, или доходами съ заработковъ на сторонѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, собственными надѣлами крестьяне прокармливали только свою семью, да и ей на пропитаніе не хватало. Можно было предположить, что, съ прекращеніемъ повинностей помѣщику, крестьянамъ станетъ легче, да и это оказалось невѣрнымъ—вмѣсто повинностей помѣщику пришлось, какъ мы увидимъ дальше, платить большіе выкупные платежи казнѣ, а затѣмъ, съ каждымъ десяткомъ лѣтъ, прибавлялись новые налоги.

Вотъ, стало-быть, чего добивались помѣщики: въ нечерноземной полосѣ получить какъ можно больше выкупа, чтобы выкупъ не только покрывалъ стоимость земли, но и оплачивалъ *личность* крестьянина, его трудъ, который, по непреклонному рѣшенію государя, выкупу не подлежалъ; въ черноземной—отобрать какъ можно больше земли у крестьянъ и заставить ихъ этимъ пойти въ батраки къ помѣщику за самую дешевую плату, или арендовать землю по той цѣнѣ, которую назначатъ помѣщики.

Шагъ за шагомъ, отстаивали дворяне свои требованія, и въ этомъ случаѣ, имъ удалось добиться большихъ уступокъ отъ правительства.

На чемъ согласилось правительство и помѣщики.

Въ совмѣстныхъ засѣданіяхъ Редакціонной комиссіи и дворянскихъ депутатовъ рѣшались оба главныхъ вопроса: о надѣлѣ и выкупѣ. Мы знаемъ, что правительство намѣревалось оставить крестьянамъ существующіе надѣлы, а помѣщики, главнымъ образомъ, въ черноземной полосѣ, старались ихъ урѣзать какъ можно покороче.

а) Земельные надѣлы.

Какъ опредѣляло правительство существующіе надѣлы? При крѣпостномъ правѣ, надѣлы были очень различными: по $^1/_2$ десятины и по двѣ, и по 5-ти, и даже по 10-ти десятинъ на душу въ одномъ и томъ же уѣздѣ. Понятно, такъ оставить было нельзя—надо было ихъ, хоть немного, подравнять, чтобы однимъ крестьянамъ не было слишкомъ густо, а другимъ—совсѣмъ пусто. Правительство придумало сдѣлать такъ: были собраны свѣдѣнія о надѣленіи крестьянъ землей во всѣхъ имѣніяхъ свыше 100 душъ, а въ этихъ имѣніяхъ находилось почти четыре-пятыхъ всѣхъ крестьянъ. Затѣмъ всю Россію (кромѣ западныхъ губерній и Малороссіи) раздѣлили на три полосы: не-черноземную, черноземную и степную. Каждую полосу раздѣлили еще на нѣсколько мѣстностей, а въ каждой мѣстности назначили высшій и низшій надѣлы, кромѣ степной полосы, гдѣ былъ установленъ одинъ «указной» надѣлъ.

Низшій надѣлъ сначала Редакціонная комиссія опредѣлила въ $^2/_3$ высшаго, но вскорѣ убавила его до одной трети, потому, будто бы, что въ имѣніяхъ свыше 100 душъ, на которыхъ основывается расчетъ надѣловъ, крестьянамъ нарѣзалась земля щедрѣе, чѣмъ въ мелкихъ имѣніяхъ. Но, если такъ и было, то разница оказывалась очень небольшая: напримѣръ, по Тамбовской губерніи, въ мелкихъ имѣніяхъ, надѣлы были только, примѣрно, на $^1/_2$ десятины меньше, чѣмъ въ крупныхъ.

Высшій надѣлъ Редакціонная комиссія разсчитывала такъ, что онъ довольно близко подходилъ къ среднему надѣлу, выведенному по собраннымъ свѣдѣніямъ, и только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ былъ выше его. Между тѣмъ,

сама комиссія признавала, что «во множествѣ свѣдѣній размѣры крестьянскихъ владѣній показаны гораздо ниже дѣйствительнаго». Свѣдѣнія давали сами дворяне-помѣщики, которые понимали, что они требуются для отрѣзки земли крестьянамъ; понятно, помѣщикамъ былъ расчетъ показывать надѣлы меньше, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Въ Новгородской губерніи по показаніямъ помѣщиковъ въ пользованіи крестьянъ было 1 милліонъ 82 тысячи десятинъ, а на самомъ дѣлѣ—1 милліонъ 600 тысячъ,—на цѣлыхъ полмилліона больше. Редакціонная комиссія должна была принять это въ соображеніе, и, во всякомъ случаѣ, не сокращать назначенныхъ нормъ.

Однако, мало того, что она понизила низшіе надѣлы; скоро, подъ напоромъ дворянскихъ депутатовъ, ей пришлось урѣзать и высшіе.

Вначалѣ, черноземная полоса была раздѣлена на три мѣстности съ высшимъ надѣломъ—въ 3, $3^1/_2$ и $4^1/_2$ десятины на душу.

Когда въ Петербургъ пріѣхали дворяне-депутаты отъ черноземныхъ губерній и стали требовать новыхъ уступокъ,—черноземную полосу разбили на 7 мѣстностей и нормы надѣловъ по этимъ мѣстностямъ назначили такія, что число отрѣзокъ сильно увеличилось, и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, у $^3/_4$ крѣпостныхъ приходилось отрѣзать $^1/_2$ десятины и болѣе на душу. Въ не-черноземной полосѣ, которая была подѣлена тоже на 7 мѣстностей, число отрѣзокъ также поднялось. Послѣ того, какъ Редакціонная комиссія расчитала, сколько придется сдѣлать огрѣзокъ отъ существовавшихъ надѣловъ, она сама выразила «опасеніе, что принятыя ею нормы наибольшихъ надѣловъ малы и, ни въ какомъ случаѣ, дальнѣйшему пониженію подлежать не могутъ».

Но въ это время заболѣлъ и умеръ предсѣдатель Редакціонной комиссіи, графъ Ростовцевъ, который понималъ, какія вредныя для крестьянъ послѣдствія будетъ имѣть

урѣзка существовавшихъ надѣловъ. Въ споръ съ дворянскими депутатами, напиравшими на то, что дворянскія имѣнія, по закону, составляютъ ихъ собственность, въ которой—они полные хозяева, онъ заявилъ: «Отрѣзками мы уничтожаемъ крестьянина, а это—бунтъ. Всѣ юридическія теоріи (насчетъ собственности) прекрасны, но здѣсь дѣло идетъ о кускѣ хлѣба: мы отнимаемъ этотъ кусокъ изъ вѣжливости къ помѣщику, для популярности у дворянства. Государь велѣлъ намъ улучшить бытъ крестьянъ: какое же это улучшеніе!» Такъ говорилъ Ростовцевъ, однако, и онъ дѣлалъ уступки помѣщикамъ, потому что у нихъ была большая поддержка въ придворныхъ кругахъ, окружавшихъ государя. Послѣ же его смерти, предсѣдателемъ комиссіи назначили графа Панина—тайнаго крѣпостника, и, когда въ послѣдній разъ собралась комиссія и депутаты для окончательнаго обсужденія крестьянской реформы,—надѣлы снова урѣзали: въ черноземной полосѣ въ 42 уѣздахъ, по большей части, на $^1/_2$ десятины и выше; въ не-черноземныхъ—въ 69 уѣздахъ. Понизили надѣлы и въ Новороссіи и въ Малороссіи, а прибавили только въ 3-хъ уѣздахъ черноземной и въ 4-хъ не-черноземной полосы.

На этомъ сокращеніе надѣловъ не остановилось. Когда Редакціонная комиссія закончила свои работы, обсужденіе реформы перешло въ Главный Комитетъ, а отсюда—въ Государственный Совѣтъ, гдѣ, въ числѣ важныхъ сановниковъ, было много богатыхъ землевладѣльцевъ. Тутъ въ третій разъ укоротили надѣлы: въ черноземной полосѣ—въ 50-ти уѣздахъ изъ 142, въ не-черноземной—въ 107-ми уѣздахъ изъ 232; въ Новороссіи—въ 14-ти уѣздахъ изъ 31-го. Прибавили только въ 5-ти уѣздахъ черноземной и 36-ти уѣздахъ не-черноземной полосы. Урѣзали бы еще больше, да времени для передѣлки надѣльныхъ нормъ оставалось мало. Редакціонная комиссія была закрыта 10-го октября 1860 года, и государь приказалъ, чтобы къ 15-му февраля 1861 года все законодательство прошло черезъ Государ-

ственный Совѣтъ. Составить положеніе о крестьянахъ было очень трудно: кромѣ надѣловъ и выкупа, въ немъ было множество правилъ насчетъ новаго волостного управленія и суда,—все это были большіе и сложные законы, которые слѣдовало обсудить со всѣхъ сторонъ, согласовать другъ съ другомъ, чтобы не встрѣтилось противорѣчій, или непредвидѣнныхъ затрудненій при исполненіи,—и урѣзка надѣловъ отошла на второй планъ: иначе крестьянскія земли еще больше бы пострадали.

Правила насчетъ низшихъ надѣловъ, по которымъ крестьянамъ прирѣзали столько земли, сколько не хватало до этихъ надѣловъ, были обязательными только тогда, когда у помѣщиковъ, послѣ надѣленія крестьянъ, оставалось не *меньше третьей части* принадлежащей имъ земли: больше $^2/_3$ нельзя было отрѣзать крестьянамъ, хотя бы у нихъ приходилось по $^1/_4$ десятины на душу. При учетѣ $^1/_3$ возникло такое затрудненіе: были помѣщики, имѣвшіе имѣнія не въ одномъ мѣстѣ, а въ нѣсколькихъ, иногда въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ. Положимъ, у одного помѣщика есть два имѣнія: въ одномъ у него 1000 десятинъ всей земли и крестьянской и господской, и 1000 душъ крестьянъ,—всего приходится по десятинѣ на душу; въ другомъ,—за 100 верстъ отъ перваго, тоже тысяча десятинъ—а крестьянъ только сто душъ,—по десяти десятинъ на душу. Если дѣлать расчетъ одной трети по каждому имѣнію въ отдѣльности, то въ первомъ имѣніи помѣщику оставили бы его треть—334 десятины, а крестьянамъ достался бы низшій надѣлъ, по $^2/_3$ десятины на душу; въ другомъ имѣніи,—крестьяне получили бы высшій надѣлъ, положимъ, по 3 десятины, всего 300 десятинъ, а у помѣщика осталось бы цѣлыхъ 700 десятинъ. Такимъ образомъ, всѣ 1100 крестьянъ обоихъ имѣній получили бы 966 десятинъ, помѣщикъ сохранилъ бы 1034 десятины—больше половины, хотя, по смыслу закона, ему никакъ нельзя было оставлять больше одной трети. Стало-быть, въ такихъ случаяхъ, слѣ-

довало бы непремѣнно принимать въ расчетъ всѣ имѣнія помѣщика, хотя бы они лежали за 1000 верстъ. Однако, Главный Комитетъ рѣшилъ разсчитывать эту самую треть только на разстояніи 12 верстъ отъ даннаго помѣстья.

Но самое главное завоеваніе помѣщики сдѣлали въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ послѣдніе дни засѣданія членъ Совѣта—князь Гагаринъ предложилъ такой законъ: если помѣщикъ согласенъ *подарить* крестьянамъ безъ выкупа четвертую часть высшаго надѣла, а крестьяне согласны этотъ подарокъ принять,—то они сразу становятся вольными, съ нихъ снимаются всѣ обязанности къ помѣщику, а помѣщикъ оставляетъ себѣ три четверти крестьянскаго надѣла. На эту удочку попалось до полумилліона крестьянъ, которые обрекли на нищету себя и свое потомство на много лѣтъ.

Въ концѣ-концовъ, когда Положеніе о крестьянахъ прошло черезъ всѣ мытарства и было Высочайше утверждено 19-го февраля 1861 года,—оказалось, что помѣщикъ отрѣзалъ въ свою пользу отъ существующаго надѣла въ слѣдующихъ 4-хъ случаяхъ:

1) Если существовавшій при крѣпостномъ правѣ надѣлъ былъ *больше* высшаго надѣла, назначеннаго въ этой мѣстности по Положенію. Мы видѣли, что этотъ высшій надѣлъ три раза подвергался урѣзкѣ и во многихъ уѣздахъ сталъ ниже того, которымъ раньше пользовались крестьяне.

2) Если у помѣщика, послѣ отвода земли, оставалось меньше третьей части владѣній, ему принадлежавшихъ, на разстояніи 12-ти верстъ отъ даннаго имѣнія,—тогда у крестьянъ отрѣзалось столько десятинъ, сколько не хватало до этой трети.

3) Если крестьяне соглашались даромъ безъ выкупа получить четвертую часть высшаго надѣла,—тогда у нихъ отрѣзали три четверти.

4) Если крестьяне шли на выкупъ, но соглашались сами убавить свой надѣлъ наполовину противъ высшаго, установленнаго Положеніемъ*).

По первому и второму правилу крестьянамъ урѣзали надѣлы противъ ихъ воли, по третьему и четвертому—они *добровольно* шли на отрѣзки, отдавали сами своей охотой три-четверти или половину прежняго надѣла. Что же заставляло ихъ добровольно отказываться отъ земли, за которой теперь они уходятъ въ Сибирь, на край свѣта, терпятъ всевозможныя лишенія, потому что земля для крестьянина-земледѣльца—главная кормилица, и безъ нея онъ—пропащій человѣкъ? Много разныхъ причинъ и, одна изъ главныхъ,—*выкупная операція*.

б) Выкупная операція. Земля, которой, при крѣпостномъ правѣ, пользовались крестьяне, была господской собственностью. Эту собственность крестьяне должны были выкупать, а такъ какъ у крестьянъ денегъ не было,—имъ помогла въ этомъ дѣлѣ *казна*. Какъ и при расчетѣ нормъ земельнаго надѣла, Редакціонная комиссія, вмѣстѣ съ дворянскими депутатами, устанавливала расцѣнку выкупаемой земли и опредѣляла условія выкупа. Мы уже говорили, чего добивались помѣщики насчетъ выкупа. Земля тогда была дешевая, въ особенности, въ не-черноземныхъ губерніяхъ, и главные доходы тамошніе помѣщики получали не отъ земли, а въ видѣ оброка, отъ крестьянскихъ стороннихъ промысловъ. Этотъ-то оброкъ, то-есть доходъ не съ земли, а отъ *личнаго труда* крестьянъ, доходъ, который они получали, потому что были не только *землевладѣльцы*, а и *рабовладѣльцы*, владѣли личностью, жизнью и трудомъ крѣпостныхъ,—хотѣли помѣщики отстоять во что бы то ни стало. Требовать прямо выкупа личности они не могли—прави-

*) Кромѣ того, дворовые и обезземеленные при крѣпостномъ правѣ крестьяне мѣсячники ничего не получили, хотя многіе изъ нихъ потеряли свои надѣлы только въ послѣднее десятилѣтіе передъ волей.

тельство никогда бы на это не согласилось. Надо было отыскать окольную дорогу, и они нашли ее въ повышенной расцѣнкѣ земли.

Когда надо оцѣнить всю землю разомъ въ цѣлой странѣ или губерніи, тогда, при помощи знающихъ людей, производятъ большую и сложную работу, которая называется поземельнымъ кадастромъ: дѣлятъ почву по сортамъ, опредѣляютъ сортъ каждаго участка, высчитываютъ урожаи хлѣба и укосы сѣна за много лѣтъ; въ лѣсныхъ угодьяхъ количество лѣса разныхъ породъ; на пастбищахъ—тоже сорта земли, травы или количество скота, который на нихъ пасется. Для повѣрки, собираютъ свѣдѣнія объ арендныхъ и продажныхъ цѣнахъ на землю и затѣмъ, подсчитавши и провѣривши всѣ собранныя свѣдѣнія,—устанавливаютъ доходъ съ десятины каждаго угодья: пашни, сѣнокоса, выгона, лѣса. По этому доходу, увеличивъ его въ 15 или 20 разъ, получаютъ,—сколько земля стоитъ въ дѣйствительности.

Правда, произвести такую строгую оцѣнку земли долго и трудно: у французовъ, напримѣръ, поземельный кадастръ тянулся 50 лѣтъ, а у насъ, до сихъ поръ, произвели его только въ нѣсколькихъ губерніяхъ, главнымъ образомъ, потому, что опредѣлить сорта почвы очень трудно. Не такъ трудно собрать свѣдѣнія насчетъ арендныхъ и продажныхъ цѣнъ, установить урожайность и получить, хоть и не совсѣмъ точную, а все-таки подходящую къ правильной, оцѣнку земли, потому что и крестьяне и помѣщики знали, какіе урожаи даютъ участки, на которыхъ они сидѣли сотни лѣтъ. Вѣдь, еще при московскихъ царяхъ подати раскладывались по землѣ, и пашня дѣлилась на три сорта, по качеству: добрая, средняя и худая, и на хорошую землю накладывали больше податей, а тогда не только что кадастра—даже ариѳметики, какъ слѣдуетъ, не знали.

Но Редакціонная комиссія, признавая справедливымъ «соразмѣреніе повинности съ цѣнностью земли», рѣшила,

что у насъ установить выкупъ, по правильной оцѣнкѣ земли, невозможно, не только потому, что не было земельнаго кадастра, но также и потому, что строгое примѣненіе его, въ большей части случаевъ, подвергло бы помѣщиковъ значительнымъ потерямъ: оброки, вѣдь, были значительно выше, чѣмъ доходность отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ. Стало-быть, главная причина, почему комиссія отвергла правильную оцѣнку выкупной земли—было нежеланіе обидѣть помѣщиковъ. Вмѣсто такой оцѣнки, комиссія, въ основу своихъ расчетовъ выкупной стоимости, положила *существующіе оброки*, подобно тому, какъ въ основу надѣленія землей крестьянъ были положены существовавшіе при крѣпостномъ правѣ надѣлы. Эти надѣлы, при разработкѣ закона о нихъ, были урѣзаны; наоборотъ—назначенные сначала оброки были увеличены.

Всю Россію комиссія раздѣлила на четыре полосы: нечерноземную оброчную, не-черноземную барщинную, черноземную и степную. Въ не-черноземной оброчной полосѣ за высшій надѣлъ былъ назначенъ оброкъ 9 рублей, въ барщинной—натуральная повинность, которая, въ переводѣ на деньги, давала такую же сумму: въ промышленныхъ мѣстностяхъ—10 рублей, а въ двухъ остальныхъ полосахъ—8 рублей. Потомъ, когда помѣщики стали торговаться и требовать прибавки, оброкъ увеличили для всей черноземной полосы до 9-ти рублей, для промышленныхъ мѣстностей до 12-ти рублей, такъ что большая часть губерній Россіи оказалась съ 9-рублевымъ оброкомъ.

Этотъ оброкъ, въ общемъ, не былъ выше того, который собирали помѣщики при крѣпостномъ правѣ: 9 рублей на душу, если считать по двѣ съ половиной души въ тяглѣ, составитъ $23^1/_2$ рубля на тягло, а при крѣпостномъ правѣ, въ среднемъ, по Россіи тягловый оброкъ равнялся 24-мъ рублямъ. Но такъ какъ надѣлы урѣзали, то на каждую десятину приходилось уже нѣсколько больше. Напримѣръ, по расчету Редакціонной комиссіи, въ Михайловскомъ уѣздѣ,

Рязанской губерніи, за десятину крестьяне платили, при крѣпостномъ правѣ, 3 рубля 14 копеекъ, а при назначенномъ комиссіей оброкѣ—выходило 3 рубля 27 копеекъ; въ Бобровскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, крѣпостной оброкъ равнялся 2 рублямъ 28 копейкамъ, а назначенный комиссіей—2 рублямъ 57 копейкамъ и такъ далѣе.

Эти прибавки, не давая крестьянамъ обѣщаннаго рескриптомъ облегченія, все-таки не были бы такими тяжелыми, если бы каждая десятина крестьянскаго надѣла расцѣнивалась одинаково. Но тогда помѣщикамъ не-черноземныхъ губерній, особенно въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ надѣлы были велики, пришлось бы не очень много получить за выкупъ личности, и вотъ они придумали такой способъ расчета.

Членъ тверского дворянскаго комитета—Воробьевъ указалъ, что не всякая десятина крестьянскаго надѣла можетъ быть оцѣнена одинаково: усадебныя земли и пашня, лежащія ближе къ селу, всегда лучше обработаны и удобрены, чѣмъ земли, лежащія дальше отъ усадьбы, а поэтому, слѣдуетъ первую десятину надѣла, въ которую входитъ усадьба, оцѣнить дороже, чѣмъ вторую; вторую дороже, чѣмъ третью и четвертую. Мысль эта очень понравилась нечерноземнымъ дворянамъ, и дворянскіе комитеты—тверской, ярославскій, вологодскій, и другіе—взяли ее въ основаніе своей расцѣнки надѣловъ; а вслѣдъ за нечерноземными помѣщиками, тотъ же способъ приняла и Редакціонная комиссія. Въ не-черноземной полосѣ, гдѣ всѣ земли удобряются, она назначила повышенную плату за первыя двѣ десятины: такъ, при надѣлѣ въ 4 десятины, на первую десятину падало изъ 9-рублеваго оброка 4 рубля, на вторую—2 рубля 40 копеекъ, на третью и четвертую—по 1 рублю 30 копеекъ; при 6-ти десятинахъ: на первую—4 рубля, вторую—2 рубля, а на 4 остальныя—по 75 копеекъ. Въ черноземной полосѣ, въ сѣверной ея половинѣ, гдѣ земли тоже удобрялись, былъ принятъ тотъ же порядокъ: при трехде-

сятинномъ надѣлѣ, изъ восьмирублеваго оброка наложили на первую десятину 3 рубля 75 копеекъ, на вторую—2 рубля 30 копеекъ, на третью—1 рубль 95 копеекъ. Въ южной половинѣ, гдѣ удобреніе не примѣнялось, расцѣнка повысилась, только за первую десятину: при трехъ десятинахъ надѣла, за первую—3 рубля 50 копеекъ, за вторую и третью—по 2 рубля 25 копеекъ; при четырехъ съ половиной десятинахъ, за первую—3 рубля 50 копеекъ, а за всѣ остальныя—по 1 рублю 28 и $^4/_7$ копейки.

Пусть читатель внимательно всмотрится въ эти цифры: мы нарочно изложили побольше примѣровъ, чтобы яснѣе было видно, къ чему ведетъ такая раскладка.

Въ не-черноземной полосѣ мы взяли два примѣра: высшихъ надѣловъ въ 4 и 6 десятинъ. Прежде всего, мы видимъ, что за тотъ и другой надѣлъ Редакціонная комиссія положила одинаковый оброкъ, и получившій 4 десятины крестьянинъ долженъ былъ платить за каждую въ полтора раза дороже, чѣмъ получившій 6 десятинъ. Мало того: вездѣ въ не-черноземной полосѣ, на первую десятину наложили 4 рубля, на вторую—поменьше, на остальныя—еще меньше, Приведенные примѣры относятся къ высшимъ надѣламъ, а мы знаемъ, что, въ каждой мѣстности, низшіе надѣлы были въ три раза менѣе высшихъ. И вотъ, по этой расцѣнкѣ, выходило, что при высшемъ надѣлѣ въ 6 десятинъ, крестьянинъ, которому достался такой надѣлъ, платитъ всего 9 рублей—по 1 рублю 50 копеекъ оброка за десятину, а получившій 2 десятины (низшій надѣлъ)—платитъ 6 рублей—по 3 рубля за десятину, то-есть въ два раза больше. То же самое и въ черноземной полосѣ, при чемъ, въ южной ея половинѣ, гдѣ почти половина оброка падала только на первую десятину, особенно тяжело пришлось бѣднякамъ, получившимъ по десятинѣ или немного больше.

Теперь, въ самыхъ образованныхъ передовыхъ странахъ, многіе налоги развертываются такъ, чтобы они па-

дали больше на богатыхъ людей: если у меня, положимъ, 10 десятинъ, то я плачу налоговъ, примѣрно, по рублю съ десятины, а мой сосѣдъ—богатый помѣщикъ, у котораго тысяча десятинъ,—платитъ дороже: рубля полтора съ десятины. Такимъ же образомъ разверстываются налоги со всякихъ другихъ доходовъ; и этотъ способъ раскладки налоговъ называется прогрессивно-подоходнымъ обложеніемъ. Редакціонная комиссія перевернула этотъ способъ вверхъ ногами и главную тяжесть выкупного обложенія навалила на плечи малоземельныхъ бѣдняковъ, которымъ пришлось платить иногда вдвое больше за каждую десятину, чѣмъ многоземельнымъ.

Такимъ окольнымъ путемъ помѣщики достигли своей цѣли — выкупа личности крестьянъ. Вмѣсто правильной оцѣнки земли, въ основу выкупныхъ расчетовъ былъ положенъ существовавшій при крѣпостномъ правѣ оброкъ, да еще съ нѣкоторой надбавкой, а, сверхъ того, Редакціонная комиссія щедро наградила тѣхъ помѣщиковъ, которые надѣляли своихъ крестьянъ малымъ надѣломъ. Въ не-черноземной полосѣ, гдѣ почти всѣ доходы помѣщиковъ получались отъ крестьянскихъ оброковъ, а не отъ земли, для комиссіи еще было то оправданіе, что, безъ выкупа личности, помѣщики слишкомъ много теряли. Но въ черноземной полосѣ, гдѣ земля, это—червонное золото, по выраженію самихъ помѣщиковъ, давала имъ главный доходъ, гдѣ пашня вовсе не удобрялась или удобрялась мало,—не было никакихъ основаній набавлять оцѣнку первой десятины надѣла. Это былъ совершенно незаслуженный подарокъ черноземнымъ помѣщикамъ, подарокъ, который комиссія сдѣлала для того, чтобы примирить дворянъ съ освобожденіемъ. Примирить она ихъ примирила плохо, а крестьянъ посадила въ такую глубокую яму, изъ которой они сорокъ пять лѣтъ не могли выкарабкаться. И не диво, что крестьяне мало радовались объявленію манифеста 19-го февраля. Ростовцевъ предвидѣлъ, что при такомъ

«улучшенія быта», мужики скажутъ: «вотъ-те и свобода—оброка надбавили!» Такъ и вышло...

Два года, послѣ объявленія воли, крестьяне еще оставались крѣпостными, подъ названіемъ временно-обязанныхъ, платили оброкъ и отбывали барщину, при чемъ, кромѣ 3-хъ дней барщины, остальныя повинности—сгонные дни, мелкіе сборы грибами, ягодами, холстомъ—и т. д., были отмѣнены, а подводная повинность убавлена. Въ это время составлялись такъ называемыя *уставныя грамоты*, въ которыхъ отмѣчалось, по каждому имѣнію, число крестьянъ, крестьянскіе надѣлы въ натурѣ и по Положенію 19-го февраля, и размѣры оброка. Грамоты составляли сами помѣщики, а если, къ назначенному сроку, они ихъ не приготовляли, то составленіе ихъ переходило къ назначеннымъ правительствомъ мировымъ посредникамъ. Къ 19-му февраля 1863 года уставныя грамоты надо было вездѣ закончить; съ этого времени, крестьяне начинали переходить на выкупъ и, изъ временно-обязанныхъ, превращались въ *собственниковъ*. Переходъ на выкупъ происходилъ—либо по любовному соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ, либо по требованію помѣщиковъ. Сейчасъ же послѣ заключенія договора, помѣщики получали отъ казны 80 копеекъ съ рубля всей выкупной суммы; сумма эта устанавливалась помноженіемъ цифры оброка на 16 и $^2/_3$. При оброкѣ въ 9 рублей за надѣлъ въ 3 десятины, это выходило 150 рублей, изъ которыхъ помѣщикъ получалъ сразу 120 рублей процентными бумагами. Если переходъ на выкупъ происходилъ по добровольному соглашенію помѣщика и крестьянъ, то недостающую пятую часть помѣщикъ получалъ отъ крестьянъ, а иногда и казна выплачивала выкупъ полностью; если же помѣщикъ требовалъ выкупа, а крестьяне были не согласны, то онъ получалъ только 80 копеекъ съ рубля выкупной стоимости, а съ крестьянъ ничего требовать не могъ.

Послѣ того, какъ казна выплачивала помѣщику выкупную ссуду, крестьяне становились должниками казны

должны были платить по 6 копеекъ съ рубля выкупной суммы въ теченіе 49-ти лѣтъ; въ эти 49 лѣтъ они погашали выкупной долгъ и выплачивали проценты, всего, за каждые 100 рублей выкупа, 294 рубля,—почти втрое больше выкупной суммы. Для уплаты выкупа казна сама заняла деньги и платила проценты по займу, но съ крестьянъ она брала больше, чѣмъ платила сама, и, несмотря на то, что выкупные платежи два раза понижались, и недоимки скащивались, а въ 1905 году платежи были отмѣнены совсѣмъ, казна не только не потерпѣла убытка, а еще осталась при небольшихъ барышахъ.

Общинное устройство.

Освобождая на волю крестьянъ, превращая ихъ въ свободныхъ земельныхъ собственниковъ правительство должно было рѣшить еще одинъ важный вопросъ: какую собственность на землю установить у бывшихъ крѣпостныхъ—*частную* или *общинную*. При частной собственности—надѣлъ надо было нарѣзать каждому двору особо, отдѣльно отъ другихъ накладывать и выкупные платежи; при общинной собственности—надѣлъ отводится разомъ цѣлому селу, на все сельское общество-міръ накладывается и выкупъ, а ужъ сами міряне дѣлятъ межъ собой надѣлы и выкупные платежи по своему обычаю.

Общинное устройство крестьянъ сложилось у насъ почти съ того времени, какъ крестьяне сѣли на землю и стали ее пахать. Сначала, когда земли было много, каждый членъ общины могъ захватить для себя столько, сколько былъ въ силахъ обработать. Потомъ, когда населеніе разрослось, обнаружилось, что богатые «могутные» дворы захватили себѣ слишкомъ много, а середнякамъ и бѣднымъ «худымъ сиротамъ» стало уже не хватать земли; обиженные крестьяне начали требовать новыхъ разверстокъ, и—въ иныхъ мѣстахъ раньше, въ другихъ позднѣе, примѣрно, лѣтъ за 100, за 200, а кое-гдѣ и за 300 до нашего времени, *начались уравнительные передѣлы* земли. Захватная община смѣнилась передѣльной, и этой перемѣнѣ во многихъ случаяхъ

помогало правительство, которому, при уплатѣ податей было выгоднѣе имѣть дѣло съ цѣлымъ міромъ, а не съ каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ. Ко времени освобожденія крестьянъ, общинное поземельное устройство съ передѣлами земли распространилось по всей Россіи, кромѣ западныхъ губерній и Малороссіи, гдѣ частное подворное землепользованіе было введено еще польскими королями. Казенные крестьяне дѣлили землю больше по мужскимъ душамъ, а помѣщичьи—по тягламъ; сроки передѣловъ были различные, и часто они совпадали съ правительственными ревизіями, когда исчислялось все податное населеніе.

Теперь правительству предстояло рѣшить: быть или не быть общинѣ у вольныхъ крестьянъ. Въ западной Европѣ, кое-гдѣ, до освобожденія сохранялись еще общинные порядки, хотя и непохожіе на наши, потому что пашню западные крестьяне не передѣляли уравнительно, а были у нихъ только нѣкоторыя мірскія угодья—луга и лѣса. При освобожденіи крестьянъ, тамошнія правительства сразу кончили съ общиной и разверстывали всю землю въ частную собственность по дворамъ. Тогда на западѣ было распространено мнѣніе, что община вредна для сельскаго хозяйства, потому что только частный собственникъ будетъ старательно обрабатывать и удобрять свой участокъ, которымъ онъ владѣетъ на-вѣчно; при общинныхъ порядкахъ, земля переходитъ отъ одного къ другому, и временному владѣльцу нѣтъ расчета удобрять и ухаживать за ней, такъ какъ его трудами воспользуется другой.

Черезъ западную Европу вражда къ общинѣ передалась и къ намъ, и образованные люди того времени раздѣлились у насъ на двѣ партіи: одна партія, называвшаяся западниками, была противъ общины; другая—славянофилы—стояла за нее. Сторонники той и другой партіи были среди дворянскихъ депутатовъ и въ Редакціонной комиссіи; много и жарко они спорили между собой и, въ концѣ-концовъ, вынесли такое рѣшеніе: земля нарѣзается въ собственность

не отдѣльныхъ крестьянъ, а всего *мірского общества,* которое можетъ, если хочетъ, пользоваться ею по общиннымъ обычаямъ, передѣляя по тягламъ, душамъ или иному способу; можетъ раздѣлить ее и въ частную собственность каждаго отдѣльнаго двора, но только, если заплатитъ выкупъ полностью до срока. Кромѣ того, каждый крестьянинъ, заплативши выкупъ, могъ требовать выдѣла своего участка изъ общаго владѣнія. Такимъ образомъ, рѣшеніе правительства стало посреди̇нѣ между взглядами обѣихъ партій: оно сохранило общину и дало выходъ изъ нея всѣмъ желающимъ, уплатившимъ выкупъ. Денегъ у крестьянъ было немного, и поземельная община, за 45 лѣтъ послѣ освобожденія не только не развалилась, а ожила и развилась во многихъ мѣстахъ, гдѣ ея не было еще при крѣпостномъ правѣ; но послѣ того, какъ выкупъ былъ отмѣненъ, нынѣшнее правительство расширило законы о правѣ выхода каждаго члена и, предоставивши выдѣленцамъ всякія льготы по правиламъ 9-го ноября 1906 года, способствовало уничтоженію общины во многихъ мѣстахъ.

Многіе изъ сановниковъ и 50 лѣтъ назадъ были бы не прочь уничтожить общину; но собирать платежи съ каждаго отдѣльнаго двора казалось имъ, по непривычкѣ, очень труднымъ и опаснымъ: пришлось бы назначить армію чиновниковъ, и все-таки можно было ожидать большого накопленія недоимокъ. Собирать же подати съ цѣлыхъ мірскихъ обществъ, какъ это изстари велось на казенныхъ земляхъ, было дѣломъ привычнымъ, налаженнымъ сотни лѣтъ. И все-таки, правительство, опасаясь и здѣсь неисправностей платежей, обязало сельскія общества бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ *круговой порукой*: за каждаго крестьянина отвѣчалъ міръ, а для пополненія недоимокъ міръ получилъ право отнимать у недоимщиковъ надѣлы, отдавая ихъ въ работники, а заработную плату засчитывать въ недоимки, продавать имущество, назначать опеку и, наконецъ, наказывать розгами. На цѣлыя 9 лѣтъ всѣ крестьяне были

прикрѣплены къ землѣ, имъ не позволяли отказываться отъ надѣловъ и переселяться; а послѣ 9 лѣтъ, разрѣшалось уходить на время или совсѣмъ изъ родной деревни только тѣмъ крестьянамъ, за которыми не числилось недоимокъ. Благодаря такимъ законамъ, крестьяне, освободившись отъ помѣщика, стали крѣпкими землѣ и міру, а мірское управленіе скоро попало подъ власть чиновниковъ, и это сильно подрывало успѣшное развитіе земельныхъ общинныхъ порядковъ. Вѣдь, даже деревья растутъ лучше на волѣ, на солнечныхъ открытыхъ полянахъ, чѣмъ въ сырыхъ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ ихъ давятъ, стѣсняютъ и сверху и снизу. Такъ и въ общежитіи: народные обычаи развиваются привольнѣе, не кривятся и не портятся въ условіяхъ свободной и разумной общественной жизни.

Результаты земельной реформы по областямъ.

Вотъ, въ какомъ видѣ прошли законы о земельномъ надѣлѣ и выкупѣ при освобожденіи крестьянъ. Теперь посмотримъ, къ чему они привели на дѣлѣ, сколько земли получили бывшіе крѣпостные въ разныхъ областяхъ Россіи, и какой цѣной она имъ досталась.

Къ концу крѣпостного права, помѣщики, расширяя свое собственное хозяйство, урѣзали надѣлы и увеличивали повинности крестьянъ; къ тому же повела и законодательная работа Редакціонной комиссіи. Положеніе 19-го февраля, въ послѣдній разъ расширило помѣщичье землепользованіе за счетъ крестьянскихъ земель; послѣ реформы, крестьяне, шагъ за шагомъ, дорогой цѣной пріобрѣтаютъ у помѣщиковъ тѣ самыя угодья, на которыхъ 200 лѣтъ назадъ, они хозяйствовали безъ запрета.

Сколько всего было отрѣзано у крестьянъ земель при реформѣ, съ точностью сказать нельзя. Реформа вводилась постепенно, крестьяне переходили изъ временнообязанныхъ въ собственниковъ въ теченіе 20-ти лѣтъ; и только въ 1883 году она закончилась, и крестьянскіе надѣлы были твердо установлены. Въ 1877—78 годахъ правительство произвело перепись земель, а тогда еще почти пятая часть бывшихъ

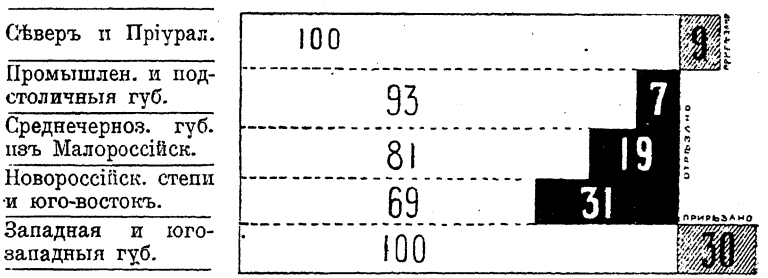
крѣпостныхъ не выходила на выкупъ. Сравнивая по отдѣльнымъ областямъ, сколько имѣли крестьяне земли до освобожденія и сколько оказалось у нихъ 1877—78 годахъ,— получаемъ:

Число десятинъ крестьянской надѣльной земли.

ОБЛАСТИ.		Въ тысячахъ. До 1861 г.	Въ 1877—78 гг.	Отрѣзки— Прирѣзки+
Не-черноз. полоса.	Сѣверъ и Пріуралье.....	1949	2131	+ 182
	Промышл. и подстоличныя губ.	12288	11426	— 862
Черноземная полоса.	Средне-черноз. и 3 Малор. губ.	8193	6669	—1524
	Новороссія и юго-восточныя губерніи.....	5529	3826	—1703
	Западн. и юго-западн. губ....	7738	10052	+2314

Чтобы было нагляднѣе, сдѣлаемъ, какъ раньше, расчетъ долей (на 100 десятинъ), которыя были отрѣзаны и прирѣзаны къ надѣламъ въ этихъ пяти областяхъ.

Изъ каждыхъ 100 десятинъ прежняго надѣла.



На табличкѣ чернымъ отмѣчены отрѣзки, а штриховкой — прирѣзки.

Въ двухъ областяхъ оказались прирѣзки: на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи къ каждой сотнѣ десятинъ прежняго надѣла прибавилось 9, а на западѣ и юго-западѣ—30.

Въ трехъ областяхъ были отрѣзки: въ промышленныхъ не-черноземныхъ губерніяхъ отъ каждой сотни отрѣзали 7 десятинъ, осталось 93; въ средне-черноземныхъ отрѣзали 19,—осталось 81, а въ Новороссійскихъ степяхъ и на югѣ-востокѣ отрѣзали 31 десятину, осталось 69— то-есть немного больше двухъ-третей прежняго надѣла.

На самомъ дѣлѣ отрѣзки были значительно больше, чѣмъ выходитъ по нашей таблицѣ. Свѣдѣнія о надѣлахъ, собранныя Редакціонной комиссіей при крѣпостномъ правѣ, доставлялись самими помѣщиками, которые, какъ мы видѣли, въ своихъ интересахъ старались ихъ поубавить. Наоборотъ свѣдѣнія, собранныя въ 1877—78 годахъ, были больше настоящихъ, потому что въ учетъ надѣловъ вошли неудобныя земли—пески, болота, овраги, воды которыя въ надѣлахъ, бывшихъ при крѣпостномъ правѣ, не считались. По Саратовской губерніи, лѣтъ десять тому назадъ, были подсчитаны уставныя грамоты, и подсчетъ этотъ обнаружилъ, что свѣдѣнія Редакціонной комиссіи были уменьшены на 59 тысячъ десятинъ, а свѣдѣнія 1877—78 годовъ оказались больше на 27 тысячъ десятинъ. Уставныя грамоты, хоть и составлялись помѣщиками, но провѣрялись на мѣстахъ, поэтому онѣ болѣе вѣрны. Но самое главное, это—потеря тѣхъ господскихъ угодій, которыми крестьяне пользовались при крѣпостномъ правѣ, главнымъ образомъ, лѣсовъ и выгоновъ. Въ помѣщичьихъ лѣсахъ крестьяне брали хворостъ, сучья, рубили мелколѣсье на разныя домашнія подѣлки, собирали грибы, ягоды, листья. На помѣщичьихъ пастбищахъ они пасли свой скотъ вмѣстѣ съ господскимъ. Эти права пользованія помѣщичьими угодьями, которыя, по-ученому, называются *сервитутами*, крестьяне потеряли послѣ реформы, но потеря сервитутовъ въ учетъ отрѣзковъ не вошла. А, между тѣмъ, одни пастбища, которыя пере-

шли почти въ исключительное владѣніе помѣщиковъ и которыя крестьянамъ пришлось повсемѣстно арендовать, составили по всей Россіи площадь въ нѣсколько милліоновъ десятинъ.

На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ правительственныя свѣдѣнія особенно неправильны. Эта область покрыта дремучими лѣсами, которыми крестьяне въ господскихъ имѣніяхъ пользовались безъ запрета: они не только рубили лѣса для крестьянскихъ промысловъ, но выжигали и выкорчевывали облюбованные участки и на пожогахъ пахали землю.

Послѣ реформы, всѣ лѣса стали господскими, и крестьянъ туда не пускали; поэтому можно считать навѣрняка, что на сѣверо-востокѣ скорѣе была отрѣзка отъ прежнихъ надѣловъ, а не прирѣзка къ нимъ.

Въ трехъ областяхъ, въ которыхъ, даже по казеннымъ цифрамъ, оказались отрѣзки, онѣ на самомъ дѣлѣ были больше: въ промышленной области, какъ и на сѣверѣ,— лѣса отошли къ помѣщикамъ цѣликомъ; въ средне-черноземной—крестьяне потеряли выгоны, а въ степяхъ трудно и представить себѣ, сколько было отрѣзано, потому что тамъ, при крѣпостномъ правѣ, существовала земельная вольница: всякій пахалъ на просторѣ, гдѣ хотѣлъ. Тогда въ степяхъ велось залежное хозяйство, при которомъ хлѣбопашецъ облюбовываетъ себѣ участокъ, гдѣ понравится, пахалъ на немъ 3—5 лѣтъ, покуда земля родитъ, а потомъ запускалъ подъ залежь на 10—15 лѣтъ, чтобы земля отдохнула и вошла въ прежнюю силу. При такомъ хозяйствѣ, на десятину посѣва приходится никакъ не меньше двухъ десятинъ залежи, а бываетъ, что 4 и 5 десятинъ. Помѣщичьи земли не были отмежеваны отъ крестьянскихъ надѣловъ,— всѣ пахали вперемежку на вольныхъ, малолюдныхъ мѣстахъ, Редакціонная комиссія сама назначила тутъ указные надѣлы, но разсчитала ихъ не по залежному, а по *трехпольному* хозяйству; при трехпольѣ же, на двѣ десятины посѣва— озимого и ярового—приходится одна десятина пара, то-есть

вдвое-втрое меньше, чѣмъ при залежи. Отсюда ясно, что въ степяхъ у крестьянина была отрѣзана не третья часть надѣла, а гораздо больше, тѣмъ болѣе, что здѣсь очень много крестьянъ вышло въ дарственники. Въ Саратовской губерніи, лежащей на границѣ степей изъ 272 тысячъ душъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, надѣлы урѣзаны у 132 тысячъ, при чемъ у 31 тысячи—отрѣзали меньше четверти, у 35 тысячъ—отъ четверти до половины, у 57—отъ половины до трехъ-четвертей, а у 59 тысячъ—больше трехъ-тетвертей прежняго надѣла. Въ степяхъ и Поволжьи было очень много крупныхъ помѣщиковъ, а отрѣзки надѣловъ увеличивались какъ-разъ у богатыхъ владѣльцевъ. Въ Вольскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, въ имѣніяхъ меньше 100 десятинъ отрѣзки равнялись десятой части надѣловъ, а въ имѣніяхъ свыше 10-ти тысячъ десятинъ—болѣе трехъ-четвертей.

Въ общемъ, по 36-ти губерніямъ Россіи, кромѣ запада, по правительственнымъ свѣдѣніямъ, отрѣзано 3 милліона 907 тысячъ десятинъ а, принимая болѣе точный расчетъ по уставнымъ грамотамъ, давшій по Саратовской губерніи разницу въ 4 десятины на сто—на цѣлыхъ 5 милліоновъ 264 тысячи десятинъ: почти пятая часть надѣловъ была отрѣзана при освобожденіи.

Въ 9-ти губерніяхъ запада: Литвѣ, Бѣлоруссіи и 3 Малороссійскихъ на юго-западѣ, по правительственнымъ свѣдѣніямъ, надѣлы увеличены на одну треть. Мы знаемъ, что еще при крѣпостномъ правѣ, въ 1840 годахъ, тутъ были введены инвентари; крестьяне получили точные надѣлы, которые закономъ было запрещено помѣщикамъ трогать. Однако, послѣ введенія инвентарей, западные помѣщики ухитрились-таки урѣзать надѣлы крестьянъ. Въ коренной Россіи, гдѣ запрета на урѣзку не было, помѣщики еще больше земли отобрали у крестьянъ, и Редакціонная комиссія, находя, что „слѣдовало бы возвратить крестьянамъ то, что у нихъ отобрано“,—однако, не рѣшилась на это потому, что, „тогда пришлось бы сдѣлать значительныя отрѣзки у

помѣщиковъ". Въ западномъ краѣ захватъ крестьянскихъ земель могъ бы тоже пройти безнаказанно, если бы польскіе помѣщики снова не подняли возстанія въ 1863 году. Подавивши возстаніе, правительство рѣшило расположить на свою сторону крестьянъ, перевело ихъ сразу на выкупъ и назначило комиссіи для провѣрки инвентарной и уставныхъ грамотъ, возвращенія крестьянамъ неправильно отнятыхъ земель и для надѣленія землей крестьянъ, обезземеленныхъ начисто.

Крестьянамъ вернули съ надбавкой старые надѣлы и сохранили за ними сервитуты въ господскихъ лѣсахъ и пастбищахъ. Какъ видно изъ табличекъ, западнымъ крестьянамъ вернули больше 2 милліоновъ десятинъ; однако, и тутъ казенныя свѣдѣнія оказались преувеличенными. Провѣрка ихъ, по уставнымъ грамотамъ, въ 7 губерніяхъ дала вмѣсто 2 милліоновъ 277 тысячъ десятинъ всего 1 милліонъ 329 тысячъ десятинъ—прирѣзка оказалась почти на милліонъ десятинъ меньше. Все-таки, конечно, прирѣзка была, потому что правительство, по своимъ соображеніямъ, отнеслось къ западнымъ крестьянамъ болѣе справедливо, чѣмъ къ крестьянамъ коренной Россіи.

Въ коренной Россіи не только урѣзали надѣлы, но отвели вдобавокъ крестьянамъ худшіе участки земли. Въ Воронежскомъ уѣздѣ изъ каждой сотни десятинъ земли перваго сорта: у крестьянъ—56 десятинъ, у помѣщиковъ—80; въ Павловскомъ уѣздѣ: у крестьянъ—23 десятины, у помѣщиковъ—56, а третьяго, худшаго, сорта: у крестьянъ—18, а у помѣщиковъ—только 1 десятина. Также точно обстоитъ дѣло и въ другихъ губерніяхъ. Плоше земля—понятно, что хуже и урожай: а у крестьянъ, къ этому, и скотина похуже, рабочій инвентарь простой, самодѣльный, а не машины, какъ у помѣщиковъ, денегъ нѣтъ на хорошія сѣмена, да на разныя другія нужды по сельскому хозяйству. Оттого и урожай у крестьянъ всегда ниже господскаго на 8—10, а то и больше пудовъ съ десятины.

При крѣпостномъ правѣ, помѣщичьи земли, сплошь-и-рядомъ лежали черезполосно съ крестьянскими: полоса господская, за ней—крестьянская, дальше—опять господская. Эта черезполосица закрѣпилась, а кое-гдѣ и прибавилась, при размежеваніи, послѣ выхода на волю. Черезполосица распространялась, порой, не только на пашню и луга, но даже на усадебныя мѣста. Въ Саратовской губерніи въ одномъ имѣніи, помѣщикъ говорилъ крестьянамъ: „на что вамъ улицы, возьмите лучше вмѣсто нихъ землицы лишней въ полѣ, пахать будете“. И вышло слѣдующее: 3 сажени отъ дворовъ осталось у крестьянъ для проѣзда, а середина улицы стала господской. Стать съ возомъ среди улицы и торговать нельзя—иди на площадь, а тамъ подай за возъ деньги, потому что торговая площадь осталась за помѣщикомъ и даетъ ему большой доходъ. Также было въ крупномъ торговомъ селѣ Баландѣ, гдѣ базарную площадь удержалъ за собой графъ Шереметьевъ.

Въ другихъ мѣстахъ крестьяне получили надѣлъ узкой полосой раскинувшейся на 11 верстъ, при ширинѣ въ 180 саженъ. Такихъ надѣловъ „холстами“ много намѣрили при освобожденіи.

Въ третьихъ мѣстахъ барская земля вдалась клиномъ въ крестьянскую, между усадьбами и полемъ, и для проѣзда и прогона скота оставлены узкія дороги. Въ четвертыхъ—прямо среди крестьянскаго поля лежитъ кусокъ господской земли, за аренду котораго помѣщикъ взыскиваетъ втрое дороже. Этихъ черезполосныхъ дачъ сохранилось очень много и только теперь начали уничтожать вредную черезполосицу крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель.

Такъ какъ въ основу надѣленія были положены существовавшіе при крѣпостномъ правѣ надѣлы, а они были очень рзнообразны,—то и при выходѣ на волю у крестьянъ оказалась большая разница въ надѣлахъ.

Представимъ эту разницу на табличкѣ.

Изъ каждой сотни ревизскихъ душъ получили:

		Меньше 1 десятины.	Отъ 1 до 3 десят.	Отъ 3 до 5 десят.	Больше 5 десятинъ.
Не-черноземная полоса.	Сѣверъ и сѣверо-востокъ.	19	19	25	37
	Промышленныя губерніи.	2	18	64	16
Черноземная полоса.	Средне-черноземн. губ....	8	70	21	1
	Новороссія и юго-востокъ.	13	23	44	10
	Западъ и юго-западъ....	1	45	39	15
	Всего по 45 губ. Россіи..	6	41	42	11

Надѣлъ меньше одной десятины на душу, это—нищенскій надѣлъ, которымъ награждали, главнымъ образомъ, дарственниковъ. Надѣлъ меньше 3 десятинъ тоже недостаточенъ для „обезпеченія быта“—для маломальски сытой жизни; достаточнымъ надѣломъ надо считать отъ 3 до 5 десятинъ, хотя, конечно, въ мѣстахъ съ плохой землей, въ сѣверномъ суровомъ климатѣ, и этотъ надѣлъ невеликъ. Какъ-разъ оказывается, что больше всего крестьянъ получило такіе надѣлы на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ: но здѣсь было больше всего нищенскихъ надѣловъ—пятая часть всѣхъ. Нищенскіе надѣлы отводились на горныхъ заводахъ Пріуралья, чтобы принудить малоземельныхъ къ работѣ на этихъ заводахъ.

Ровнѣе всѣхъ были надѣлены крестьяне въ промышленныхъ губерніяхъ: здѣсь двѣ-трети надѣловъ были средними. Мы уже замѣчали, что помѣщики этихъ губерній за землей не очень гнались, а для нихъ всего важнѣе было получить большой выкупъ.

Въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ оказалось больше всего крестьянъ съ недостаточными надѣлами,—только пятая часть получила средніе участки, а щедро надѣленныхъ крестьянъ была лишь одна сотая доля.

Изъ всѣхъ областей больше всего дарственниковъ оказалось въ степяхъ Новороссіи и юго-востока*), а также въ Поволжьи. Изъ 500 тысячъ душъ дарственниковъ по всей Россіи, 330 тысячъ было въ 10 губерніяхъ этихъ областей. Крестьяне выходили на дарственный надѣлъ по тремъ главнымъ причинамъ: одни боялись большого выкупа; другіе думали, что имъ царь потомъ прирѣжетъ земли, а третьи разсчитывали на тогдашнюю дешевизну земли. Выкупной платежъ выходилъ, во многихъ мѣстахъ, въ два и три раза дороже тогдашней арендной платы; а, между тѣмъ, арендныя цѣны сразу стали расти въ-гору, и въ одной волости, Саратовской губерніи, черезъ три года, дошли съ рубля до 12 рублей. Многіе дарственники, при выходѣ на волю, отводили надѣлы подъ выгонъ, а сами пахали на арендованной землѣ. Одна деревня заложила свой надѣлъ на 12 лѣтъ и сняла по-сосѣдству землю по 2 рубля за сороковую десятину. Всѣмъ этимъ крестьянамъ черезъ 5—10 лѣтъ пришлось туго, и они быстро обнищали. Богатые мужики боялись круговой поруки и подстрекали на сходѣ брать дарственный надѣлъ: „меньше, дескать, придется платить за бѣдняковъ“.

Были у крестьянъ и такія думы, что „начальство и такъ дастъ земли“, у „казны ея много“. Нѣкоторые вѣрили, что, ежели они не подпишутъ выкупныхъ договоровъ, то имъ будетъ нарѣзанъ царскій надѣлъ; иные были убѣждены, что вся земля вскорѣ отойдетъ крестьянамъ, а помѣщиковъ всѣхъ царь переселитъ въ города и на жалованіе возьметъ. Да мало ли о чемъ тогда говорили въ народѣ!

Какъ крѣпка была вѣра въ даровую прирѣзку земли,— видно изъ того, что императоръ Александръ III, черезъ 25 лѣтъ послѣ освобожденія, заявилъ крестьянамъ, чтобы они не вѣрили ложнымъ слухамъ о даровыхъ прирѣзкахъ и

*) Если не считать сѣверо-востока, гдѣ, вообще, крѣпостныхъ крестьянъ было мало.

отрѣзкахъ. Народъ и теперь еще темный, а тогда былъ гораздо темнѣе, и за свою темноту жестоко поплатился.

Въ западномъ краѣ дарственниковъ не было, и большая половина крестьянъ получила средній и щедрый надѣлъ.

По всей Россіи крестьянъ съ нищенскимъ надѣломъ оказалось 6 на 100 душъ, а съ недостаточнымъ—41, то-есть около половины крестьянъ было выпущено на волю малоземельными. Кромѣ того, дворовые и мѣсячники остались совсѣмъ безъ земли, а однихъ дворовыхъ въ 1858 году насчитывали 724 тысячи ревизскихъ душъ, да мѣсячниковъ около 137 тысячъ,—всего около 9 на 100 душъ крѣпостныхъ.

За урѣзанные надѣлы правительство заплатило помѣщикамъ повышенный выкупъ. Переплаты на выкупѣ противъ тогдашнихъ цѣнъ составили: въ не-черноземной полосѣ 188 милліоновъ рублей, въ черноземной—122 милліона, на западѣ—18 милліоновъ,—а всего 323 милліона. Въ не-черноземной полосѣ за каждый рубль тогдашней стоимости земли правительство заплатило 2 рубля 21 копейку, то-есть переплачено больше, чѣмъ въ два раза; въ черноземной за рубль—1 рубль 56 копеекъ,—переплата въ полтора раза; на западѣ же переплата составила всего 8 копеекъ на рубль дѣйствительной цѣны: стало-быть, и въ выкупной операціи правительство поступило наиболѣе справедливо въ западныхъ губерніяхъ.

323 милліона рублей лишнихъ заплачены помѣщикамъ за выкупъ личности крестьянина, при чемъ большая часть переплаты падаетъ на не-черноземную полосу, гдѣ главный доходъ помѣщики получали отъ оброковъ, то-есть отъ личнаго труда крѣпостныхъ.

Такъ помѣщики добились своего и въ вопросѣ о выкупѣ личности, въ которомъ правительство рѣшило не дѣлать никакихъ уступокъ.

Вся сумма, уплаченная казной владѣльцамъ, зачислилась за крестьянами въ видѣ первоначальнаго долга. Къ

началу 1906 года было зачислено по выкупу 33 милліона 267 тысячъ десятинъ надѣла, 900 милліоновъ рублей первоначальнаго долга по 27 рублей за десятину, тогда какъ, по цѣнамъ крѣпостного права,—десятина стоила менѣе 17 рублей.

Крестьяне должны были выплачивать этотъ долгъ въ теченіе 49 лѣтъ по 6 копеекъ съ рубля; и, если бы они выплатили всю сумму долга съ процентами сполна, имъ пришлось бы заплатить болѣе, чѣмъ 2 съ половиной милліарда рублей; при разныхъ льготахъ, прощеніи недоимокъ, пониженіи выкупа и полной отмѣны его въ 1906 году,— они заплатили всего 1 милліардъ 574 милліона; стало-быть, каждая выкупленная десятина обошлась имъ въ 47 рублей. По нынѣшнимъ временамъ, это—цѣна дешевая, но 50 лѣтъ назадъ земля стоила всемеро дешевле. За тѣ деньги, за которыя теперь можно купить пудъ хлѣба, тогда покупали 2, 3, а въ иныхъ мѣстахъ и 5 пудовъ, потому что тогда было гораздо меньше денегъ въ народномъ оборотѣ, и крестьянамъ онѣ доставались съ большимъ трудомъ. При крѣпостномъ правѣ, большую часть повинностей они исправляли натурой—личнымъ трудомъ и разными припасами и продуктами, а казна требовала выкупные платежи *наличными деньгами*: откуда хочешь, мужикъ, а подати подавай, иначе у него отбирали надѣлъ, продавали скотину и домашнюю рухлядь, а его самого сѣкли розгами. Чтобы избѣгнуть разоренія и позорнаго наказанія, крестьянинъ шелъ за деньгами къ міроѣду-кулаку, а тотъ бралъ за каждый рубль двойные и тройные проценты. Тогда еще не знали про кредитныя товарищества, кулаки хозяйничали на просторѣ, и, если бы можно было подсчитать во что обошлась крестьянамъ выкупная операція—быть-можетъ, къ уплаченнымъ полутора милліардамъ пришлось бы прикинуть еще одинъ.

Такъ прошло надѣленіе крестьянъ землей и выкупъ. Первый предсѣдатель Редакціонной комиссіи—Ростовцевъ, въ началѣ ея работы, выставилъ слѣдующія требованія:

1) чтобы крестьяне получили надѣлъ, достаточный для обезпеченія ихъ быта; 2) чтобы земля отрѣзалась имъ въ одномъ кускѣ отдѣльно отъ помѣщичьей; 3) чтобы сумма выкупа не была больше крѣпостныхъ повинностей.

Ни одно изъ этихъ требованій не было выполнено,—и крестьяне получили волю, но не получили обезпеченія быта. 200 лѣтъ, скованное рабствомъ, спало крестьянство, какъ зерно зимой въ мерзлой землѣ: растаялъ снѣгъ крѣпостного права подъ теплыми вешними лучами свободы, выглянулъ изъ земли захирѣлый ростокъ крестьянскаго благополучія. Какъ онъ дальше будетъ расти и развиваться,—зависитъ отъ новыхъ условій жизни. Будетъ много свѣта, тепла, воды—ростокъ дастъ могучій колосъ со спѣлыми наливными зернами; будутъ плохія условія жизни—ростокъ захирѣетъ, колосъ выкинется низко, зерна будутъ щуплыя, негодныя; еще хуже условія—поздніе заморозки, засуха, суровая мгла,—ростокъ пропадетъ совсѣмъ.

Много жизненныхъ соковъ отняли у ростка крестьянскаго благополучія крѣпостное право и освободительная реформа. Разсмотримъ теперь, въ какихъ условіяхъ онъ росъ и развивался на волѣ.

ГЛАВА III.

Хозяйственная жизнь крестьянъ послѣ освобожденія.

Ростъ населенія.

Въ 1858 году, за три года до манифеста о волѣ, была послѣдняя (десятая) перепись—ревизія крестьянскаго населенія. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 40 лѣтъ, никто въ точности не могъ сказать, сколько у насъ населенія. 28 января 1897 года въ одинъ день было переписано все населеніе Россійской Имперіи и въ городахъ, и въ селахъ, и въ пути на желѣзныхъ дорогахъ, въ гостинницахъ и постоялыхъ дворахъ, и въ самыхъ глухихъ степяхъ и лѣсахъ Сибири и Средней Азіи (тамъ—съ опозданіемъ на нѣсколько мѣсяцевъ). Эта перепись отличалась отъ старыхъ переписей—ревизій, производившихся при крѣпостномъ правѣ, тѣмъ, что теперь, въ первый разъ, были переписаны всѣ сословія: дворяне, крестьяне, купцы, мѣщане, духовенство, а при ревизіяхъ переписывалось только населеніе, платившее подати. Поэтому перепись 1897 года называется *первой всеобщей переписью*.

Я самъ участвовалъ въ этой переписи счетчикомъ въ Петербургѣ и обходилъ квартиры въ одномъ большомъ домѣ. При обходѣ, многіе изъ простого народа—дворники, швейцары, прислуга—спрашивали меня, для чего производится перепись, не насчетъ ли прирѣзки земли. Тогда я удивился, почему земля такъ интересуетъ этихъ служащихъ въ столицѣ крестьянъ; а послѣ я узналъ, что и въ другихъ мѣстахъ къ счетчикамъ приставали съ распросами о землѣ. Извѣстно, что въ городъ на заработки уходятъ, по большей части, взрослые мужчины, а семьи ихъ остаются въ деревнѣ. Въ деревнѣ же ждали земли, какъ голодный

ждетъ куска хлѣба; и до переписи и послѣ нея все громче раздавались стоны и вопли крестьянскаго люда „землицы бы“, всякому вздорному слуху о прирѣзкѣ земли вѣрили такъ же, какъ передъ концомъ крѣпостного права вѣрили вздорнымъ слухамъ о волѣ.

Когда былъ оконченъ подсчетъ переписаннаго населенія, тогда ясно обнаружилось, откуда у крестьянъ такое напряженное ожиданіе земли, такой земельный голодъ. Перепись показала, что за 40 лѣтъ, крестьяне въ 49 губерніяхъ Россіи почти удвоились въ числѣ: въ 1858-мъ году всѣхъ крестьянъ мужского пола было 22 милліона 400 тысячъ, а по всеобщей переписи—ихъ оказалось почти 38 милліоновъ—къ каждой сотнѣ душъ прибавилось 70. Послѣ переписи 1897-го года, подсчитывается одинъ естественный приростъ (перевѣсъ рожденій надъ смертями), и, по этому подсчету, къ 1909-му году всего живущаго въ селахъ населенія оказывается 101 милліонъ 500 тысячъ—въ томъ числѣ мужского пола около 50 милліоновъ. Такое сильное возрастаніе деревенскаго люда, въ связи съ урѣзкой надѣловъ при освобожденіи, было главной причиной обостренія земельной нужды.

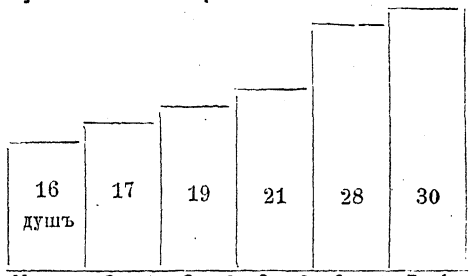
Изъ первой главы мы знаемъ, что, при крѣпостномъ правѣ, приростъ всего крестьянскаго населенія былъ куда меньше, а у помѣщичьихъ крестьянъ, за послѣднія 25 лѣтъ передъ волей, его вовсе не замѣчалось. Воля, стало-быть, прежде всего, сказалась въ томъ, что населеніе стало размножаться быстрѣе. Какъ и при крѣпостномъ правѣ, приростъ населенія не былъ одинаковымъ въ разныхъ областяхъ: въ срединныхъ областяхъ—промышленной и черноземной—населеніе возросло слабѣе—всего $1^1/_2$ раза; а на окраинахъ, гдѣ оно было рѣже, приростъ шелъ быстрѣе, потому что туда народъ продолжалъ переселяться изъ внутреннихъ, густо населенныхъ, губерній. Особенно сильно прибывали крестьяне въ южныхъ и юго-восточныхъ степныхъ областяхъ, гдѣ, по переписи 1897-го года, ихъ оказа-

лось въ 2½ раза больше, чѣмъ по ревизіи 1858-го года. Вообще, послѣ воли, разселеніе крестьянъ по лицу русской земли замѣтно усилилось. Какъ и сотни лѣтъ раньше, оно происходило по тому же закону, по которому вода, вышедшая изъ береговъ рѣкъ, разливается по всей прибрежной равнинѣ, заполняетъ всякую неровность земли, всякую впадину до тѣхъ поръ, пока уровень воды, залившей долину, не сравняется съ уровнемъ воды въ руслѣ рѣки. Такъ и земледѣльческое населеніе: дойдя до большой густоты и тѣсноты въ среднихъ областяхъ, оно переливается черезъ край—перетекаетъ въ окраинныя губерніи, гдѣ еще мало народа, до тѣхъ поръ, пока густота населенія въ этихъ губерніяхъ не будетъ близка къ густотѣ среднихъ.

Быстрый ростъ населенія въ окраинныхъ многоземельныхъ мѣстностяхъ зависитъ не только отъ того, что туда притекаютъ переселенцы. Трудовое населеніе у насъ размножается быстрѣе въ лучшихъ условіяхъ существованія. Во всѣхъ областяхъ бывшіе казенные крестьяне имѣли самые большіе земельные надѣлы, помѣщичьи-собственники—почти вдвое меньше, дарственники еще меньше; и по подворнымъ переписямъ, произведеннымъ земскими статистиками, черезъ 20—30 лѣтъ послѣ освобожденія, оказалось, что у государственныхъ крестьянъ, за это время, къ каждой сотнѣ мужского населенія прибавилось 48 человѣкъ, у бывшихъ помѣщичьихъ собственниковъ—33, а у дарственниковъ—23. Чѣмъ больше надѣлъ, тѣмъ сытнѣе ѣдятъ крестьяне, тѣмъ сильнѣе растетъ населеніе *). Вотъ табличка, которая показываетъ, какъ возрастало, крестьянское населеніе за 20 лѣтъ, съ 1858-го по 1877-ой годъ, при разныхъ надѣлахъ.

*) Такъ происходитъ только у насъ; въ Европѣ быстрѣе размножается самое бѣдное населеніе—рабочіе, не имѣющіе накопленныхъ капиталовъ. Богатые не хотятъ имѣть много дѣтей, чтобы не раздробилось наслѣдство. Также поступаютъ во Франціи и крестьяне—частные собственники и хуторяне, потому что боятся семейныхъ раздѣловъ.

На 100 душъ мужского пола прибавилось:



Надѣлы на мужскую душу:

При надѣлѣ болѣе 5 десятинъ на душу, населеніе увеличивается вдвое быстрѣе, чѣмъ при нищенскомъ надѣлѣ меньше одной десятины. Земскіе статистики нашли и причину этого: они подсчитали, сколько рождается и умираетъ людей у крестьянъ съ разнымъ надѣломъ, и узнали, что у многоземельныхъ рождается больше, а умираетъ меньше, чѣмъ у малоземельныхъ, меньше у нихъ калѣкъ и больныхъ всякими болѣзнями, потому что на живущаго впроголодь болѣзнь нападаетъ сильнѣе.

Такъ или иначе, но у всѣхъ разрядовъ крестьянъ — у государственныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ — послѣ 1861-го года населеніе быстро размножалось. Если у бывшихъ помѣщичьихъ число душъ увеличивалось слабѣе, за то число дворовъ-хозяйствъ возрастало почти одинаково у обоихъ разрядовъ: съ 1877 по 1905 годъ у государственныхъ, къ каждой сотнѣ дворовъ, прибавился 41 дворъ, а у помѣщичьихъ—даже 46. У помѣщичьихъ чаще бывали семейные раздѣлы, особенно вскорѣ послѣ освобожденія, потому что, при крѣпостномъ правѣ, господа часто не позволяли дѣлиться, чтобы не нарѣзывать добавочныхъ надѣловъ на прибылыя тягла. Послѣ выхода на волю, дворы, въ которыхъ скопилось по 2 и по 3 семьи, гдѣ бывали нелады, ссоры, дрязги, и совмѣстная жизнь становилась тяжелой, дѣлились на отдѣльныя хозяйства; оттого число новыхъ хозяйствъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ стало

возрастать очень быстро, несмотря на то, что надѣлы оставались все тѣ же, какіе были нарѣзаны при освобожденіи.

Сокращеніе надѣловъ

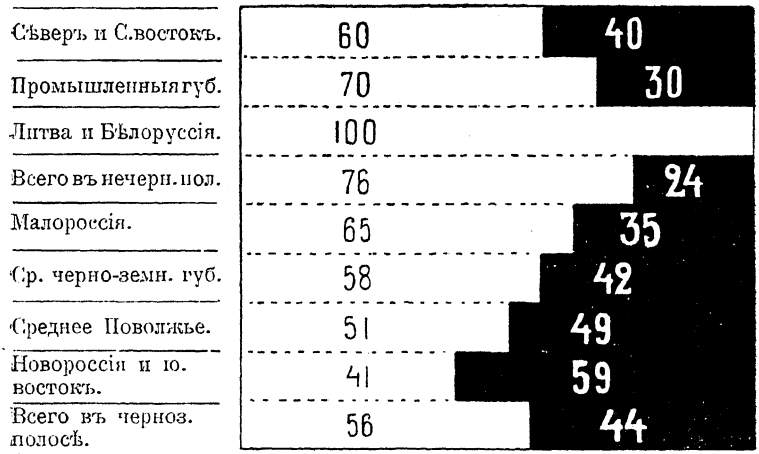
Чѣмъ больше прирастало населеніе, чѣмъ скорѣе дробились многосемейные дворы, тѣмъ сильнѣе сокращались надѣлы, приходившіеся на душу и на дворъ. Въ 1860-мъ году на мужскую душу у всѣхъ разрядовъ крестьянъ приходилось по 4,8 десятины; въ томъ числѣ у государственныхъ—6,7 десятины, у помѣщичьихъ—3,2 десятины: вдвое меньше. Въ 1900-мъ году у крестьянъ всѣхъ разрядовъ на душу оставалось только по 2,6 десятины. Въ 1905-мъ году на одинъ дворъ у государственныхъ крестьянъ было 12½ десятинъ, а по расчету на мужскую душу—около 4 десятинъ; у помѣщичьихъ — 6,7 десятины, на душу 2,3 десятины. По различнымъ областямъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ 1905-мъ году оказалось десятинъ:

		На дворъ.	На мужскую душу (приблизительный расчетъ) *).
Не-черноземная полоса.	Сѣверъ и сѣверо-востокъ	9,0	3,3
	Промышл. губерніи .	8,1	3,0
	Литва и Бѣлоруссія .	10,5	3,9
	Всего въ не-черноземной полосѣ . .	8,9	3,3

		На дворъ.	На мужскую душу (приблизительный расчетъ).
Черноземная полоса.	Малороссія	5,0	1,7
	Средне-черноземныя губерніи	5,5	1,8
	Поволжье	6,1	2,0
	Новороссія и юго-востокъ	5,0	1,7
	Всего въ черноземной полосѣ	5,3	1,8

*) По земскимъ переписямъ—на одинъ дворъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ приходится: въ не-черноземной полосѣ—2,7 мужскихъ души, въ черноземной—3 души.

Покажемъ на табличкѣ, насколько убавились душевые надѣлы въ каждой области, со времени крѣпостного права:



На табличкѣ надѣлы, бывшіе при крѣпостномъ правѣ, приняты за 100: чернымъ—отмѣчено, на сколько сотыхъ долей убавились надѣлы въ различныхъ областяхъ къ 1905-му году. Табличка эта показываетъ намъ, прежде всего, что во всей не-черноземной полосѣ надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ сократились, приблизительно, на одну четверть, а въ черноземной—почти на половину. Въ не-черноземной полосѣ, при освобожденіи крестьянъ, меньше урѣзали надѣлы, и, послѣ освобожденія, населеніе прирастало слабѣе, потому что многіе крестьяне уходили въ города на заработки и тамъ, порой, устраивались на постоянное житье, а надѣлъ оставляли обществу; другіе же передвигались на югъ, въ черноземную полосу, гдѣ тоже занимались чаще разнымъ мастерствомъ въ городахъ и селахъ. Ярославскаго торговца, костромского плотника можно увидѣть сейчасъ и на Кавказѣ, и въ Сибири, и въ Самаркандѣ.

Больше всего здѣсь убавились надѣлы на сѣверо-востокѣ и въ этомъ виноватъ не столько приростъ населенія, сколько отрѣзка надѣловъ при освобожденіи у крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ на Уралѣ. Пока эти заводы хорошо работали, крестьяне кормились работой на нихъ; но потомъ, когда на югѣ нашли желѣзную руду и каменный уголь, уральская промышленность стала замирать, крестьянамъ пришлось поворотить назадъ на землю,—тутъ-то и сказались урѣзанные надѣлы. Въ промышленныхъ областяхъ сокращеніе надѣловъ было меньшимъ, а на западѣ—въ Литвѣ и Бѣлоруссіи—сохранился прежній размѣръ надѣла, потому что, при освобожденіи, западные крестьяне получили обратно и, даже съ надбавкой, всю землю, которая была отнята у нихъ польскими помѣщиками еще при крѣпостномъ правѣ.

Въ черноземной полосѣ меньше другихъ пострадала Малороссія, опять-таки потому, что въ юго-западныхъ губерніяхъ—Кіевской, Подольской, Волынской,—при выходѣ на волю, крестьяне получили прирѣзку надѣловъ; въ восточной же половинѣ Малороссіи, сравнительно съ крѣпостнымъ правомъ, надѣлы убавились почти въ два раза. Настолько же сократились они и въ средне-черноземныхъ губерніяхъ, еще больше—въ Поволжьѣ. Въ Поволжьѣ было много дарственниковъ, особенно въ Саратовской губерніи: здѣсь 98 тысячъ мужскихъ душъ дарственниковъ получили при освобожденіи 119 тысячъ десятинъ; въ 1906-мъ году ихъ оказалось 150 тысячъ душъ, такъ что надѣлъ убавился до 24 саженей на душу (тридцатныхъ) всѣхъ угодій. Одной же пашни у нихъ осталось не больше 6—7 саженей на душу въ полѣ. Это такой надѣлъ, что, какъ говорятъ малороссы, «якъ собака ляже, то голова на моему, а хвістъ на чужому», голова собаки на моей землѣ, а хвостъ на чужой. Понятно, что на такомъ надѣлѣ и пятилѣтній ребенокъ не будетъ сытымъ.

Больше всего сократились надѣлы въ степныхъ областяхъ: передъ реформой тутъ было широкое раздолье, ле-

жала ковыльная степь. Но при освобожденіи прежніе надѣлы урѣзали. Довольно много крестьянъ, понадѣявшихся на дешевую аренду, вышли въ дарственники; милліоны трудовыхъ земледѣльцевъ нахлынули изъ среднихъ губерній—прежній просторъ пропалъ, и теперь степныя губерніи голодаютъ по нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ.

Освободительная реформа съ отрѣзками, различный естественный приростъ, разселенія и переселенія крестьянъ подравняли надѣлы, и, въ настоящее время, большая разница замѣтна только между надѣлами черноземной и нечерноземной полосы: внутри же каждой полосы, между отдѣльными областями, эта разница сильно сглажена. и, напримѣръ, надѣлы степныхъ областей, бывшіе при крѣпостномъ правѣ, самыми большими, сравнялись съ самыми малыми у малорусскихъ крестьянъ. Всѣ области терпятъ почти одинаковую земельную нужду, и эта нужда особенно велика въ черноземной полосѣ.

Въ черноземной полосѣ на дворъ осталось по 5, 3 десятины. Здѣсь у крестьянъ семьи побольше, чѣмъ въ сѣверной Россіи—въ семьѣ больше 6 ѣдоковъ, и на каждаго ѣдока приходится около 25 тридцатныхъ саженей всей удобной земли. Три четверти этой земли крестьяне отводятъ подъ пашню; подъ озимый и яровой посѣвы, слѣдовательно, остается не больше 12—13 саженей. При среднемъ урожаѣ въ 40 пудовъ на десятину (не считая сѣмянъ), съ этого участка собирается 16—17 пудовъ. Между тѣмъ, разсчитано, что на продовольствіе ѣдока требуется 18 пудовъ, да за размолъ зерна надо отдать мельнику пудъ, да овса на кормъ скоту и птицѣ $7^1/_2$ пудовъ (по расчету на душу обоего пола), а всего—$26^1/_2$ пудовъ. Стало-быть, до продовольственной нормы помѣщичьимъ крестьянамъ черноземной полосы не хватаетъ $9—10^1/_2$ пудовъ на ѣдока. Въ не-черноземной полосѣ, гдѣ чаще сохранились старые крѣпостные надѣлы, потому что много крестьянъ уходило отъ земли,—на ѣдока, въ среднемъ, приходится сейчасъ

больше полуторы десятинъ всей земли. Но почва здѣсь глинистая, удобныхъ для пашни земель меньше,—и подъ посѣвъ отходитъ тоже около полдесятины на ѣдока, такъ что и здѣсь у многихъ крестьянъ бываетъ постоянная нехватка хлѣба до «новины», а иные даже прикупаютъ съ новаго года.

По всей Россіи, по расчету, сдѣланному еще 20 лѣтъ назадъ $^{7}/_{10}$ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ собирали меньше 19 пудовъ на ѣдока, т.-е. они не могли прокормить даже себя, двѣ десятыхъ имѣли отъ 19 до $26^{1}/_{2}$ пудовъ,—значитъ, могли кормить себя съ душевыхъ надѣловъ, а для скотины не хватало, и только одна десятая всѣхъ земледѣльцевъ получала больше $26^{1}/_{5}$ пудовъ,—стало, быть, прокармливала достаточно себя и свой скотъ. Въ первомъ разрядѣ—крестьянъ, собиравшихъ съ надѣловъ меньше 19 пудовъ на наличную душу, огромное большинство было изъ прежнихъ крѣпостныхъ.

Но, вѣдь, одного продовольствія недостаточно; надо крестьянину обуться, одѣться, справить избу, наладить къ веснѣ соху, борону—весь хозяйственный инвентарь, купить въ городѣ, либо на базарѣ обновку, гостинцы для бабъ, да ребятишекъ, выпить водки въ праздникъ, покаяться на исповѣди, женить сына или похоронить кого-либо изъ родныхъ. А сверхъ покрытія всѣхъ этихъ своихъ нуждъ—заплатить подати казнѣ.

Возрастаніе податей и налоговъ..

При крѣпостномъ правѣ, помѣщичьи крестьяне обязаны были казнѣ только подушными платежами, да государственными сборами съ земли, да и то за нихъ отвѣчали помѣщики, которые выплачивали ихъ казнѣ, а съ крестьянами вели свой расчетъ, иногда требуя съ нихъ деньги, иногда заставляя разсчитываться работой. Послѣ освобожденія, крестьяне стали лицомъ-къ-лицу съ казенными учрежденіями, которыя завѣдывали податнымъ дѣломъ, а учрежденія эти ничего, кромѣ наличныхъ денегъ, не принимали. Денежныя подати росли съ каждымъ десятилѣтіемъ: кромѣ

старыхъ подушныхъ, съ крестьянъ брали выкупные платежи за надѣлы, земскіе и мірскіе сборы, страховые, государственный поземельный налогъ. Частью—натурою, частью деньгами выплачивали они продовольственныя, дорожныя, рекрутскія и иныя повинности.

Благодаря тому способу разверстки выкупныхъ платежей, о которомъ мы разсказали выше, подати тяжелѣе всего ложились на малоземельныхъ. По Тамбовской губерніи въ 1870-хъ годахъ крестьяне, имѣвшіе меньше десятины на душу, платили 4 руб. 90 коп. съ десятины, отъ одной до 2 десятинъ—5 руб. 10 коп., а многоземельные, у которыхъ было отъ 4 до 5 десятинъ на душу—всего по одному рублю. Во всѣхъ губерніяхъ бывшіе господскіе крестьяне, имѣвшіе вдвое меньше земли, чѣмъ государственные, платили въ два или три раза дороже за десятину, а государственные крестьяне платили вдесятеро больше крупныхъ владѣльцевъ. Помѣщичьи платежи въ 1880-хъ годахъ равнялись: въ земскихъ губерніяхъ 6 коп. съ десятины, въ неземскихъ—4 коп., въ западныхъ—26 коп. Даже въ 1899-мъ году, когда земскіе сборы съ владѣльческихъ земель поднялись, помѣщики уплачивали 20 коп. съ десятины, а крестьяне всѣхъ разрядовъ—1 руб. 50 коп., не считая выкупныхъ. Вмѣстѣ же съ выкупными, бывшіе помѣщичьи крестьяне платили въ разныхъ мѣстахъ отъ 2 руб. до 4, 5 и даже 7 руб. за десятину всякой земли. А доходность земли была, во многихъ мѣстахъ, меньше этой суммы. Профессоръ Янсонъ точнымъ расчетомъ доказалъ, что не только средніе надѣлы, но даже и высшіе въ 3—3½ десятины на душу не покрываютъ ни уплаты податей, ни продовольственныхъ нуждъ крестьянъ; нечего и говорить про надѣлы ниже средняго, которыхъ въ черноземной полосѣ было почти половинное число.

При высокихъ платежахъ, надѣльная земля давала не доходъ, а убытки; въ среднемъ, по всей Россіи, платежи у помѣщичьихъ крестьянъ были вдвое больше доходности

ихъ надѣловъ, такъ что крестьяне отдавали казнѣ и земству не только весь чистый доходъ, но еще приплачивали столько же отъ сторонних заработковъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подати были выше поземельныхъ доходовъ, тамъ крестьяне старались отвязаться отъ своихъ надѣловъ, слабые сваливали ихъ на болѣе сильныхъ, отдавали въ міръ за подати, а міръ тоже, чтобы не терпѣть убытковъ, производилъ постоянныя свалки-навалки обремененной платежами земли. Иные крестьяне даже сами уплачивали верхи при сдачѣ надѣла въ міръ. Вотъ расписка такого мужика: «1877-го года ноября 13 дня я, нижеподписавшійся, Московской губерніи, Волоколамскаго уѣзда, деревни Курвиной, далъ сію расписку своему обществу крестьянъ деревни Курвиной, въ томъ, что я, Григорьевъ, отдаю въ общественное пользованіе землю—надѣлъ на три души, за что я, Григорьевъ, обязываюсь уплачивать въ годъ 21 рубль и означенныя деньги долженъ высылать ежегодно, къ первому апрѣля, кромѣ паспортовъ, на которые я долженъ высылать особо, тоже на посылку оныхъ, въ чемъ и подписуюсь». Такое «обезпеченіе быта» давали иногда надѣлы освобожденному крестьянину, что онъ радъ былъ заплатить 21 рубль, чтобы только отвязаться отъ нихъ. Міръ, отвѣчавшій круговой порукой за исправную уплату податей, долженъ былъ самъ строго слѣдить, чтобы крестьяне оставались «крѣпкими землѣ», чтобы земля не гуляла впустую; какъ въ крѣпостное время на крестьянъ наваливалось тягло, такъ теперь навалился надѣлъ. А кто не хотѣлъ брать на себя такіе тягловые надѣлы, тотъ долженъ былъ отплачиваться деньгами за свободу. И нельзя удивляться, что иные старики начинали поминать добромъ крѣпостное право: «Что это за воля, хуже неволи. Дай Богъ здоровья нашему барину, при немъ ли не житье было, теперь же подати одолѣли: то на волостную, то на сельскую,—глядишь, откупной платежъ (выкупъ за землю) готовь въ казну; становые стали больно обижать, при баринѣ

же не смѣли. Подушнаго и другихъ сборовъ мы не знали; отправишь тягломъ свои три дня, и покоенъ; провинишься — велитъ тебя баринъ наказать, и дѣлу конецъ; а теперь міроѣды (сельскіе судьи) за бездѣлицу обопьютъ, да въ житулевкѣ насидишься». Нельзя вполнѣ вѣрить старикамъ: спросить ихъ самихъ, пошли ли бы они доброй волей назадъ къ помѣщику на барщину—небось бы, отказались. Старикамъ, вѣдь, всегда прошлое время кажется лучшимъ а все-таки ихъ жалобы на новые порядки показываютъ, какъ круто пришлось крестьянамъ отъ непосильныхъ податей.

Въ 1881-мъ году были понижены выкупные платежи, прощены многомилліонныя недоимки, которыя и потомъ, по разнымъ манифестамъ, часто шли на смарку. Хотя особеннаго облегченія пониженіе выкупныхъ не дало, потому что земскіе мірскіе, и другіе сборы все время возрастали; а все-таки подати стали раскладываться ровнѣе, и малоземельные крестьяне немного отдохнули. Съ теченіемъ времени, поднялась въ цѣнѣ земля, вздорожалъ хлѣбъ, держать надѣлы стало выгоднѣе, и даже кое-кто изъ мужиковъ, окончательно бросившихъ свою землю, надумали вернуться на старое пепелище. Однако, хоть и вздорожала земля и выкупные понизились, а послѣ 1905-го года уничтожили ихъ совсѣмъ, но даже и теперь крестьянскіе надѣлы доходовъ не даютъ. Многіе крестьяне еще не знаютъ, что кромѣ податей «видимыхъ», тѣхъ рублевиковъ, которые они сами относятъ въ волость, либо въ казначейство,— есть еще подати «невидимыя», которыя они уплачиваютъ, сами того не замѣчая. Видимыя подати называются *прямыми* налогами, а невидимыя—*косвенными*. Купитъ ли мужикъ аршинъ ситца, сукна, фунтъ сахару, осьмушку чаю, керосину, водки, косу, топоръ, сошникъ—за всякую покупку онъ вноситъ невидимую подать казнѣ. И при невидимыхъ податяхъ—косвенныхъ налогахъ—недоимщиковъ уже не бываетъ.

Давно прошло то время, когда мужикъ сколачивалъ свою избу безъ гвоздя, ходилъ въ домотканной холстинѣ, да сваляномъ у себя полушубкѣ, въ лаптяхъ, не пилъ чаю и долгими зимними вечерами жегъ не нынѣшнюю «коптилку»—керосиновую лампочку, а дымную лучину. При крѣпостномъ правѣ, крестьяне тратили деньгами шестую, а то и десятую часть своихъ доходовъ; тридцать лѣтъ спустя, крестьяне покупаютъ на деньги уже около половины всѣхъ припасовъ и товаровъ, нужныхъ для пропитанія семьи и веденія хозяйства. Теперешніе крестьяне не могутъ обойтись безъ покупокъ, хотя бы потому, что овцы у нихъ повывелись, такъ какъ луга и выгоны отошли къ помѣщикамъ, либо распаханы; ленъ плохо родится на выпаханной землѣ; лучинокъ щепать не изъ чего—лѣса повывелись; чай хоть животъ грѣетъ при голодовкѣ, вино курить уже полтораста лѣтъ назадъ запрещено. Въ другихъ странахъ, крестьяне, еще раньше нашего перешли на все покупное, кромѣ хлѣба, потому что, при фабричной выработкѣ, всякая вещь становится дешевле, чѣмъ ее сдѣлать дома. Но тамъ на самые нужные для всѣхъ продукты, которые называются предметами первой необходимости, какъ: ситецъ, сукно, желѣзо, чай, сахаръ, керосинъ,—налоговъ не накладываютъ, да и фабричное производство тамъ лучше налажено, и потому всѣ эти продукты дешевле, чѣмъ у насъ. У насъ же, съ тѣхъ поръ, какъ прямые налоги стали давать много недоимокъ, и собирать ихъ дѣлалось все труднѣе,—казна старается выгадать на косвенныхъ налогахъ и облагаетъ одинъ продуктъ за другимъ. Теперь крестьяне платятъ косвенныхъ налоговъ гораздо больше, чѣмъ прямыхъ податей. Одинъ небогатый, но грамотный мужикъ Московской губерніи изо-дня-въ-день записывалъ свои приходы и расходы. По его тетрадкѣ оказалось, что, при годовомъ расходѣ въ 390 рублей, онъ заплатилъ косвенныхъ налоговъ на купленные товары 44 руб. 21 коп., а прямыхъ податей—22 руб. 50 коп.; всѣхъ

же налоговъ съ него сошло около 70 рублей:—стало-быть, налоги составили пятую часть его расходовъ. Въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, по расчету на 1900-й годъ, крестьяне платили прямыхъ налоговъ милліонъ рублей съ небольшимъ, а косвенныхъ—милліонъ 600 тысячъ рублей. На дворъ падало всего до 114 рублей. Косвенные налоги растутъ съ каждымъ годомъ, потому что казна ихъ увеличиваетъ, и потому что крестьяне покупаютъ все больше товаровъ.

Кромѣ податей и всякихъ сборовъ, крестьяне уплачиваютъ за содержаніе церквей и разныя требы духовенству около 7 рублей со двора. Расходы такого рода очень измѣнчивы и усчитать ихъ трудно: у одного мужика въ этомъ году свадьба—съ него сойдетъ рублей 50, другой ходилъ только на исповѣдь, да правилъ обычныя молитвы—и затратилъ рубль или два.

Откуда же беретъ крестьянинъ деньги для покрытія всѣхъ этихъ налоговъ и расходовъ? Въ не-черноземной полосѣ, какъ и встарь, крестьяне ходятъ на промыслы, добываютъ деньги и посылаютъ ихъ домой. Передъ Рождествомъ и Пасхой въ Москвѣ и другихъ городахъ у окошекъ въ почтовыхъ конторахъ стоятъ длинныя вереницы простого люда, съ переводными бланками въ рукахъ—трудовые милліоны, накопленные въ городахъ, идутъ на-поддержку деревнѣ. Какъ велика эта поддержка, показываетъ примѣръ Новгородской губерніи. Тамъ, еще въ 1870-хъ годахъ, доходъ отъ земли равнялся двумъ милліонамъ 700 тысячамъ рублей, а одни прямыя подати составляли 3 милліона 300 тысячъ руб.,—надѣльная земля давала 600 тысячъ руб. убытка. Этотъ убытокъ покрывался стороннимъ заработками, которыхъ отхожіе новгородскіе крестьяне добывали почти на 9 милліоновъ рублей. Часть этой суммы они проживали сами, часть отсылали въ деревню, гдѣ на урѣзанныхъ надѣлахъ сидѣли ихъ семьи, которымъ своего хлѣба хватало не больше, какъ на полгода. Пришлетъ пи-

терскій, либо московскій добытчикъ деньги,—семья покупаетъ хлѣбъ и сыта до новаго урожая; не пришлетъ,—семья голодаетъ, должаетъ, побирается у сосѣдей.

Въ черноземной полосѣ промысловъ попрежнему было мало; попрежнему вся жизнь черноземнаго крестьянина зависѣла отъ земли, а земли стало вдвое меньше прежняго. Единственный новый заработокъ, который открылся черноземнымъ крестьянамъ послѣ воли—было батрачество у помѣщиковъ. Но у помѣщиковъ среднихъ черноземныхъ губерній, какъ увидимъ дальше, послѣ воли свое хозяйство упало, они убавили собственные посѣвы и охотнѣе сдавали землю въ аренду. Широко разрослись посѣвы только въ степяхъ—Новороссіи и Заволжьи, гдѣ за тридцать лѣтъ площадь пашни расширилась съ 14 до 38 милліоновъ десятинъ, почти утроилась. Сюда и двинулись крестьяне среднихъ черноземныхъ губерній, и къ концу 19-го вѣка на югъ уходило отсюда ежегодно 1 милліонъ 200 тысячъ рабочихъ, а всего на заработки отправлялось до 3 милліоновъ. Однако, несмотря на такое большое число уходящихъ рабочихъ-земледѣльцевъ, заработокъ ихъ былъ невеликъ: въ земледѣліи заработная плата всегда ниже, чѣмъ въ промышленности. Всего рабочіе добывали отъ 15 до 25 рублей на каждый дворъ и большую половину заработка тратили на себя: дорога за тысячи верстъ взадъ и впередъ, да ожиданіе работы на мѣстѣ—стоило недешево. Рабочіе рѣдко шли въ уже извѣстныя экономіи, гдѣ знали, что ихъ непремѣнно наймутъ; большею частью, они вылеживались на базарахъ, ожидая, пока появятся нанимателн. Бывало, ждутъ мѣсяцъ другой, а нанимателя нѣтъ,—наняли въ другомъ мѣстѣ, либо случился неурожай; и бредутъ неудачливые батраки, подтянувши кушакъ съ голоду, назадъ домой пѣшкомъ по шпаламъ, побираются, прячутся зайцами подъ скамейками, а дома ждетъ ихъ новая голодовка.

Сторонніе заработки въ черноземной полосѣ не могли покрыть ни податей, ни другихъ денежныхъ расходовъ и

крестьяне должны были продавать хлѣбъ, собранный съ надѣльныхъ, купчихъ и арендованныхъ земель. Продажа хлѣба крестьянами быстро росла, и, тогда какъ при крѣпостномъ правѣ изъ всего хлѣба, поступавшаго въ продажу на рынокъ, четыре пятыхъ принадлежали помѣщикамъ, теперь двѣ трети его доставляютъ крестьяне. Вотъ примѣрный расчетъ того, насколько увеличилась продажа хлѣба крестьянами: при крѣпостномъ правѣ всего продавалось около 300 милліоновъ пудовъ, изъ нихъ крестьянами—50—60 милліоновъ; теперь поступаетъ на рынокъ 1 милліардъ (тысяча милліоновъ) пудовъ и крестьяне доставляютъ изъ нихъ больше 600 милліоновъ: продажа хлѣба крестьянами увеличилась больше, чѣмъ вдесятеро. На сотни милліоновъ продаютъ крестьяне и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства: скотъ, птицу, яйца, молоко, овощи,—себѣ оставляютъ мало. Крестьянское хозяйство, опережая помѣщичье на торговомъ рынкѣ, само также становится денежнымъ, т.-е. начинаетъ добывать хлѣбъ, растить скотъ, птицу и пр. не только для себя, а больше на продажу.

Еще раньше, чѣмъ у насъ, превратилось въ денежное хозяйство крестьянъ западной Европы. Но европейскій мужикъ продаетъ отъ избытка, а у насъ—по нуждѣ. Къ осени, къ окончанію уборки урожая, обыкновенно, скопляются у насъ всѣ крестьянскіе платежи: податные, за аренду, въ крестьянскій банкъ, за купчія земли, расплата по разнымъ долгамъ. Тогда, со всѣхъ концовъ, разомъ свозится на рынокъ крестьянскій хлѣбъ, станціи завалены хлѣбнымъ грузомъ, и ссыпщики скупаютъ его по низкой цѣнѣ. Крестьяне не могутъ выжидать хорошихъ зимнихъ цѣнъ, потому что всѣ требуютъ съ нихъ немедленныхъ платежей, а ссыпщики, понятно, пользуются этимъ. Продадутъ крестьяне не только излишекъ, но и часть хлѣба, нужнаго на продовольствіе, а весной идутъ къ ссыпщикамъ и снова покупаютъ у нихъ на «сѣмены-ѣмены», съ прибавкой 15—20 коп. на пудъ. На такой куплѣ-продажѣ они теряютъ

десятки и сотни милліоновъ рублей. Въ убытокъ себѣ продаются крестьянами и другіе сельско-хозяйственные продукты. Тѣ крестьяне, у которыхъ нѣтъ кормовъ въ запасѣ, осенью продаютъ лошадей, а весной, когда настанетъ время выѣзжать на пашню, покупаютъ въ два раза дороже; въ голодные годы идетъ продажа скота по 4—5 рублей за голову лошади, а пройдетъ голодъ, соберутся крестьяне съ силами, снова покупаютъ рублей по 30 до новой голодовки.

Европейскій мужикъ никогда не имѣетъ нужды покупать и продавать себѣ въ убытокъ: нужны ему деньги, онъ идетъ въ свое кредитное товарищество, дѣлаетъ заемъ, а то везетъ хлѣбъ въ товарищескій амбаръ, получаетъ подъ него ссуду. У русскихъ крестьянъ кредитныя и ссудо-сберегательныя товарищества развились только за самое послѣднее время, обороты ихъ пока малы и не могутъ удовлетворить и десятой доли крестьянской нужды въ деньгахъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ кредитныхъ и ссудныхъ товариществъ, мужики занимаютъ деньги у богатыхъ сосѣдей-кулаковъ и платятъ имъ по рублю, по два, пяти и даже двадцати процентовъ годовыхъ за каждый занятый рубль. Міроѣдство и кулачество изстари угнѣздилось въ русскомъ крестьянствѣ: съ тѣхъ поръ, какъ появились трудовые земледѣльцы, съ ними вмѣстѣ появились и нужда и заемъ у богатыхъ; и въ любой старинной лѣтописи мы найдемъ указанія на міроѣдовъ-горлановъ, дравшихъ лихву немилосердную. Послѣ освобожденія, крестьянское хозяйство дѣлается денежнымъ, нужда въ оборотномъ капиталѣ возрастаетъ съ каждымъ годомъ; а до того времени, какъ кредитныя товарищества выживутъ изъ деревни послѣдняго кулака, — пока еще очень далеко.

Крестьянское оскудѣніе. Въ такія тяжкія условія попало крестьянское хозяйство при выходѣ на волю. Урѣзанные надѣлы раздробились, при размножившемся населеніи, на совсѣмъ мелкія полосы, возрасли прямые и косвенные налоги. Хлѣбъ, котораго и

безъ того не хватало на продовольствіе, приходилось отрывать отъ голоднаго рта и продавать на рынокъ за дешевую цѣну, чтобы не ложиться подъ розги за недоимки. Нуждаясь въ деньгахъ для хозяйственнаго оборота и уплаты податей, крестьяне попадали въ лапы міроѣдовъ, высасывавшихъ изъ нихъ послѣдніе соки. Не хватало на продовольствіе, подати, одежду, хозяйство,—всюду были нехватки; и, чтобы не умереть съ голоду, не замерзнуть зимой въ нетопленой избѣ, не сидѣть въ «жигулевкѣ» и не терять послѣднюю корову за недоимки,—мужикъ долженъ былъ изворачиваться, искать, какъ и чѣмъ покрыть неотвязную нужду. Въ не-черноземной полосѣ большой поддержкой были сторонніе заработки, въ черноземной—крестьяне, въ первую голову, распахали вдоль и поперекъ свои надѣлы сѣнокосные и выгонные участки, повырубили послѣднія рощицы,—кое-гдѣ даже неудобные солонцы пустили въ распашку,—все же набѣжитъ съ нихъ пудовка другая зерна. Отъ неумѣренной распашки земля отощала и снова пошли неурожаи. Въ 1873-мъ году, послѣ трехъ неурожайныхъ лѣтъ, въ плодородной Самарской губерніи, впервые послѣ воли, обнаружился голодъ. Въ этомъ же году правительственная комиссія, собранная министромъ Валуевымъ, удостовѣрила, что въ средней черноземной полосѣ земля истощена, урожаи падаютъ, и мѣстами уже «не вознаграждаютъ трудъ земледѣльца». Съ тѣхъ поръ урожайные и неурожайные годы шли вперемежку, а въ 1891-мъ году давно небывалый голодъ охватилъ всю Россію.

Въ голодовку крестьянину не приходится думать о сбереженіи своего хозяйства, о будущемъ; онъ думаетъ лишь о томъ, какъ бы сейчасъ избавиться отъ голодной смерти. Постепенно онъ продаетъ свое добро: сначала исчезаютъ изъ избы разные предметы удовольствія и деревенской роскоши—самовары, гармоніи, обновы, потомъ идутъ лишніе сапоги, полушубки, кафтаны; потомъ мелкій скотъ—овцы, свиньи, птицы и, наконецъ, крупный—коровы и ло-

шади. Послѣ голоднаго 1891-го года число лошадей у крестьянъ только 14 губерній убыло почти на полтора милліона головъ и безлошадныхъ дворовъ въ этихъ губерніяхъ оказалось 30 на сто. Теряя скотину, крестьяне, вмѣстѣ съ тѣмъ, теряли возможность хорошо удобрять и обрабатывать землю, и опасность новыхъ неурожаевъ росла. Выпаханные надѣлы стали покрываться оврагами. По Воронежской губерніи лѣтъ сто назадъ, лежали роскошныя степи, на которыхъ росла трава въ человѣческій ростъ, а теперь ровная, какъ столъ, степь потрескалась, бугры и овраги избороздили, ее, какъ морщины старушечье лицо; придонскіе пески, которые раньше связывались корнями прибрежныхъ лѣсовъ, послѣ того, какъ ихъ вырубили, поднялись и начали засыпать черноземную пашню. Въ 1858-мъ году у крестьянъ Павловскаго уѣзда неудобныхъ земель считалось 13 тысячъ десятинъ—5 на сотню десятинъ надѣла, а черезъ 44 года (въ 1902-мъ году) стало ихъ уже 41 тысяча—16 на сто: подъ песками и оврагами пропала десятая часть прежнихъ надѣловъ. Не по доброй волѣ, а по нуждѣ крестьяне портили землю и разрушали свое хозяйство. Писатель Чеховъ говоритъ: «озябшій, голодный, больной человѣкъ, чтобы спасти остатокъ жизни, чтобы сберечь своихъ дѣтей, хватается за все, чѣмъ можно утолить голодъ, согрѣться, разрушаетъ все, не думая о завтрашнемъ днѣ. Разрушено, почти, все, но взамѣнъ—не создано ничего».

Оскудѣла земля, и надѣлы, которые и передъ освобожденіемъ не всегда прокармливали крестьянъ, сократившись вдвое, не могли дать и половины того дохода, который былъ нуженъ крестьянину для покрытія всѣхъ потребностей и для уплаты податей. Если бы крестьяне оставались только при своихъ надѣлахъ, они неминуемо начали бы вымирать. Однако, они хоть и жили впроголодь, а все-таки не вымирали; стало-быть, у нихъ былъ выходъ. Гдѣ же они нашли этотъ выходъ?

На первый взглядъ, выходъ они могли отыскать въ улучшеніи своего земледѣлія. Первая бѣда нашихъ крестьянъ—въ малоземельи и тяжелыхъ податяхъ; но вѣдь, у многихъ европейскихъ крестьянъ земли не больше, а кое-гдѣ и поменьше, податей тоже не мало, а, между тѣмъ, они ни бѣднѣютъ, а богатѣютъ, не вырождаются, а крѣпнутъ. Главная причина такой разницы въ томъ, что земля у нихъ даетъ вдвое большій урожай: у нашихъ крестьянъ около—40 пудовъ, у европейскихъ—80—100 пудовъ, при чемъ надо сказать, что почва у нихъ не лучше, а скорѣе хуже нашей. Покойный профессоръ Чупровъ разсчиталъ, что, если бы и у насъ десятина стала давать 80 пудовъ, это было бы все равно, что прибавить къ крестьянскимъ надѣламъ еще 70 милліоновъ десятинъ.

Отчего же происходитъ эта разница? Нѣкоторые говорятъ, что нашъ мужикъ—лѣнтяй и пьяница. Но это не вѣрно: въ Европѣ пьютъ больше, да умѣючи, а работаютъ не больше, да тоже умѣючи. Чтобы земля давала большіе урожаи, — не надо надрываться надъ ней безъ пользы, а надо *знать*, когда и сколько разъ вспахать, когда посѣять, чѣмъ подкормить землю—навозомъ или искусственнымъ удобреніемъ, тѣмъ самымъ, который крестьяне зовутъ порошкомъ. Надо имѣть хорошія земледѣльческія орудія—плуги, сѣялки, жнейки, молотилки, всхожія сѣмена лучшихъ сортовъ, крѣпкихъ лошадей, удойливыхъ коровъ. Надо сѣять не только рожь и овесъ, а разные хлѣба, травы, корнеплодные овощи, дѣлить поле не на три, а на восемь и больше частей и каждую часть засѣвать особымъ растеніемъ. Большую часть этихъ растеній европейскій крестьянинъ сажаетъ и выращиваетъ не для себя, а на продажу: стало-быть, и у насъ, чтобы завести новое улучшенное земледѣліе, нуженъ сбытъ; нужно, чтобы у крестьянъ не пропадала даромъ сѣяная трава, свекла, картофель; чтобы, сколько ни уродилось, все мужикъ могъ бы продать и, при томъ, за хорошую цѣну. Надо, чтобы и нашъ крестьянинъ

могъ во-время и дорого продать свои продукты, во-время и дешево купить товары, нужные для себя и для хозяйства. На все это требуется оборотный капиталъ. Наконецъ, надо, чтобы крестьяне имѣли право, безъ всякаго препятствія, устраивать всякія товарищества, союзы, собранія для улучшенія хозяйства, и чтобы образованные люди свободно допускались въ деревню,

Словомъ, чтобы перейти на улучшенное земледѣліе, нужны три вещи: *знанія*, денежные *капиталы и свободныя права*. Ни одной изъ этихъ вещей у нашихъ крестьянъ не было, и дорога къ улучшенію хозяйства была имъ заказана.

Оскудѣніе помѣщиковъ—дворянъ.

Другая дорога была уже знакома крестьянамъ: своей земли мало,—надо искать ее на сторонѣ; расширить, тѣмъ или инымъ способомъ, свое землепользованіе. Въ былыя времена крестьянинъ, какъ только почувствуетъ, что ему стало тѣсно на родинѣ, уходилъ на югъ и востокъ, въ привольныя степи, въ пустынные лѣса. Теперь привольныя мѣста отодвинулись далеко, да, вдобавокъ, въ теченіе 9 лѣтъ послѣ воли, крестьянамъ было прямо запрещено переселяться. Зато, бокъ-о-бокъ съ надѣлами бывшихъ крѣпостныхъ, лежали дворянскія помѣстья, которыя крестьяне хорошо знали, на которыхъ они сами когда-то хозяйствовали. Эти земли, сейчасъ же послѣ воли, помѣщики охотно стали сдавать, а крестьяне брать въ аренду на годъ или нѣсколько лѣтъ. Въ этомъ случаѣ, помѣщики пошли навстрѣчу крестьянамъ, потому что они не сумѣли сладить съ хозяйствомъ на новыхъ началахъ. При крѣпостномъ правѣ, ихъ хозяйство росло и развивалось, потому что, кромѣ земли, въ ихъ рукахъ былъ даровой крѣпостной трудъ. Крестьяне работали на барщинѣ со своимъ скотомъ и инвентаремъ; послѣ воли, помѣщики потеряли даровыя рабочія руки, у нихъ не оказалось достаточно скота и инвентаря, который надо было заводить заново. Выкупныя деньги они получили не сразу, а послѣ утвержденія уставныхъ грамотъ;

изо всей суммы выкупа вычитались старые долги,—всего скинуто 319 милліоновъ. Выкупъ выдавался процентными бумагами, за которыя, при размѣнѣ въ банкахъ, платили меньше, чѣмъ онѣ стоили. Въ первыя 10 лѣтъ (до 1874-го года) за вычетомъ долговъ, помѣщики получили 350 милліоновъ, изъ которыхъ большую часть они истратили на свои нужды и прихоти, а не на веденіе хозяйства. Крѣпостное право не пріучило ихъ къ бережливости; впрочемъ, не только у русскихъ, но и у европейскихъ дворянъ такой нравъ, что, получая, положимъ, 10 тысячъ дохода, они норовятъ истратить на себя 20 тысячъ, и оттого они всегда въ долгахъ, и деньги у нихъ долго не задерживаются.

Потерявши даровой крѣпостной трудъ, растративши выкупныя, помѣщики должны были сократить свои запашки. Больше всего пострадало помѣщичье хозяйство въ не-черноземной полосѣ. „Съ прекращеніемъ дарового крѣпостного труда, говоритъ князь Васильчиковъ, прекратились и всѣ выгоды господства запашекъ въ этой суровой странѣ. Такъ какъ крестьяне въ этой полосѣ унаваживаютъ свои поля и не продаютъ своего навоза, то удобреніе владѣльческихъ земель стѣснялось все болѣе и болѣе, и господскія хозяйства упразднялись". Валуевская комиссія отмѣтила уменьшеніе посѣвовъ на помѣщичьихъ земляхъ въ 22 губерніяхъ изъ 30 въ коренной Россіи, и только въ 8 губерніяхъ, главнымъ образомъ, на югѣ наблюдалось расширеніе посѣвовъ. Нѣкоторые помѣщики просто заколачивали свои усадьбы и уѣзжали въ города на службу. Въ Тверской губерніи число дворянскихъ усадебъ сократилось почти наполовину, въ Костромской—изъ 1400 усадебъ 356 закрылись вовсе, а 308 проданы купцамъ и лѣсопромышленникамъ и обращены въ жилье для сторожей. «Проѣзжая по уѣзду, разсказываетъ очевидецъ того времени, и видя всюду запустѣніе и разрушеніе, можно было подумать, что тутъ была война, нашествіе непріятеля». Правительство, оставляя помѣщикамъ не меньше третьей части земли при реформѣ,

имѣло цѣлью—сохранить всѣхъ, даже самыхъ малоземельныхъ. Эти мелкіе помѣщики пострадали больше другихъ: они сразу распродали свои клочки купцамъ и уѣхали изъ деревни пристраиваться, кто какъ могъ. И въ крупныхъ помѣстьяхъ не на что было завести инвентарь. Почти половина такихъ имѣній, заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ, не имѣла ни своего скота, ни инвентаря.

Опять стали наростать долги.

Вотъ табличка возрастанія задолженности помѣщиковъ:

	Долгъ въ милліонахъ рублей.	Принимая долгъ 1876 года за сто.
1876 годъ	381	100
1886 »	642	170
1896 »	1286	338
1906 »	2247	587

Какъ говоритъ поэтъ Некрасовъ:

«Порвалась цѣпь великая,
Порвалась и ударилась
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ—по мужику»:

Не умѣя сберечь средствъ, не имѣя никакого инвентаря, запутавшись въ долгахъ, по которымъ приходилось платить проценты, иначе имѣнья шли на продажу съ молотка,—помѣщики волей-неволей должны были подумать объ извлеченіи доходовъ съ запущенной земли, при помощи своего сосѣда—малоземельнаго мужика. Помѣщикъ нуждался въ мужикѣ, неимѣвшемъ земли, зато имѣвшемъ скотину и рабочія руки. Крестьянинъ благодаря реформѣ съ отрѣзками и приросту населенія, страшно нуждался въ *землѣ*. Вотъ примѣръ того, какъ туго приходилось крестьянамъ безъ аренды.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

«Въ Суджанскій уѣздный комитетъ объясненіе въ томъ, что мы, крестьяне, раньше были помѣщика Николая Петровича Стремоухова, и Стремоуховъ насъ очень тѣснилъ въ нашей жизни, ну а теперь, въ 1901-мъ году, продалъ землю Николаю Артемьевичу Терещенко. Завѣдующій этой землей, по приказанію хозяина, такъ притѣсняетъ, что намъ черезъ него жить нельзя; земли намъ никакъ не отдаетъ—ни исполу, ни за деньги для пасьбы скота, толоки и по снятіи хлѣба, тоже не даетъ, а купцамъ нанимаетъ все огульно подъ ватагу, а намъ хоть пропадай, не ѣвши. Противъ дворовъ нашихъ колодцы—водопой для скота и для самихъ, мы пользовались спрежь до-вѣку, а сейчасъ не позволяетъ не только скотъ поить, а и самимъ не даетъ, хоть не пивши пропадай, а намъ безъ этого никакъ нельзя обойтись, потому что на нашей землѣ воды никакой нѣтъ. Земля Терещенко обошла насъ кругомъ: съ правой стороны, подошла подъ хаты на 3 сажени, съ лѣвой стороны—сажень на 5, а противъ дворовъ—сажень на 20. Имѣемъ по одной лошади, по коровѣ и никакъ негдѣ пасти, потому что у насъ очень мало земли своей, а на землю Терещенко взойдетъ наша курица или лошадь, онъ сейчасъ гонитъ въ экономію и беретъ шрафъ, какой хочетъ, и намъ никакъ податься некуда, потому что Терещенко имѣетъ на каждомъ краю нашей деревни сторожа, а безъ этой земли намъ жить никакъ нельзя, потому что мы очень малоземельны, такъ что своей земли хватаетъ только на два мѣсяца, а кромѣ Терещенковой земли негдѣ взять, потому что куда ни пойдешь—все Терещенко земля» Аренда.

Имѣя мало земли, крестьяне не могли быть самостоятельными; растративъ свои капиталы, дворяне тоже не могли самостоятельно хозяйничать. Иные дворяне, какъ въ этомъ примѣрѣ Стремоуховъ, продавали землю купцамъ,

а послѣ открытія крестьянскаго банка—крестьянамъ. Другіе предпочитали сохранить имѣнья до лучшихъ временъ и сдавали ихъ въ аренду крестьянамъ.

Аренда земли бываетъ двухъ родовъ: есть хозяева, у которыхъ и безъ того довольно своей земли и средствъ къ жизни, и которые арендуютъ только для приращенія своихъ доходовъ. Такая аренда называется *капиталистической*. Другіе арендуютъ землю по нуждѣ, по недостатку своей земли и средствъ къ существованію;—эта аренда называется *продовольственной*. При продовольственной арендѣ, землевладѣльцы-сдатчики пользуются нуждой съемщиковъ и назначаютъ самую высокую плату, какую только тѣ могутъ выдержать. Огромное большинство нашихъ крестьянъ снимаетъ тѣ угодья, которыхъ не хватаетъ у нихъ для продовольствія себя и скотины, и платятъ за нихъ самыя высокія цѣны.

Въ не-черноземной полосѣ, при освобожденіи, къ помѣщикамъ отошли сѣнокосы и выгоны, которыми крестьяне пользовались по сервитутному праву (сообща съ владѣльцами) [1]; пашни у помѣщичьихъ крестьянъ осталось больше, да она имъ не такъ была и нужна, при сравнительно небольшомъ приростѣ населенія и сторонніхъ заработкахъ. Оттого здѣсь крестьяне арендуютъ у помѣщиковъ, больше всего, кормовыя угодья. Въ промышленныхъ областяхъ, изъ каждой сотни арендуемыхъ десятинъ, 65 приходится на покосы и выгоны, только 17—на посѣвы и 18—на остальное. Въ Московской губерніи цѣлыхъ 95 десятинъ приходятся на одни кормовыя угодья. Въ черноземной полосѣ наоборотъ, арендуется, главнымъ образомъ, пашня: двѣ трети арендуемыхъ земель отходятъ подъ посѣвы, не считая паровъ, которые часто снимаются подъ пастбища.

Не только недостатокъ того или другого угодья заставляетъ арендовать помѣщичью землю; зачастую крестьяне

---

[1]) См. выше, глава II, стр. 87.

вынуждаются къ этому *черезполосицей* своихъ земель съ сосѣдскими. Различаютъ 3 случая такой вредной черезполосицы: 1) когда господская или иная чужая земля глубоко врѣзается въ надѣльную, 2) когда чужая земля лежитъ посрединѣ надѣла, какъ бы вкраплена въ него, какъ, напримѣръ, въ кускѣ какой-нибудь скалы вкрапленъ камень другой породы, 3) когда чужая земля перерѣзаетъ надѣлъ на части и переѣхать изъ одной части въ другую можно только черезъ чужую землю. Такіе случаи чаще бывали тогда, когда отъ крестьянъ отрѣзали надѣлы при освобожденіи; теперь имъ волей-неволей, какъ они говорятъ «отъ грѣха», пришлось арендовать свои прежніе отрѣзки. Аренда отрѣзковъ, водопоевъ, прогоновъ всегда обходится дороже хотя они часто не годятся ни для пашни, ни для покоса.

Сколько всего земли арендовали крестьяне,—съ точностью трудно установить. По земскимъ подворнымъ переписямъ 183-хъ уѣздовъ, въ 1880-хъ годахъ, крестьяне арендовали свыше 10 милліоновъ десятинъ, а всѣхъ уѣздовъ въ 50 губерніяхъ Россіи,—больше 500. Основываясь на этихъ цифрахъ, большая часть ученыхъ, занимавшихся вопросомъ объ арендѣ, думаетъ, что одной пашни и сѣнокосовъ крестьяне арендовали 25 милліоновъ десятинъ, да выгоновъ, паровъ, лѣсовъ и разныхъ другихъ угодій до 10 милліоновъ, а всего около 35 милліоновъ, изъ которыхъ у казны они брали $6^1/_2$ милліоновъ десятинъ, а $28^1/_2$ милліоновъ снимали у помѣщиковъ. Въ черноземной полосѣ арендовалось втрое больше земли, чѣмъ въ не-черноземной.

Количество арендуемой земли сильно мѣняется: послѣ урожайныхъ годовъ у крестьянъ больше средствъ, они и арендуютъ больше; послѣ неурожаевъ аренда сокращается. Но аренда зависитъ не только отъ крестьянъ; арендуемая земля,—вѣдь, собственность помѣщиковъ. Послѣ 80-хъ годовъ, сдача въ аренду въ иныхъ мѣстахъ, должно-быть сократилась. Болѣе слабые дворяне, сильно задолжавшись, разорившись, продали свою землю купцамъ, да крестьянамъ;

изъ купцовъ и оставшихся дворянъ нѣкоторые завели свою запашку, потому что цѣны на хлѣбъ сильно выросли, и сельское хозяйство, при наемномъ трудѣ, стало выгоднымъ дѣломъ. Но всетаки и сейчасъ аренда земель у помѣщиковъ—главное подспорье для малоземельныхъ крестьянъ черноземной полосы.

Землю арендуютъ больше тѣ разряды крестьянъ, у которыхъ меньшіе надѣлы. Изъ каждой сотни дворовъ государственныхъ, въ 1880-хъ. годахъ, арендовалъ 31 дворъ, третья, часть; изъ каждой сотни бывшихъ помѣщичьихъ—53 двора—больше половины, а у дарственниковъ—63 двора—почти двѣ трети. На наличный дворъ у государственныхъ приходилось 2,3 десятинъ арендованной земли, помѣщичьихъ-собственниковъ — 2,7, а у дарственниковъ—5,8 десятинъ. Несмотря на огромныя переплаты за аренду, у дарственниковъ оказывается меньше всѣхъ пахотной земли. По Воронежской губерніи, на наличную душу обоего пола приходилось надѣльной и арендованной пашни: у государственныхъ—1,6 десятинъ, помѣщичьихъ-собственниковъ—1,2 десятины, а у дарственниковъ—меньше десятины, при чемъ только третья часть ихъ пашни лежала на надѣльной землѣ, а двѣ трети—на арендованной.

Арендуютъ крестьяне землю разными способами. Главныхъ способовъ три: испольный, издѣльный (или отработочный) и денежный. При первыхъ двухъ способахъ крестьяне не платятъ денегъ, а отдаютъ владѣльцу долю урожая или выплачиваютъ стоимость аренды работой. Такая аренда называется ***натуральной.*** Въ первые годы послѣ воли, натуральная аренда преобладала, потому что тогда и крестьянское хозяйство еще не было денежнымъ,—крестьяне продовали меньше своихъ продуктовъ, а у помѣщиковъ не наладилось свое хозяйство, и они старались какъ-нибудь избѣжать найма батраковъ. При испольной платѣ, крестьянинъ обязывался, большей частью, отдать помѣщику половину, а иногда и двѣ трети урожая; взявшій десятину

или нѣсколько десятинъ, долженъ былъ два раза вспахать своими лошадьми, своимъ зерномъ засѣять, снять, сложить въ копны, свезти и помолотить, а затѣмъ зерно, солому и хоботья раздѣлить по уговору съ владѣльцемъ земли. При отработкахъ помѣщикъ строго опредѣлялъ всѣ работы; напримѣръ, за десятину озими съемщикъ обязанъ, по *первому требованію* владѣльца, взметать сохой на своей лошади полторы десятины пара, на глубину не меньше 3 вершковъ, а ширина борозды должна быть 5 вершковъ, потомъ взметъ долженъ быть хорошо выборонованъ, вздвоенъ сохою и снова переборонованъ. Затѣмъ, съемщикъ господскими сѣменами засѣваетъ полторы десятины и запахиваетъ сѣмена сохою безъ бороны. Когда хлѣбъ созрѣетъ, онъ обязанъ сжать эти полторы десятины, связать, сложить въ копны. Часто помѣщики требовали возки и разбрасыванія навоза по полю, пилки и возки дровъ въ имѣнія и даже тушенія лѣсныхъ пожаровъ. Вообще, натуральная аренда сильно напоминаетъ старинные барщинные порядки; помѣщикъ требовалъ, чтобы съемщики работали у него раньше, чѣмъ на своей землѣ; слѣдилъ, чтобы они работали, какъ можно, лучше, а за плохую работу отвѣчало, по договору, все общество круговой порукой. Поэтому на свои надѣлы крестьяне попадали позже, не имѣли времени обработать ихъ, какъ слѣдуетъ; бывало, какъ при крѣпостномъ правѣ, что хлѣбъ у нихъ перестаивалъ и осыпался.

Натуральная аренда обходилась крестьянамъ гораздо дороже денежной: въ Екатеринославской губерніи деньгами платили около 3 рублей за десятину, при отработкахъ, по тамошнимъ цѣнамъ на рабочія руки, десятина обходилась съемщику въ $4^1/_2$ рубля, а испольщина (по хлѣбнымъ цѣнамъ)—до 10 рублей. Въ Саратовской губерніи денежная аренда равнялась 8 рублямъ, натуральная—16 руб. 50 коп. И, какъ всегда бываетъ, самые малоземельныя разряды крестьянъ должны были прибѣгать къ натуральной арендѣ. Въ Славяно-сербскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, изъ

каждой сотни арендаторовъ-дарственниковъ, натурой платили 85 дворовъ, собственниковъ—80, а государственныхъ—62. Въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, у малоземельныхъ меньшая половина платила деньгами, а у имѣвшихъ больше 25 десятинъ—почти всѣ.

Арендная плата зависитъ не только отъ способовъ съемки, но и отъ срока аренды; кто снималъ на одинъ годъ, тому земля обходилась на нѣсколько рублей дороже того, кто снималъ на 3, 5 и больше лѣтъ. И снова дарственники не въ состояніи совладать съ долгосрочной арендой и приплачиваютъ за свою бѣдность лишнюю плату. По пословицѣ: «на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся»—помѣщичьи крестьяне, имѣвшіе меньше всѣхъ земли, должны были арендовать больше всѣхъ и платить самую дорогую плату за господскую землю, подобно тому, какъ за свою надѣльную, они платили самыя большія подати.

Съ теченіемъ времени, натуральная аренда смѣнилась денежной, но цѣны пошли въ-гору. Ростъ цѣнъ начался сейчасъ же послѣ воли и шелъ, съ нѣкоторыми остановками, вплоть до нашего времени. За первыя 10 лѣтъ послѣ воли, въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ—Курской, Орловской, Воронежской, Рязанской, и другихъ—цѣны удвоились, утроились и учетверились. Бывали случаи, какъ въ Росташевской волости, Саратовскаго уѣзда, что съемная цѣна, въ теченіе 3 лѣтъ, дошла до 12 рублей. Земли Синайскаго монастыря (Бессарабской губ.), послѣ воли, сдавались по полторы коп. за десятину, въ 1900-мъ г.—по 15 рублей. Особенно выросли цѣны въ степяхъ, гдѣ, передъ волей, земля была крайне дешева и сороковая десятина шла по 30—40 коп. Вообще, во всей черноземной полосѣ съемныя цѣны за 40 лѣтъ поднялись вдесятеро, и теперь всюду крестьяне платятъ 20 и 30 рублей за одинъ посѣвъ. Арендная плата, вскорѣ послѣ воли, стала такой высокой, что съемныя, какъ и надѣльныя земли не окупали платежей и приносили крестьянамъ чистый убытокъ. Крестьяне по-

лучали пользу отъ аренды только потому, что рабочія силы и время у нихъ были свои, некупленныя; если же подсчитать стоимость крестьянскаго труда, то, напримѣръ, по Курской губерніи крестьяне въ 1900-мъ году терпѣли убытка на десятинѣ озимого 4 руб. 85 коп., ярового—4 руб. 15 коп. Ни одинъ европейскій мужикъ не пошелъ бы на такую кабальную аренду, а нашъ идетъ, потому что ему отъ земли некуда податься. При такихъ цѣнахъ, при краткосрочной съемкѣ, крестьяне не думаютъ о сохранности арендуемыхъ земель, высасываютъ изъ нихъ все, что можно, безъ всякаго удобренія и старательной обработки. Арендуемые участки тощаютъ, и къ истощеннымъ надѣламъ прибавляются милліоны тощей владѣльческой земли, урожаи на которой падаютъ зачастую ниже, чѣмъ на крестьянской.

Покупка земли.

Немного легче становится крестьянамъ, немного отдыхаетъ земля и тогда, когда баринъ продаетъ ее навѣчно черезъ крестьянскій и другіе земельные банки. Дворяне, еще до освобожденія, начали, по мѣстамъ, продавать свои земли богатымъ купцамъ и мѣщанамъ; послѣ воли продажа земли усилилась въ нѣсколько разъ. За 45 лѣтъ до 1905-го года дворяне потеряли 35 милліоновъ десятинъ, да послѣ 1905-го года, за 4 года (1906—09 гг.), только черезъ крестьянскій банкъ—до 3 милліоновъ, и теперь у дворянъ осталось немного больше половины тѣхъ земель, которыя сохранила за ними освободительная реформа. Дворянское землевладѣніе таетъ съ каждымъ десяткомъ лѣтъ, все сильнѣе, какъ свѣча, зажженная съ двухъ концовъ, несмотря на всѣ старанія правительства уберечь его отъ конечной гибели.

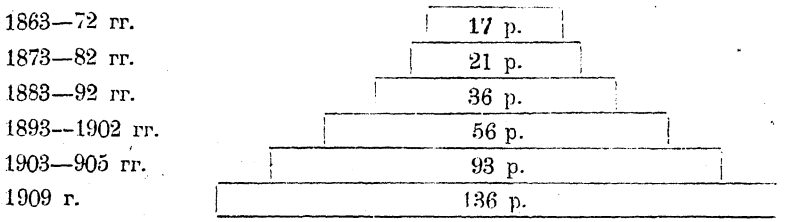
Къ кому перешли эти 40 милліоновъ десятинъ, потерянныя дворянами? Первыми покупщиками дворянскихъ имѣній были, по большей части, не крестьяне, а купцы. Въ 1877-мъ году у купцовъ было $11^1/_2$ милліоновъ десятинъ, у крестьянъ—только $6^1/_2$ милліоновъ купчихъ земель. Но въ 1883-мъ году открывается крестьянскій банкъ—и

дѣло сразу мѣняется: за 10 слѣдующихъ лѣтъ до 1887-го года купцы покупаютъ 3,9 милліона десятинъ, а крестьяне 7 милліоновъ, почти вдвое. Съ 1887-го до 1905-го года купцы прикупили еще 3,4 милліона, а крестьяне—10,7 милліоновъ,—уже втрое больше купцовъ. Правда, среди крестьянъ-покупщиковъ есть богатѣи, которые, на самомъ дѣлѣ, тоже принадлежатъ къ купечеству и покупаютъ по сотнямъ и тысячамъ десятинъ. Если отбросить ихъ и взять только трудовыхъ земледѣльцевъ, покупающихъ товариществами, обществами и единолично (менѣе 50 десятинъ), то къ 1905-му году у нихъ оказалось купчихъ земель около 16½ милліоновъ. Съ 1906-го и по 1910-й годъ такіе крестьяне пріобрѣли, только черезъ крестьянскій банкъ, 5,3 милліона десятинъ, такъ что всего они расширили покупкой свое землевладѣніе не менѣе, чѣмъ на 22 милліона десятинъ.

Дорогой цѣной досталось имъ это расширеніе. Крестьяне начали покупать землю позже другихъ сословій, и только за послѣднія 20 лѣтъ стали главными покупщиками, а между тѣмъ, продажныя цѣны земли росли такъ же быстро, какъ и арендныя. Въ 1860-хъ годахъ продажная цѣна одной десятины была 17 руб. съ небольшимъ, въ 1870-хъ годахъ—около 21 рубля. Въ это время крестьяне, у которыхъ не было наличныхъ денегъ, покупали мало, а дешевую землю пріобрѣтали купцы. Съ 1880-хъ годовъ, съ открытіемъ крестьянскаго банка, крестьяне обгоняютъ купцовъ въ покупкѣ земли, и цѣны сразу идутъ въ гору: въ 1880-хъ годахъ—36 рублей, въ 1890-хъ годахъ—56 рублей, 1903—05-хъ годахъ—93 руб.

Въ 1906-мъ году, благодаря аграрнымъ волненіямъ, цѣны упали до 71 рубля, но, послѣ усмиренія безпорядковъ, сейчасъ же поднялись и, при покупкѣ черезъ крестьянскій банкъ, дошли въ 1909-мъ году до 136 рублей, увеличившись въ семь разъ за 50 лѣтъ послѣ воли.

Вотъ наглядная табличка роста цѣнъ на землю:



Нечего и говорить, что доходность земли за это время въ 7 разъ увеличиться не могла и крестьяне, покупавшіе землю тогда, когда она сильно вздорожала, платятъ зачастую, какъ и при арендѣ, больше, чѣмъ купленные участки приносятъ доходовъ.

При неимѣніи наличныхъ денегъ, крестьяне, большею частью, покупаютъ имѣнія черезъ земельные банки, главнымъ образомъ, черезъ крестьянскій банкъ. Крестьянскій банкъ выдаетъ крестьянамъ ссуду на покупку земли; но такъ какъ банкъ самъ занимаетъ ссудныя деньги и за заемъ платитъ проценты, то и съ крестьянъ онъ требуетъ не только платежей въ погашеніе займа, но и проценты, которые самъ выплачиваетъ; а сверхъ того, набавляетъ расходы на содержаніе чиновниковъ и банкирскихъ конторъ и на разные расходы по совершенію купчихъ сдѣлокъ. Платежи банку были разсчитаны такимъ же способомъ, какъ при выкупной операціи, и такъ же сначала они были болѣе высокими: до 1896-го года крестьяне платили по $6^1/_2$ коп. съ ссуднаго рубля въ годъ. Въ 1896-мъ году платежи были понижены (при самой долгой разсрочкѣ платежей—на $55^1/_2$ лѣтъ, которая чаще всего примѣняется при покупкѣ)—до $5^1/_4$ коп., а по Высочайшему повелѣнію 16 октября 1906-го года—до $4^1/_2$ коп. Однако, и теперь, за каждые 100 рублей ссуды, въ теченіе $55^1/_2$ лѣтъ, крестьянинъ долженъ выплатить 250 рублей, подобно тому, какъ при выкупѣ онъ долженъ былъ уплатить въ 49 лѣтъ 294 рубля за 100, а уплатилъ до 1906-го года всего только

200 руб. Кромѣ платежей по банковской ссудѣ, крестьянину приходится платить верхи. Если сторговалъ онъ, примѣрно, 10 десятинъ за 1300 руб., то банкъ даетъ обыкновенно, по своей оцѣнкѣ, меньше, положимъ—1000 руб.: 300 руб. покупщикъ долженъ достать и уплатить помѣщику самъ. Конечно, крестьяне занимаютъ эти деньги у разныхъ „благодѣтелей", если нѣтъ по-сосѣдству кредитнаго товарищества, и платятъ кредитору большіе проценты. Потомъ нужно платить за марки, всякія казенныя бумаги, расходоваться на поѣздки въ городъ.

Платежи банку нужно вносить аккуратно, два раза въ годъ. Случилась какая-нибудь заминка, крестьянинъ просрочилъ платежъ,—за каждый просроченный день банкомъ взыскивается штрафъ. Большинство крестьянъ не можетъ платить въ срокъ, а, послѣ трехъ просрочекъ, земля отнимается отъ крестьянина и продается съ торговъ. Правда, хотя публикуются къ продажѣ каждый годъ сотни тысячъ десятинъ, но почти всегда покупателей не находится и земли возвращаются къ прежнимъ хозяевамъ, но всѣ прежніе платежи при этомъ пропадаютъ. Бываетъ, что крестьяне платятъ 10—15 лѣтъ, а долги банку не только не убываютъ, но даже еще прибываютъ. Одно крестьянское общество купило въ 1894-мъ году землю и получило ссуды 7635 рублей; къ 1909-мъ году оно заплатило 4095 рублей, но такъ какъ платило неаккуратно, то за нимъ и сейчасъ банкъ считаетъ 7813 рублей долгу. Такихъ случаевъ бываетъ довольно много. За недоимки, какъ и при выкупныхъ платежахъ, банкъ можетъ продать часть имущества недоимщика. Одинъ крестьянинъ писалъ такое прошеніе: „Прошу господина Банка не продавать меня... Прошу меня пожалѣть, потому что мнѣ руку на мельницѣ покалѣчило, жито уродилось плохое, а овесъ и картошка гніютъ на полѣ. Прошу еще разъ, потому какъ старшина описалъ кабанчика, а онъ еще совсѣмъ худой. Я кормлю его для Банка, но пускай немного еще годуется". Банкъ можетъ пожалѣть крестья-

нина, котораго постигъ неурожай или какая другая бѣда, и дать отсрочку; можетъ и покарать его. Такъ точно и при податныхъ недоимкахъ по выкупнымъ и другимъ платежамъ крестьяне слезно молили начальство не продавать послѣдняго имущества. Между прежними условіями выкупа надѣловъ и теперешней покупкой земли черезъ банкъ есть много сходства и нынѣшняя покупка порой бываетъ также тяжела.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ расширяли крестьяне свое землевладѣніе и землепользованіе: это расширеніе не даетъ имъ облегченія и „улучшенія быта", потому что и при арендѣ и при покупкѣ земли платежи выше земельнаго дохода, и труды крестьянъ пропадаютъ даромъ для нихъ, какъ пропадали они даромъ на господской барщинѣ. Какъ говоритъ поэтъ: „вмѣсто сѣтей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ", и сѣти эти и по-сейчасъ крѣпко опутываютъ крестьянское хозяйство.

Переселеніе.

Третій выходъ изъ малоземелья даетъ крестьянину *переселеніе*. Еще при крѣпостномъ правѣ крестьянскіе надѣлы были очень различными и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ спустились до 1—2 десятинъ на душу; тогда сами помѣщики, замѣчая, что крестьянамъ на старыхъ надѣлахъ становится тѣсно, покупали пустынныя имѣнія въ окраинныхъ губерніяхъ и переселяли туда часть своихъ крѣпостныхъ. Освободительная реформа съ отрѣзками еще усилила различіе въ надѣлахъ: самый малый надѣлъ въ коренной Россіи былъ въ 48 разъ меньше самаго большого. Казалось бы, что, освободивши крестьянъ съ такими различными надѣлами, надо было дать полную свободу имъ разселяться по всей Россіи, искать, гдѣ легче живется, гдѣ лучше оправдываетъ земля работу человѣка. Не тутъ-то было: на цѣлыхъ 9 лѣтъ послѣ освобожденія выходить изъ сельскаго общества, а слѣдовательно, и переселяться,—было строго запрещено. Запрещеніе это вызывалось двумя причинами: съ одной стороны—правительство опасалось, что пересе-

ленцы ускользнутъ отъ уплаты податей; съ другой—что сосѣдніе помѣщики останутся безъ дорогихъ арендаторовъ и дешевыхъ работниковъ. И, послѣ 9 лѣтъ, въ 1870-мъ году правящія власти все еще опасались, что, съ правомъ вольнаго перехода, всѣ крестьяне поднимутся со своихъ мѣстъ, грабя и зажигая помѣщичьи усадьбы. Поэтому хотя и разрѣшили крестьянамъ переселяться, но на такихъ тяжелыхъ условіяхъ, которыя дѣлали переселеніе почти невозможнымъ. Желающіе переселяться должны были вернуть свой надѣлъ въ общество, очиститься отъ рекрутской повинности, уплатить всѣ подати и недоимки до 1 января слѣдующаго года, обезпечить содержаніе остающихся родныхъ, получить разрѣшеніе въ своей волости и согласіе новаго общества на пріемъ; наконецъ, пріобрѣсти въ собственность въ новомъ обществѣ не меньше двухъ душевыхъ надѣловъ.

Крестьяне не могли выполнить этихъ условій и не хотѣли вымирать на своихъ нищенскихъ надѣлахъ, а начали, какъ встарь при господахъ, тайкомъ уходить изъ своихъ селъ. Чѣмъ больше прирастало населеніе, тѣмъ быстрѣе увеличивался потокъ, по большей части, самовольныхъ переселенцевъ, и, въ концѣ-концовъ, правительству пришлось пойти на уступки. Въ 1881-мъ году была образована особая комиссія для выработки переселенческаго закона; 8 лѣтъ засѣдала эта комиссія, и только въ 1889-мъ году былъ утвержденъ законъ, по которому разрѣшеніе на переселеніе давалось съ согласія двухъ министровъ, а самовольныхъ переселенцевъ велѣно было возвратить на родину по этапу. Хотя переселявшіеся, по этому закону, получали разныя льготы, но ждать, пока изъ министерства пришлютъ въ волость согласіе на поданное прошеніе, почти никто не могъ и не хотѣлъ, и число самовольцевъ было такимъ же огромнымъ, какъ прежде. Гнать ихъ назадъ,—силъ бы нехватило у начальства: волей-неволей оно ихъ зачисляло на новыхъ мѣстахъ и, въ то же время, издавало новые запретительные указы, на которые переселенцы также не обращали вниманія.

Съ проведеніемъ Сибирской дороги, правительство уступаетъ напору переселенческаго движенія; въ 1905-мъ году издаются законы, облегчающіе выходъ изъ старыхъ мѣстъ и поземельное устройство переселенцевъ на новыхъ, а послѣ 1906-го года правительство, напуганное волненіями малоземельныхъ крестьянъ, само начало зазывать переселенцевъ и сулить имъ разныя льготы. Такъ жизненная нужда одержала верхъ надъ казенными правилами.

Но, если казенные указы не могли остановить переселенія, они все-таки его сильно затрудняли. Затрудненія начинались съ мѣста: чтобы снарядиться въ путь, задумавшій переселиться крестьянинъ долженъ былъ раздобыть денегъ, и, для этого, распродать свое имущество, усадьбу, передать кому-либо надѣлъ. Все это приходилось дѣлать наскоро, крадучись, чтобы начальство не остановило, а, при скорой распродажѣ, имущество спускалось за безцѣнокъ. Теперь почти всѣ переселенцы, раньше, чѣмъ тронуться въ путь, посылаютъ ходоковъ въ намѣченныя мѣста; ходоки проѣзжаютъ по дешевому билету, выбираютъ участки, и переселенцы отъ нихъ уже знаютъ, куда они пойдутъ. Въ прежнее время ходоки не всегда посылались; часто переселенцы шли по слухамъ, по письмамъ земляковъ, попадавшихъ раньше на окраины и расхваливавшихъ тамошнее приволье. Малограмотные поселенцы, попавши въ такую огромную область, какъ Сибирь, запутывались въ незнакомыхъ мѣстахъ; исхарчившись совсѣмъ, не найдя подходящихъ участковъ, поворачивали обратно и шли, побираясь, назадъ, а дома все хозяйство разорено, нѣтъ силъ начинать сызнова. „Только птицы быстрокрылыя, говорили поселенцы, могутъ разыскать въ Сибири хорошее мѣсто, если раньше не знаешь его“.

Покуда не была проведена Сибирская желѣзная дорога, большая часть поселенцевъ передвигалась на собственныхъ лошадяхъ и телѣгахъ, меньшая—ѣхала пароходами, потому что сухимъ путемъ стоило добраться съ семьей и

всякой рухлядью рублей 50—70, а пароходомъ не меньше 150 руб. Длинные обозы, въ сотни телѣгъ, нагруженныхъ домашнимъ скарбомъ, вытягивались по знаменитой Владимiркѣ. Старики и дѣти сидѣли на повозкахъ, а взрослые шли пѣшкомъ. Два-три мѣсяца двигались они до Томска, если часть пути дѣлали на пароходѣ; бѣдняки же шли 5—6 мѣсяцевъ, а то и цѣлый годъ. Шли лѣтомъ, подъ палящими лучами солнца, ночуя подъ открытымъ небомъ, голодая, терпя всевозможныя лишенiя. Дорогой вымирали цѣлыя семьи, особенно дѣти; взрослыхъ умирала въ пути, порой, десятая часть, а дѣтей—около трети; не было ни докторскбй, ни продовольственной, ни ссудной помощи. Съ постройкой Сибирской желѣзной дороги и съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало поощрять переселенiе,—появилась помощь на мѣстахъ и въ дорогѣ, переселенцы не бредутъ, какъ слѣпые и переселенiе увеличилось во много разъ.

Вначалѣ переселенцы изъ срединныхъ губернiй уходили больше на югъ Европейской Россiи, въ Чѣрноморскiя степи, на Сѣверный Кавказъ, низовое Поволжье. Въ одной Кубанской области за 1861—72 годы оказалось 210 тысячъ переселенцевъ изъ Россiи. Но скоро на югѣ стало тѣснѣе, мѣстные жители перестали охотно принимать переселенцевъ, и переселенiе поворачиваетъ на востокъ, въ Сибирь и Среднюю Азiю, въ Киргизскiя степи. Съ 1860-го по 1885-й годъ, переселилось въ Сибирь 300 тысячъ душъ, за слѣдующiя 20 лѣтъ до 1904-го года,—почти полтора милiона; въ 1904—05 годахъ была остановка, вслѣдствiе японской войны, а за послѣднiя 5 лѣтъ, 1906—10 годы, прошло, вмѣстѣ съ ходоками, 2 милiона 600 тысячъ, а безъ ходоковъ—2 милiона 100 тысячъ. Въ среднемъ, ежегодно проходило въ Сибирь, въ первые 25 лѣтъ послѣ воли только по 12 тысячъ человѣкъ, во вторыя 20 лѣтъ—по 45 тысячъ, а въ послѣднiя 5 лѣтъ—по 400 тысячъ. Больше всего прошло переселенцевъ въ 1908 и 1909 годахъ—около 650 тысячъ въ годъ, но и въ эти годы переселенiе не

могло охватить и половины всего прироста крестьянъ въ Россіи, который составляетъ не меньше $1^1/_2$ милліоновъ въ годъ.

Съ 1910-го года переселеніе начинаетъ замирать; въ 1910-мъ году оно составило 316 тысячъ, а въ 1911-мъ году еле дошло до 190 тысячъ. Число обратныхъ неустроившихся поселенцевъ, наоборотъ, растетъ и достигло въ оба послѣднихъ года 231 тысячи, а это показываетъ, что и въ Сибири становится все труднѣе устраиваться. Привольныя степныя мѣста вблизи дороги уже заняты, свободными остаются дремучіе лѣса—тайга, гдѣ надо сначала вырубить, выжечь и выкорчевать лѣсную чащу и осушить болота, провести дороги и затѣмъ уже пахать землю. Этого не въ силахъ сдѣлать поистратившіеся въ дорогѣ малоземельные крестьяне изъ черноземныхъ губерній, незнакомые съ хозяйствомъ въ лѣсахъ, которыхъ заѣдаютъ тучи сибирской мошкары и комаровъ. Въ Восточной Сибири, особенно на Дальнемъ Востокѣ еще, быть можетъ, и найдутся хорошія мѣста,—Сибирь такъ огромна, да добраться туда не въ силахъ переселенецъ-бѣднякъ. И, вотъ, 700 тысячъ душъ неустроенныхъ переселенцевъ скопились уже въ Западной Сибири; они околачиваются вокругъ богатыхъ старожиловъ, снимая въ аренду землю или нанимаясь батраками. Отчаявшись пристроиться на новыхъ мѣстахъ, обнищалые, ослабѣвшіе, они ѣдутъ назадъ въ Россію на свои старыя разоренныя гнѣзда, которыя уже не въ силахъ обстроить заново. Положеніе переселенцевъ-бѣдняковъ должно будетъ стать еще хуже, если правительство осуществитъ на дѣлѣ свое послѣднее пожеланіе—не отдавать даромъ, а пускать въ продажу лучшія земли въ Сибири и разселять сибирскихъ крестьянъ по хуторамъ, какъ оно старается разселять ихъ въ коренной Россіи.

Итакъ, переселеніе, при помощи котораго малоземельные крестьяне добываютъ себѣ землю съ такимъ же почти трудомъ, какъ при арендѣ и покупкѣ владѣльческихъ имѣній,

не могло и не можетъ покрыть земельной нужды деревни. Покуда одинъ переселенецъ устроится на новомъ мѣстѣ, на старой его родинѣ вырастаетъ пять человѣкъ, пять новыхъ голодныхъ ртовъ. Это все равно, что черпать ведромъ воду изъ рѣки: чѣмъ больше черпаешь, тѣмъ больше ея прибываетъ.

Какъ рѣка въ весеннее половодье, возрастало земледѣльческое населеніе, такое же темное, забитое, такъ же ковырявшее землю деревянной сохой, какъ и сотни лѣтъ назадъ; вмѣстѣ съ ростомъ населенія, росла и нужда, которую не могли покрыть ни аренда, ни покупки земли, ни переселеніе, потому что прибавка земли такимъ путемъ доставалась слишкомъ тяжелой цѣной. Вмѣстѣ съ нуждой росло и недовольство народа и, послѣ неудачной японской войны, оно вылилось въ цѣломъ рядѣ возмущеній, погромовъ и поджоговъ помѣщичьихъ усадебъ. Послѣ подавленія безпорядковъ, правительство рѣшило, что нужно ***въ корнѣ*** перестроить крестьянское хозяйство, и въ 1906-мъ году издало указъ, превратившійся теперь въ законъ, о крестьянскомъ землеустройствѣ.

Землеустройство.

Этимъ закономъ правительство стремится повернуть крестьянъ на новую дорогу, на дорогу ***улучшенія земледѣлія***. Мы уже говорили, что если бы крестьяне стали получать съ десятины 80 пудовъ, вмѣсто 40, то такое увеличеніе урожайности равнялось бы прибавкѣ 70 милліоновъ десятинъ пашни при трехпольи. Но мы также говорили, что для такого коренного улучшенія, нужны три вещи: знанія, капиталы и извѣстная свобода. До сихъ поръ у крестьянъ не было ни знаній, ни капиталовъ, ни свободы, и улучшеніе земледѣлія хотя и подвигалось понемногу въ крестьянскомъ хозяйствѣ, но такъ тихо, что за 50 лѣтъ урожайность надѣловъ выросла не больше, чѣмъ на 10 пудовъ и сейчасъ (въ 1911 г.) свыше 20 губерній, на югѣ и востокѣ Россіи, охвачены полнымъ неурожаемъ и голодовкой. Сами крестьяне не могутъ сладить съ кореннымъ пере-

устройствомъ своего хозяйства: имъ должны помочь правительство, земство и образованные люди. Правительство, а въ особенности, земство, за послѣднее время кое-что дѣлаютъ для распространенія знаній въ народѣ: сажаютъ уѣздныхъ и участковыхъ агрономовъ, устраиваютъ опытныя поля, показные хутора, выставки, чтенія, курсы по сельскому хозяйству. Кое-что дѣлается и по части расширенія кредита на хозяйственныя и другія нужды: кредитнымъ товариществамъ и потребительнымъ обществамъ выдается ссуда изъ казенныхъ банковъ, земскіе склады отпускаютъ въ кредитъ сельско-хозяйственныя орудія, лучшія сѣмена и искусственныя удобренія. Допущена нѣкоторая свобода и въ устройствѣ разныхъ обществъ въ деревнѣ. Но всѣхъ этихъ благъ и хорошихъ начинаній отпускается понемножку, съ опаской; до сихъ поръ на прямое улучшеніе крестьянскаго хозяйства тратятся копейки на душу, тогда какъ нужны рубли и десятки рублей.

Главныя же свои старанія правительство направило не на прямое улучшеніе хозяйства, не на помощь ему знаніями и капиталами, а на *землеустройство надѣловъ* и купчихъ земель. Правительство считаетъ, что безъ землеустройства невозможно улучшать хозяйство, какъ безъ крѣпкаго фундамента нельзя построить высокаго каменнаго дома. Что же такое это землеустройство?

Теперь надѣлъ каждаго двора у нашихъ крестьянъ не лежитъ въ одномъ кускѣ, а разбросанъ черезполосно длинными узкими лентами по всему общинному участку. Каждый крестьянинъ имѣетъ 10, 20, 50 и до 100 полосъ, расположенныхъ и возлѣ самой усадьбы и въ дальнемъ концѣ поля. Эта черезполосица создалась испоконъ вѣковъ, и существуетъ она и въ общинныхъ и подворныхъ деревняхъ. Черезполосица часто бываетъ вредной для сельскаго хозяйства. Благодаря ей, всѣ крестьяне должны засѣвать свои полосы однимъ и тѣмъ же хлѣбомъ, чтобы зерно поспѣвало въ одно время, и, послѣ уборки полей, можно

бы было пускать скотъ на пастьбу. Много земли пропадаетъ на межникахъ и дорогахъ, а, если нарѣзка полосъ неправильная, такъ нѣтъ свободнаго проѣзда. Крестьяне тратятъ, безъ толку, много времени на проѣздъ по всѣмъ полосамъ, изъ которыхъ дальнія лежатъ зачастую за 10—15 верстъ отъ усадьбы. Благодаря тому, что у насъ надѣлы часто нарѣзались холстами и усадьбы лежатъ не посрединѣ, а съ краю надѣловъ,—такое длинноземелье очень распространено. Дальнія полосы нельзя удобрять, на нихъ нельзя садить такихъ урожайныхъ растеній, какъ картошка и свекла, дающія сотни пудовъ съ десятины, потому что свезти ихъ въ усадьбу будетъ слишкомъ трудно.

При частыхъ передѣлахъ на новыя души, въ общинныхъ деревняхъ и при семейныхъ раздѣлахъ по наслѣдству въ подворныхъ, полосы дробятся и становятся такими узкими, что ребенокъ ихъ можетъ перешагнуть—шириной меньше аршина. На такой полосѣ нельзя обернуться съ сохой, она засоряется травами съ межниковъ, сѣмена перебрасываются на другія полосы,—словомъ, невозможны ни хорошая обработка, ни удобреніе, ни посѣвъ разныхъ породъ хлѣбовъ и травъ. Въ общемъ, главный вредъ отъ черезполосицы происходитъ—при длинноземельѣ и при большомъ числѣ узкихъ полосъ.

Чтобы уничтожить черезполосицу и дать свободу каждому хозяйничать по-своему, нынѣшнее правительство поощряетъ всячески выходъ изъ общины, укрѣпленіе надѣльной земли въ частную собственность и разселеніе по хуторамъ. Выходъ изъ общины за 5 лѣтъ, пока дѣйствуетъ законъ, успѣлъ широко распространиться: по 1 декабря 1911 года вышло и укрѣпило надѣлы 1 милліонъ 763 тысячи хозяевъ съ $12^1/_2$ милліоновъ десятинъ. Всѣхъ общинниковъ въ Европейской Россіи числилось 9 милліоновъ 200 тысячъ дворовъ; слѣдовательно, частными собственниками, за какія-нибудь 5 лѣтъ, стала уже пятая часть.

Но выходъ изъ общины и укрѣпленіе земли, сами по себѣ, никакого улучшенія не вносятъ въ крестьянское хозяйство; полосы остаются на старыхъ мѣстахъ, сохраняется прежняя черезполосица, и, при послѣдующихъ семейныхъ раздѣлахъ, покупкѣ и продажѣ земли по кусочкамъ, полосы измельчаютъ еще больше, перепутаются такъ, что къ нимъ ни прохода, ни проѣзда не будетъ. Община, въ этомъ случаѣ, полезна тѣмъ, что она исправляетъ путаницу полосъ при новыхъ передѣлахъ, выпрямляетъ и равняетъ ихъ и концы выводитъ на полевыя дороги. При частномъ подворномъ землевладѣніи, всякій—полный хозяинъ своей земли, и, если кто-либо заупрямится и не захочетъ равнять своихъ полосъ, съ нимъ ничего не подѣлаешь. Стало-быть, одинъ простой выходъ изъ общины не даетъ никакого землеустройства.

Укрѣпленіе земли въ собственность грозитъ и другой бѣдой: укрѣпляютъ больше малоземельные слабѣйшіе крестьяне*), и изъ нихъ многіе тутъ же продаютъ свои надѣлы. Даже по казеннымъ неполнымъ свѣдѣніямъ, къ концу 1911-го года продали свою землю 385 тысячъ дворовъ—пятая часть укрѣпленцевъ, а, на самомъ дѣлѣ, ихъ было больше. Теперь въ голодный годъ продажа надѣловъ разрослась во-всю; прежде продавали скотину, всякую движимость, а усадьба и надѣлъ оставались въ цѣлости, а теперь у голодающаго явился новый соблазнъ—пустить въ трубу послѣднее достояніе и быть сытымъ два-три мѣсяца. Въ Самарской губерніи сами крестьяне плачутъ и продаютъ — продаютъ по 20, 17, 13 рублей за десятину. „Что идетъ у насъ въ селахъ — страсть, разсказываютъ крестьяне. Укрѣпляютъ за собой надѣлъ и спускаютъ за безцѣнокъ, навѣкъ нищими остаются. Пріѣхалъ къ намъ

*) Есть и многоземельные укрѣпленные но ихъ гораздо меньше: это видно изъ того, что на одинъ выдѣлившійся дворъ приходится въ среднемъ 6 десятинъ, тогда какъ у крестьянъ—общинниковъ всей Россіи на дворъ падаетъ 11 десятинъ надѣла.

хохолъ изъ Екатеринославской губерніи, созвалъ народъ на сборню и говоритъ: кто желаетъ продать души,—покупаю. Сразу записались 132 человѣка. Крикомъ кричатъ, а продаютъ". Въ этой губерніи, за 5 лѣтъ, до іюля 1911-го года, было продано около 11 тысячъ надѣловъ, а сейчасъ, только за послѣдніе полгода,—почти 8 тысячъ. Что будетъ съ обезземельными крестьянами,—трудно себѣ представить. Вѣдь, имъ некуда податься: въ городахъ и такъ „тѣсно отъ многолюдства", переселяться почти некуда, да и силъ не-хватитъ; всѣхъ въ батраки богатѣи, скупившіе надѣлы, не возьмутъ; итти по міру,—міръ не сможетъ прокормить такую уйму народа. Надо думать, что, скорѣе всего, придется итти такимъ горемыкамъ къ богатѣямъ и снимать втридорога въ аренду ту самую землю, которую они уже разъ выкупали тяжелымъ трудомъ, полили горячимъ потомъ. Старые помѣщики исчезаютъ, а новые грозятъ народиться, и съ ними вмѣстѣ—новая кабала, еще горшая прежней.

Вотъ почему одно укрѣпленіе земли въ собственность будетъ не землеустройствомъ, а ***землеразстройствомъ,*** опаснымъ, по своимъ тяжелымъ послѣдствіямъ, для сотенъ тысячъ малоземельныхъ крестьянъ.

Но, вслѣдъ за землеразстройствомъ, за выходомъ изъ общины, идетъ настоящее землеустройство—выдѣлъ земли къ одному мѣсту, нарѣзка отрубовъ и разселеніе по хуторамъ. Самымъ лучшимъ способомъ землеустройства считается хуторской, когда усадьба ставится посреднѣ надѣла... Тогда земля у хозяина, какъ говорится, „въ одномъ глазу"; если у него, положимъ, десятинъ 15—20 земли, то до дальняго конца поля будетъ не болѣе 100—120 саженей,—рукой подать. Весь трудъ на переѣзды, перевозку сноповъ, вывозъ навоза убавляется до самой послѣдней возможности, черезполосица уничтожается совсѣмъ. Если бы разселеніе по хуторамъ было возможно для всѣхъ русскихъ крестьянъ,—лучшаго бы и нельзя было желать.

Да бѣда въ томъ, что устраивать хутора можно не вездѣ. Для хутора нужна вода, а воды у насъ много только на сѣверѣ, — въ черноземныхъ губерніяхъ вода попадается рѣдко, оттого и села тамъ большія, и всѣ жмутся къ берегамъ рѣкъ, а пахотныя земли тянутся длинными холстами по безводной степи. Кромѣ воды, нужно, чтобы у хуторянина подъ-рукой были всѣ угодья: пашня, сѣнокосъ, выгонъ, лѣсокъ. Разныя угодья разбросаны мелкими кусочками, опять-таки больше на сѣверѣ и на западѣ, а въ черноземной полосѣ они лежатъ большими площадями и къ одному мѣсту ихъ никакъ не сведешь. Потомъ, для хуторовъ нужны хорошія прямыя дороги, чтобы хуторяне не тратили лишняго времени на переѣзды, не утопали зимой въ сугробахъ снѣга. Мы говорили, что крестьянское хозяйство становится все болѣе денежнымъ, а хуторское должно больше другихъ вывозить своихъ продуктовъ на продажу: продать, купить что-либо хуторянамъ будетъ очень накладно, если придется каждый разъ дѣлать 20—30 верстъ взадъ-впередъ. Нужны хорошія дороги и для дѣтей-школяровъ, иначе они въ школу не будутъ ходить; чтобы дѣти хуторянъ не одичали, нужно построить много лишнихъ школъ.

Хуторянамъ нужно больше земли, чѣмъ деревенскимъ жителямъ: въ деревнѣ малоземельный мужикъ находитъ себѣ сторонніе заработки, а на хуторѣ онъ долженъ жить только отъ земли. Чтобы обстроиться наново, чтобы завести улучшенное хозяйство, хуторянинъ долженъ быть зажиточнымъ и болѣе образованнымъ, чѣмъ деревенскій житель.

Вотъ, стало-быть, что нужно для образованія хуторовъ: вода, всѣ угодья въ одномъ мѣстѣ, хорошія дороги, побольше земли, состоятельность, школа, образованіе. Гдѣ нѣтъ этихъ условій, тамъ и хутора не пойдутъ, а тѣ, которые устроятся, скоро разорятся, и такіе примѣры уже бывали. Этихъ условій нѣтъ въ большей части Россіи; по-

этому на хутора, особенно на надѣльной землѣ, перешло пока нѣсколько десятковъ тысячъ, а большая часть землеустроенныхъ крестьянъ, (которыхъ всего къ 1911-му году было 320 тысячъ на надѣльной землѣ и 186 тысячъ — на банковскихъ)—просто сверстали свои полосы въ отруба и живутъ пока въ деревенскихъ усадьбахъ.

Словъ нѣтъ, землеустройство необходимо, но, если хутора невозможны, то лучше не соблазняться, не принуждать крестьянъ къ хуторскому хозяйству. Даже въ Европѣ, гдѣ всѣ условія для устройства хуторовъ лучше нашихъ, тамошнія власти чаще просто сверстываютъ полосы въ одинъ, два, три отруба и разселяютъ большія деревни на малые поселки. Гораздо легче, дешевле, удобнѣе и безопаснѣе было бы и у насъ разселить тысячедворныя села по ихъ огромнымъ участкамъ поселками въ 20—30 дворовъ и нарѣзать этимъ поселкамъ надѣлы, по-возможности, широкими полосами, не больше 2—3 полосъ на хозяйство. Одинъ, болѣе образованный крестьянинъ мечтаетъ о такомъ устройствѣ: „мнѣ, измученному общественной неурядицей и земельной нуждой (у меня одинъ надѣлъ)—во снѣ и наяву снится маленькій поселокъ въ нѣсколько домовъ на отрубной землѣ по 10—12 десятинъ на семью, гдѣ возможно полное соревнованіе въ хозяйственномъ отношеніи и неотчужденность человѣка отъ человѣка въ дѣлѣ личномъ".

Крестьяне сами стали сознавать вредъ отъ черезполосицы: въ Московской и Петербургской губерніяхъ, за послѣдніе годы, они, по собственному почину, стали переверстывать надѣлы на широкія полосы. Если бы черноземнымъ крестьянамъ дали указанія и помогли бы деньгами,—быть-можетъ, и они охотно взялись бы за разселеніе небольшими деревнями, за такую же переверстку полосъ, и для сельскаго хозяйства получилась бы большая польза. А будетъ ли отъ нынѣшняго землеразстройства и землеустройства видимая польза,—этого мы пока не знаемъ.

Прошла уже 51-я годовщина съ манифеста 19 февраля, а крестьяне все тянутъ свою голодную пѣсню: „хлѣбушка нѣтъ, валится домъ“. Одинъ 80-лѣтній старикъ говаривалъ: „я вотъ трехъ царевъ пережилъ, а какая моя жизнь: 7 избъ пожилъ и 7 разъ пухъ отъ голода,—вотъ каково легко. Только и знаемъ, что горимъ да строимся, сѣемъ да голодаемъ, поданя (подати) носимъ, да милости просимъ“. Конечно, за эти 50 лѣтъ, крестьянство хоть немного, да подвинулось впередъ: стало гораздо больше грамотныхъ, толковыхъ людей межъ мужиками, иные даже читаютъ газеты; курныя избы безъ трубъ остались только по глухимъ угламъ. Лапти, во многихъ мѣстахъ смѣнились сапогами, завелись самовары, лучинку смѣнила керосиновая лампочка. Крестьяне стали жадно прислушиваться къ тому, что говорятъ агрономы насчетъ сельскаго хозяйства; десятки тысячъ селъ завели полевое травосѣяніе и желѣзные плуги замѣнили соху матушку въ цѣломъ рядѣ губерній; удобреніе навозомъ практикуютъ уже милліоны хозяевъ, тогда какъ лѣтъ 20 назадъ навозъ сваливался въ овраги. Но этихъ улучшеній для стомилліоннаго народа слишкомъ мало, чтобы всѣ зажили въ достаткѣ, трезвой разумной жизнью. Нужда, пьянство, невѣжество опутываютъ крѣпкими сѣтями большую часть крестьянъ. Народъ мельчаетъ, слабѣетъ и вырождается. По призывнымъ спискамъ новобранцевъ, за 30 послѣднихъ лѣтъ число забракованныхъ по болѣзнямъ и тѣлеснымъ надостаткамъ—увеличилось въ полтора раза.

Послѣ всего разсказаннаго,—понятно, отъ какихъ причинъ падаетъ здоровье, и происходитъ вырожденіе населенія. Главныя причины созданы при освобожденіи, когда крестьянъ выпустили на волю съ урѣзанными надѣлами и высокими податями, а послѣ освобожденія не позаботились дать сразу достаточное образованіе народу. Малоземелье и подати не дали крестьянамъ отдохнуть, укрѣпиться, накопить средствъ и силъ, чтобы понемногу, по мѣрѣ распространенія знаній, перейти на улучшенное хозяйство и, съ теченіемъ

времени, добиться удвоенія урожаевъ. Если бы за эти 50 лѣтъ урожаи поднялись вдвое, то приростъ населенія былъ бы не страшенъ, и въ настоящее время крестьяне не знали бы нужды, земельной кабалы и голодовокъ...

Крестьянское малоземелье и нужда отражаются не только на однихъ крестьянахъ: они давятъ хозяйство всей Россіи, потому что обѣднѣвшіе крестьяне мало покупаютъ товаровъ, и промышленность и торговля Россіи развиваются слабо. Какъ до освобожденія, крѣпостное право задерживало промышленную жизнь у насъ, такъ теперь ее задерживаютъ малоземелье и земельная кабала, потому что крестьяне всѣ свои силы должны тратить не на себя и свое хозяйство, а на дорогую аренду и покупку земли.

Крестьянская бѣда есть бѣда всей Россіи, и кто заботится о процвѣтаніи нашего отечества, долженъ прежде подумать о процвѣтаніи всего русскаго крестьянства.

КОНЕЦЪ.

СС[illegible]

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Надѣлы и повинности крестьянъ при крѣпостномъ правѣ.

Стр.

Какъ помѣщики стали земельными собственниками. Развитіе помѣщичьяго хозяйства. Разряды крѣпостныхъ крестьянъ. Повинности оброчныхъ крестьянъ. Повинности барщинныхъ крестьянъ. Сокращеніе крестьянскихъ надѣловъ. Какъ помѣщики кормили своихъ крестьянъ 3

Глава II. Надѣлы и платежи крѣпостныхъ, установленные при освобожденіи.

Попытки освобожденія до 1861 года. Первоначальные планы правительства. Стремленія помѣщиковъ. На чемъ согласились правительство и помѣщики: а) земельные надѣлы, б) выкупная операція. Общинное устройство. Результаты земельной реформы по областямъ. 41

Глава III. Хозяйственная жизнь крестьянъ послѣ освобожденія.

Ростъ населенія. Сокращеніе надѣловъ. Возрастаніе податей и налоговъ. Крестьянское оскудѣніе. Оскудѣніе помѣщиковъ-дворянъ. Аренда. Покупка земли. Переселеніе. Землеустройство. 92